
1929
ORIENT
Женщины на перепутьи
Записки
женскаго врача

Л. ЛАРСКІЙ

ЖЕНЩИНА НА ПЕРЕПУТЬИ

(Записки женскаго врача)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ORIENT»
Рига, ул. Свободы 36. Тел 21645. Почт. ящик 566.

Печатано в типографіи Д. Апта.
Рига, Парковая ул. 1-а. Тел. 22709.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Книга родилась из наблюденій врача. Зарисовки, объединенныя общей темой, касаются взаимоотношеній между полами. Своим остріем книга направлена против искривленій, возникающих в быту, благодаря ложному пониманію сущности половой связи между мужчиной и женщиной. Коллизіи, конфликты, возникающіе в сферѣ пола,—центральная тема книги Ларскаго.

Человѣчество вѣками набрасывало завѣсу тайны на взаимоотношенія между мужчиной и женщиной. Религія слишком долго учила о «нечистотѣ» половых отношеній, осуждая своим авторитетом естественное, продиктованное самой природой влеченіе. Пол объявлялся загадочной стихіей, в которую не дано проникнуть организующей, раціоналистической мысли.

Книжка Ларскаго, приподымающая завѣсу над еще недавно «таинственным» вопросом, по мѣрѣ сил обличающая косный подход к половой проблемѣ в Совѣтской Россіи, представляет для нас положительный интерес.

Врач, от имени котораго идет разсказ, наблюдает человѣка с самой интимной стороны. Перед ним человѣк проходит со всѣми своими горестями и затаенными печалями. Но сколько зла причиняет он себѣ и другим, благодаря устарѣлым, схоластическим (а иногда — и просто нечестным) возрѣніям на обязанности и права человѣка в сферѣ пола!...

Дѣвушка теряет любимаго человѣка лишь потому, что близкія люди из-за ложнаго стыда не рѣшились разсказать ей, что в дѣтствѣ она болѣла, в сущности, не страшной и вполнѣ излѣчимой болѣзнью.

В зарисовкѣ «Из дневника»» женщину раздирают противорѣчія, являющіяся слѣдствіем случайнаго материнства. Автор затрагивает острый и еще неразрѣшенный вопрос о правѣ женщины на аборт.

Любовь и дѣторожденіе—это в порядкѣ вещей. Но в правѣ ли женщина не жалѣть ребенка от нелюбимаго человѣка? Законна ли эта непріязнь?

— Я вдруг поняла, что ребенка ненавижу ненавистью по силѣ, равной материнской любви. Я не могу любить этого ребенка...

Женщина ищет разрѣшенія конфлитка в абортѣ. Автор ставит этот, такой значительный и спорный вопрос, во всей его полнотѣ.

В «Бытовое» дѣвушку-комсомолку травят досужіе до сплетен сосѣди. Она рѣшает обратится за помощью к врачу.

— Будьте выше сплетен, — равнодушно рекомендует врач. — Вот вы политграмотой занимаетесь, а обращаете вниманіе на такіе пустяки!...

Но одной политграмоты, недостаточно, и в концѣ концов, она вынуждена просить врача удостовѣрить ея «непорочное житье»...

Но как пошл рядом с этой комсомолкой, ищущей в «удостовѣреніи» защиты от сосѣдских кумушек, сытый благовоспитанный инженер, предъявляющій такія же формальныя требованія к любимой женщинѣ, к невѣстѣ!..

«Элегія» — недурная зарисовка переживаній женщины, узнавшей, что с материнством покончены счеты. Нужно обладать большим тактом и здоровым чутьем для того, чтобы так человѣчно и чисто передать печаль женщины, перешагнувшей за грань старости.

Несмотря на то, что автор все время затрагивает острыя «отрѣшенныя» темы, он ни на минуту не сходит с дороги объективной истины.

Книжка по праву заслуживает вниманія не только женщины, находящейся в эти дни переустраиваемаго быта на перепутьи, но и со стороны ея болѣе сильнаго и вооруженнаго спутника.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Я возвращался из города на дачу.

Когда поѣзд врѣзался в голубые сумерки лѣтняго вечера, я стал у открытаго окна и с жадностью вдыхал в себя своеобразный, ни на что не похожій запах — смѣсь лѣса, поля, навоза, дыма...

Ѣхать около часу. Как-то сразу стемнѣло; я все — у открытаго окна. Искры с паровоза, уносимыя вѣтром назад, стремятся во что бы то ни стало попасть мнѣ в глаза. Я сажусь на свое мѣсто, у окна и нечаянно задѣваю сидящую рядом пассажирку.

— Простите.

— Прощаю. А невнимания не прощаю...

В вагонѣ, у самаго потолка, над входной дверью, слабо мерцала свѣча и лица пассажирки я не разглядѣл. Голос показался мнѣ знакомым, но, еще одурманенный ароматами вечерняго воздуха, — я не сразу сообразил, чей это голос...

— Позвольте, позвольте... Ах, простите, пожалуйста... Здравствуйте.

Я узнал по знакомому голосу мою сосѣдку по дачѣ, NN.

Завязался разговор.

— А вы со службы?

— Да. Сегодня задержалась. Пріем большой.

— А вы врач?

— Да... Послѣ такого пріема, как сегодня, хорошо бы полѣзть в воду. Вы купаетесь? Я вас не видала у рѣки.

— Как же, купаюсь... Но мы, видимо, в разное время. А вы, обычно, когда возвращаетесь?

— Когда пріем кончаю. Около шести. Сегодня и пріем большой, да еще с больной одной, любопытная исторія...

— А вы по какой спеціальности?

— По женским, гинеколог.

— О, тогда у вас, вѣроятно, много любопытных наблюденій?

— Как вам сказать. Бывает... Например, сегодняшній случай... Даже я, как врач, чего только не насмотрѣлась и не наслышалась, — но я еще до сих пор под впечатлѣніем...

Я заинтересовался.

— В самом дѣлѣ?.. Разскажите, если можете...

— Что же... Если вам не наскучит...

И я выслушал исторію, дѣйствительно, любопытную. Я услышал наглядный примѣр того, как под личиной простого факта — болѣзни скрывается человѣческая драма, как в этой драмѣ переплетаются человѣческіе интересы, соціальныя и бытовыя условія, человѣческое горе и человѣческая радость. А над всѣм этим — простой факт — болѣзнь

Я прослушал разсказ доктора с большим интересом и говорю ей:

— Послушайте... Вѣдь это же очень важно... Если судить по вашему разсказу, вы об этом узнали случайно. Больная могла не разсказать этого?

— Ну, конечно.

— Так как же дальше? Что вы с больной сдѣлаете?

NN разсмѣялась.

— Я-то? Ничего. Буду лѣчить. Назначила курс.

— И это все?

— Чего же вы еще хотите?

Разсмѣялся и я в свою очередь.

— Я-то ничего не хочу... Но, вы извините мое невѣжество... Я в медицинѣ ничего не смыслю. Я просто, как писатель, любопытен. Я полагаю, то, что вы узнали от больной, должно вас заставить принять какія-либо мѣры. Ну, не медицинскія. Поговорить с ней. Дать совѣт. Наконец, обратить вниманіе общества, той или иной инстанціи.

Стала у окна и обернулась лицом ко мнѣ:

— Наивный вы человѣк! Наше дѣло лѣчить. Мало ли таких исторій... Даже выслушать всѣх больных времени не хватит... Вѣдь и мы наш труд американизируем. Иногда приходится выслушивать... А если больных много, извиняешься перед больной и обрываешь разсказ в самом началѣ, если он без значенія для исторіи болѣзни.

Я вдруг вдохновился.

— Вот что, попробуйте описать сегодняшній случай. Вот так, как вы мнѣ разсказали.

Она удивилась.

— Зачѣм?

Мы стояли у наших дач.

— Увидите. Попробуйте. Вы каким завтра в город?

— В 9 утра.

— Ну, и я с этим же поѣду.

На слѣдующій день встрѣтились на станціи. NN держала наготовѣ тетрадку.

— Вот, сдѣлала... Но лучше не читайте... Какая же я писательница.

Смутилась.

Я не отвѣтил, принял тетрадку. В ней оказалось нѣсколько исписанных страниц.

Покуда я читал, NN как бы безразлично смотрѣла из окна вагона, но, я чувствовал, она с нетерпѣніем ждет приговора. Я спрятал тетрадку в свой порфель.

— Зачѣм же забираете? Ну, что, как? Сдѣлала, как Вы сказали.

И все смѣется.

— Слушайте, — говорю я моей сосѣдкѣ, подчеркиваю серьезность моих слов. — Я предложил вам сдѣлать опыт. По-моему вы справились... Вот что. Давайте условимся и обѣщайте, что исполните. Поставьте себѣ задачей отмѣчать в вашей практикѣ то, что по вашему заслуживает вниманія...

В нужных случаях постарайтесь вызвать больную на разговор и выявляйте изнанку болѣзни. Дома, у себя, под свѣжим впечатлѣніем запишите. Затѣм ваши записки опубликуем.

Поѣзд подошел к Москвѣ. Пассажиры, как бѣшеныя, помчались на платформу, к трамваю.

NN тоже торопится. Я отстаю и слышу — она говорит на ходу, полуобернувшись ко мнѣ:

— Вы фантазируете, мой милый...

— Да нѣт же, нѣт... Я серьезно...

Я проводил ее к трамваю. Вскочила почти на ходу и затерялась в людской гущѣ, на трамвайной площадкѣ,

Оттуда махнула мнѣ рукой, и я успѣл разслышать:

— Хорошо, постараюсь.

Лѣту скоро пришел конец. Изрѣдка, при встрѣчах, NN разсказывала мнѣ интересныя случаи из ея практики.

— Ну, что, записываете?

— Что вы!... Теперь... лѣтом?... Вот переѣду в город...

Прошла осень. Наступила зима. Завертѣлся в московской сутолокѣ. Откровенно сознаюсь: я об NN совсѣм забыл.

И вот однажды утром, когда я весь ушел в свою работу, мнѣ вдруг подают заказной пакет. Вскрываю. Рукопись. Я не удивился. Рукописи получаю не рѣдко. Вдруг от рукописи отдѣлились и упали на пол нѣсколько страничек синей бумаги почтоваго формата. Поднимаю. Начинаю читать:

«Милый и случайный друг!

— Уѣзжаю в командировку в Монголію и не успѣю к Вам зайти. Поѣзд уходит сегодня вечером. Я выполнила обѣщанное, но долго колебалась, — послать ли... В послѣдній момент рѣшилась... За мои колебанія я наказана: не увижу Вас и не услышу Вашего мнѣнія о написанном. Ну, так и

быть. Отдаю мои записки всецѣло в Ваше распоряженіе. Выправляйте, вычеркивайте, что хотите дѣлайте. Одно условіе — фактов не искажайте. Скажу вам только: я отбирала такіе факты, в правдивости которых я абсолютно увѣрена. И еще: если Вам, дѣйствительно, удастся издать мои записки, назовите их «Женщина на перепутьи». Мнѣ этого хочется не из литературнаго каприза. Я раньше над этим не задумывалась. Но в процессѣ наблюденій, на которыя Вы меня толкнули, я убѣдилась: да, над женщиной еще тяготѣет вчерашнее... Но вмѣстѣ с тѣм она начинает выпрямляться, дѣлает усилія, чтобы этот гнет с себя сбросить... То робко, то смѣло... Должна сказать, в моих записках я и себя не щадила. Я знаю, в рядѣ случаев — похвалы не заслуживаю. Я не пыталась оправдать себя. Как мы условились — я подаю факт, как он есть.

Я тороплюсь очень. Хотѣлось бы с Вами поговорить болѣе обстоятельно. Но не успѣю. С дороги напишу. Пришлю свой адрес».

И вот представляю записки на общественный суд.

Москва, Ноябрь 1928.

ПИСЬМО.

Я начинаю пріем в два часа. Обычно я прихожу в амбулаторію за нѣсколько минут до начала пріема. По карточкам-анкетам, заполняемым фельдшерицей при записи больных, я, не торопясь, знакомлюсь заочно с своими больными. Каждая из них вырастает предо мною в живой образ. Сопоставленіе возраста, соціальнаго и семейнаго положенія, перенесенных болѣзней приводит к опредѣленному синтезу, пріоткрывает завѣсу над жизнью человѣка.

Я люблю пытливо заглядывать в душу больного, не ограничиваюсь установленіем внѣшних признаков болѣзни — діагнозом. Это по - моему — долг врача. Иначе врач никогда не поймет больного, не сумѣет его, как слѣдует лѣчить. Но зато, как давит пытливый, молящій взгляд больного на врача. Точно врач должен не только помочь ему в болѣзни, но и всю жизнь его перестроить. А вѣдь, по существу, это так: большинство болѣзней, особенно так называемых женских, — это продукт соціальных условій. К сожалѣнію врач не всегда это учитывает. Врач, конечно, не в силах устранить соціальнаго явленія, вызывающаго ту или иную болѣзнь. Но, подходя к болѣзни, как соціальному фактору, а к больной — как к жертвѣ этого фактора, — он не только облегчает себѣ процесс лѣченія больного, но и, кто знает, быть может зажигает в нем искру соціальнаго протеста. Но все же, когда больной глядит на тебя, как на своего спасителя, когда проходишь сквозь строй больных в коридорѣ пріемной, — хочется сжаться в комок, стать невидимкой. Потому что знаешь — в боль-

шинствѣ случаев мы безсильны помочь. Вот еще почему я стараюсь приходить на пріем до его начала.

Сегодня выдался для меня такой удачный день. Потому ли, что я пришла без четверти два, потому ли что больных удержала дома осенняя слякоть: когда я вошла в длинный узкій коридор амбулаторіи, мнѣ показалось, что меня больные вовсе не ждут. Но у двери кабинета, на длинной, выкрашенной в темно-коричневую краску, скамьѣ сидѣла одиноко, понурив голову, молодая дѣвушка. Синій, элегантно - скроенный костюм, Черная фетровая шляпа. Шелковые чулки тѣлеснаго цвѣта открывали, по-модному, до колѣн, хорошо отточенную ногу в желтой туфелькѣ на высоких каблучках. Внѣ моего кабинета я сама — больше женщина, чѣм врач и замѣтила всѣ детали костюма и внѣшности поджидавшей меня больной. Лица не разглядѣла. Против обыкновенія, над чѣм - то сосредоточившаяся, больная на меня не взглянула.

Мой кабинет — небольшая, свѣтлая, сверкающая бѣлизной комната. Вся обстановка в кабинетѣ бѣлая: и мой рабочій столик — в глубинѣ комнаты, почти у окна, и гинекологическое кресло у стѣны направо, и умывальник, и шкафчик с инструментами и лѣкарствами. Два бѣлых стула. На вѣшалкѣ бѣлый халат.

Уже заинтересованная больной и переодѣвшись в халат, я подхожу я столу. Наверху карточка, очевидно, поджидавшей меня больной. Имя и фамилія мнѣ ничего не сказали. Дѣвица. 22 года. Не болѣла. Вѣроятно, аборт. Слишком похоже. Открываю дверь, приглашаю войти. Только теперь разглядѣла ее лицо. Блѣдно-матовое, с глубоко сидящими голубыми глазами. Тонкая, хрупкая. Явно — прячет грусть.

— Садитесь. Я вас слушаю.

Молчаніе. Блѣдно - матовое лицо покрывается густым румянцем. Мгновенно опять блѣднѣет неестественной желтизной.

Молчу и я. Выжидаю. Я привыкла к такйм «настроеніям» больных. По большей части они вызываются нѣкоторым стѣсненіем, нерѣшительностью перед разсказом обо всем, — особенно в случаях результатов «незаконной связи». Я подумала, навѣрное, и в данном случаѣ что-либо подобное. Но признаки душевных мук на лицѣ моей паціентки были слишком явны, не шаблонны, и я, продолжала упорно глядѣть ей в глаза, чтобы заставить ее заговорить, повторяю:

— Ну, что у вас? Говорите.

Тут только я замѣтила, что паціентка протягивает ко мнѣ руку в темно-коричневой перчаткѣ. В рукѣ письмо, сѣрый конверт. Беру письмо. Адресовано: «Гражданкѣ—врачу NN». Письмо не запечатано. Нѣсколько строк размашистым мужским почерком. Я в недоумѣніи. Мѣста просит, что-ли? Протекція? Но я при чем?

Тихій голос:

— Читайте скорѣе, Ради Бога.

Вот что было написано в письмѣ:

«Многоуважаемая (слѣдует мое имя и отчество), обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой осмотрѣть подательницу (слѣдует имя, отчество и фамилія) на предмет ея невинности. А если невинность утрачена, то каким способом. Прошу в точности указать, чѣм весьма обяжете.

С совершенным почтеніем
инженер-строитель............

Теперь, когда я письмо прочла, паціентка не то что успокоилась, но пришла в состояніе какого-то оцѣпенѣнія. Длинныя черныя рѣсницы закрыли ея глаза. Страданіе? Смущеніе?

Я начинаю что-то подозрѣвать.

— В чем дѣло?

— Письмо от жениха... Не вѣрит мнѣ... Не женится, если... если не принесу от врача справки, что... что...

Не договорила. Не могла говорить. Но я сама поняла все.

— Ну, а вы?

Я чуть не впала в праздное любопытство. Врач не должен врываться в интимную жизнь больного, если больной сам не разсказывает, или если этого не требует процесс выясненія болѣзни.

Я жестко отвѣчаю:

— Врачи таких справок не дают. В порядкѣ судебной экспертизы.

Молящій взгляд. Длинныя рѣсницы открывают бездонную скорбь.

— Доктор, я сама знаю. Это жестоко с его стороны, но... я объявлена невѣстой, стыд перед родными, перед знакомыми, Родители в нуждѣ. Ради Бога, доктор, не откажите...

Я успокаиваю, как могу.

— Ну, а вы... Вы вѣдь-то сами знаете... Вы в первый раз... выходите замуж? Вы жениху правду говорите?

Скорбь разразилась кризисом. Рыданія.

— Я... я .. дѣ... вушка...

— Почему же он вам не вѣрит? Был повод?

— Не... не... знаю... я... на колѣнях... умоляла... щадить А он говорит... Такую красивую, как ты... нельзя не любить... Он говорит... не может быть, чтобы меня до сих пор мужчины...

Мнѣ становится жаль паціентки: основательны, или неосновательны подозрѣнія жениха, — не все ли равно? Но в то же время я сама сомнѣваюсь в ея искренности. Симуляція так часта. А что, если разжалобить хочет врача, слезами вымолить «справку», чтобы загладить «грѣх»? Тут уже не праздное любопытство, а любознательность врача.

— Лягте, я вас изслѣдую.

Я установила дѣвственность моей паціентки и сказала ей об этом.

Сойдя с гинекологическаго кресла и приводя

себя в порядок, она, по-дѣтски, захлебываясь в слезах, говорит:

— Да... я вѣдь это знала... Но мнѣ нужно удостовѣреніе... Он такое про меня думает...

— Удостовѣреніе? Нѣт, такого удостовѣренія выдать не имѣю права.

И я прочла ей цѣлую лекцію. Я говорила о порабощенном положеніи женщины, об униженіях, которым женщину подвергает мужчина-мѣщанин. Что женщина должна бороться с этой тираніей. Что такой человѣк, в наше время в особенности, заслуживает презрѣнія и т. д.

Я говорила и чувствовала, что мои увѣщеванія цѣли не достигают.

Ни словом, ни взглядом не отозвавшись на мою рѣчь, паціентка вышла из кабинета, согбенная под тяжестью горя.

— Слѣдующая...

Начался пріем. Прошло через меня в этот день много разных больных, но все время перед моими глазами стояла дѣвушка с матово-блѣдным лицом и синими глазами.

Когда я уходила из амбулаторіи и внизу у вѣщалки одѣвала пальто, меня вдруг позвала фельдшерица:

— Вас просят по срочному дѣлу к телефону.

Одѣвая на ходу пальто, я поспѣшила к телефону.

— Кто говорит?

Солидный баритон из трубки:

— Простите, доктор. Сегодня к вам приходила с письмом моя невѣста.

Я догадываюсь. Говорит автор письма.

— Гражданин. Все, что нашла нужным, я сказала паціенткѣ. Вы зря оскорбляете женщину!

И рѣзко повѣсила трубку.

ИЗ-ЗА ЛѢНИ.

Случай, о котором я хочу разсказать, я отнесла к заурядным. Поэтому я его своевременно не внесла в свой дневник. Каждый день на пріемѣ я с нетерпѣніем ожидала, что мое предположеніе подтвердится. Но прошло больше мѣсяца, и этот заурядный случай вырос в проблему, в укор.

Это было больше мѣсяца тому назад, но запомнилась каждая деталь.

— Здрасте, доктор.

В мой кабинет впорхнула, привѣтливо улыбаясь, молодая женщина невысокаго роста, блѣдная, дряблая. Ей можно было дать одинаково и 18 и 30 лѣт. Стриженная, с черными лакированными волосами — пробором, гладко прилаженным к вискам. Платье недешевое, но неопрятное и небрежно одѣтое; кофта — зеленое джерсэ. Обрисовывается тѣло. На ногах в рѣзком диссонансѣ с платьем и модной прической — простые, давно нечищенные черные полуботинки и бѣлые бумажные чулки.

Приступаю к опросу.

— Садитесь. Ваша фамилія?

Назвала себя. Беру ее карточку.

— Вам 22 года?

— Да.

Отвѣчает тоном самодовольства: «какая, дескать, я молодая».

Жеманство, совершенно излишнее в кабинетѣ врача, кокетство, — к тому же неумѣлое, вульгарное, — производят нехорошее впечатлѣніе. Больная явно к себѣ не располагает. Но мнѣ какое

дѣло: я врач и до внѣшности больной и ея манер мнѣ никакого дѣла быть не должно.

— Чѣм занимаетесь?

— Учащаяся.

— Замужем?

Больная завертѣлась на стулѣ. Обиженным тоном:

— Нѣт, знаете, дѣвица. Но я уже женщина... Уже год женщина...

Я подумала:

«Живет в незарегистрированном бракѣ? И когда, наконец, они поймут, что врачу безразлично — ходили они, или не ходили в загс».

— Так. На что жалуетесь?!

— Не могу этого сказать... А вот... Какія-то выдѣленія...

Сказала это, так играя мускулами лица, с такой интонаціей в голосѣ, точно хотѣла сказать, что «выпила чашку шоколада».

— Когда начались выдѣленія? Часто бывают?

— Как только стала женщиной... Полѣнилась пойти к врачу. (Потянулась на стулѣ, как в гостиной на шезлонгѣ. На лицѣ — нѣга и истома.) Прошло... Теперь... опять, знаете...

Я ставлю вопросы прямо:

— С одним живете?

— Нѣт, что вы, доктор...

Явно обидѣлась.

— Что вы, доктор. Я... по мѣрѣ надобности... Когда деньги нужны. Вѣдь я учусь, не служу... Расходы у женщин, знаете?.. У этого больше нѣт денег... я к другому.

— Сколько же в год мѣняете мужчин? Каждый день так живете?

Обворожительная улыбка:

— Н-ну, во всяком случаѣ, часто...

— Почему же вы все-таки не лѣчились?

— Сказала, лѣнь было... Думала, так пройдет... К докторам — хуже сдѣлают.

— Ложитесь.

Жуткая картина. И без тщательнаго осмотра установила запущенную гоноррею.

Мелькнуло в сознаніи:

«Сколько народу заразила...»

— Вставайте.

Поднимаясь, просит, без всякаго огорченія в голосѣ, точно вся эта процедура осмотра была лишь формальностью и теперь можно о главном, за чѣм пришла.

— Доктор, выпишите капель.

Мнѣ не до шуток.

— Какія там капли. Не говорите глупостей. Вам надо серьезно лѣчиться. Вы очень больны До изслѣдованія и пока не вылѣчитесь, вам нельзя... встрѣчаться с мужчинами... Направлю вас в диспансер.

В отвѣт разочарованное:

— Хорошо. Слушаю. А капель не будет?

Пауза. Удивленный взгляд. Обворожительная улыбка.

— До свиданья, доктор.

Кофта зеленаго джерсэ поплыла к двери.

Прошло больше мѣсяца. Больная ко мнѣ больше не являлась. Ходит по городу зараза.

ТУПИК.

Слѣдующая!

Входят ни пріем двѣ женщины. Одѣты по-деревенскому. Одна молодая, с большим животом, — она, повидимому, и есть больная, — другая, почти старуха, сопровождает ее.

Вошли, и та, что постарше, сразу выпалила:

— Здѣсь дѣлают аборты?

Обхожу вопрос.

— Кто больная?

Отвѣчает старая:

— Это вот — она, брата моего жена.

— Вы — больная?

Задаю обычные вопросы. Свѣряю с карточкой.

— Чѣм занимаетесь!

Работница на фабрикѣ, а муж хозяйствует в деревнѣ.

— На что жалуетесь?

Больная:

— Да вот, докторица... Восьмой мѣсяц, как мѣсячных нѣт... Не знаю, что и подумать.

Посмотрѣла. Беременна. Живой ребенок.

Сказала об этом больной.

— К чему врача обманывать? У вас в животѣ живой ребенок шевелится.

— А накой он мнѣ нужен... Был кавалер, теперь нѣту...

И вдруг в слезы ударила сразу, точно держала слезы про запас.

— Докторица, голубушка. Возьмите ребенка, схороните. Пожалѣйте горемычную.

И невѣстка просит, убѣждает:

— Так что сдѣлайте вашу милость, сдѣлайте. А насчет денег... Заплатим, голубка. Не постоим.

— Да вы знаете, о чем вы просите? Об убійствѣ. И мать умереть может! Но почему вы не хотите ребенка?

Молодая:

— Был кавалер. Теперь нѣту. Я в городѣ. Муж там.

Невѣстка:

— Узнает брат — убьет ее сердешную.

Сквозь старческія слезы:

— А мнѣ нѣшто легко это будет, коли брата на каторгу сошлют. Кормилец он наш единственный. Помогите, докторица, родименькая. Не дайте до грѣха довести.

Я пытаюсь им втолковать, что здѣсь, в амбулаторіи, абортов не дѣлают, что для этого ёсть особыя городскія лѣчебницы, куда амбулаторія может направить, если находит аборт нужным. Что в данном случаѣ на аборт послать не могу, так как нѣт никаких медицинских показаній и что, напротив, мать рискует жизнью.

Но они на своем. Перешли от тихих слез к причитаніям, к плачу навзрыд.

— Возьмите. Возьмите ребеночка, схороните.

— Подумайте, о чем вы просите! Вы просите врача об убійствѣ.

— Ох, горюшко, горюшко наше... Брат-то узнать может. Боже сохрани.

— Устрою вас в «Домѣ матери и младенца». На заводѣ, по закону, вам полагается отпуск. А потом — ребенка в ясли.

— Но все одно — от брата не укроешь.

Становится неудобно. Больным за дверью слышны рыданія моих паціенток.

— Успокойтесь. Ничѣм помочь нельзя. Пойдете к бабкѣ — убьет ребенка и мать. Ребенок должен быть живым.

— Теперь уже знаем, докторица. Втолковали.

Спасибо, голубушка. Но мы на то и пришли... Хотим, чтобы вы его схоронили.

Я говорю старой:

— Поговорите с братом. Муж не должен быть звѣрем. Жена — не раба. Значит был другой муж. Совѣтская власть защищает свободу женщины.

Я произношу агитаціонную рѣчь. Но...

Мнѣ суют в руки деньги.

— Голубушка, схороните.

Знаю, почти навѣрняка. Пойдет к бабкѣ. Погибнут и мать, и ребенок. Но я безсильна помочь.

— Слѣдующая!

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПОДХОД.

Сегодня я сдѣлала тщетную попытку спасти в женщинѣ женское... И вот теперь, когда я собираюсь об этом случаѣ разсказать, я сама не знаю, как подойти к нему, как о нем разсказать: как о новой, пусть преходящей трагедіи женщины, или как об анекдотическом отраженіи современности. Во всяком случаѣ, таким незаурядным случаям, как сегодня, — я рада. Они заставляют думать, выйти за предѣлы сухого медицинскаго изслѣдованія... Но что значит «незаурядный?». Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что заурядных случаев в медицинской практикѣ, — особенно в нашей области — гинекологіи, — нѣт. Каждая болѣзнь, каждая больная ставит врача лицом к лицу с подлинной жизнью, с ее всевозможными изворотами. И только от врача, от его кругозора зависит: пройти мимо больного добросовѣстным профессіоналом, или заглянуть поглубже, приподнять завѣсу над «жизнью человѣка»...

Вот сегодня. Я могла бы просто констатировать у моей паціентки нормальную двухмѣсячную беременность. Пріем продолжался бы не болѣе пяти минут — и все. Ничего особеннаго. Аборты стали общим явленіем. И если о каждом из них разсказывать... Ну, так что же? И стоит... Развѣ в большинствѣ случаев аборт — не развязка тяжелой драмы, или... комедіи, готовой превратиться в драму? Развѣ каждый аборт в отдѣльности, если в нем разобраться, не отличается своими индивидуальными черточками, заслуживающими вниманія врача, бытописателя, общественника?

Я каждый день, в теченіе четырех часов принимаю от 30 до 40 женщин-больных. Каждой боль-

ной могу удѣлить, в среднем, от 6 до 8 минут. Когда принимаю одну больную, я знаю, что в коридорѣ, у двери моего кабинета, меня нетерпѣливо ждет очередь. Приходится торопиться. И весь это богатый человѣческій матеріал пропускаешь мимо. И лишь изрѣдка я могу себѣ позволить роскошь выйти за предѣлы узких, ограниченных обязанностей врача. Впрочем, я это дѣлаю не разсуждая. Для этого надо, как говорят французы, qu'il me frappe une idee *.

Когда я у моей паціентки установила нормальную двухмѣсячную беременность и сказала ей об этом, я еще о жизни этой паціентки не знала. И идея осѣнила меня, как бы сказать, посторонняя, что ли, вовсе несвязанная с обстоятельствами, толкнувшими женщину на аборт. Я видѣла перед собою обыкновенную совѣтскую служащую, женщину 30 лѣт. Некрасивая, одѣтая просто, без претензій на изящество. Таких много. На лицѣ слѣды житейских забот. Должно быть — служба, хозяйство. А может быть и частые аборты. Мнѣ ее стало просто жаль. 30 лѣт — и ни слѣда женственности. Нѣт даже этого отпечатка «осенней грусти», свойственнаго женщинам этого возраста, когда они прощаются с уходящей молодостью.

Я ей говорю:

— Послушайте. Зачѣм вам аборт? Вѣдь у вас дѣтей нѣт, и аборт не первый. Вы еще молоды. Доносите ребенка, — вы сохраните себя.

У меня не хватило мужества прямо ей сказать, что она отцвѣтает, что материнство обновит ее соки, вѣрнет ей молодость, свѣжесть, силу... Говорила намеками так, чтобы поняла меня.

Вот это я имѣла в виду. И... это было так некстати.

Словом, не попала в цѣль.

— Вы замужем?

— Да, то-есть нѣт.

---

*). Чтобы осѣнила идея.

— Как это понять? От кого ребенок?

— От мужа.

— Вы, значит, замужем и муж с вами?

— Позвольте, доктор, вам разсказать, и вы поймете все.

И вот, что я услышала.

— Я замужем десять лѣт. Отец мой учитель гимназіи... Жила, как все дѣвушки моего круга... Театры, концерты, изрѣдка бал... По смерти отца давала уроки... С пенсіей кое-как пробивались... Образ жизни тот же... Вышла замуж по любви... Судейскій чиновник, по-теперешнему «отвѣтственный работник». Муж любил меня. Но, знаете, в то время, наш круг чиновников высших рангов... Внѣшній лоск, хорошенькая жена... Я боялась утратить обояніе для мужа. Боялась беременности, заботы о дѣтях. Наконец, мы не были настолько обезпечены, чтобы окружить дѣтей няньками, боннами. И в первый же год сдѣлала себѣ аборт... Все шло ладно. Уроки забросила. Как и всѣ женщины моего круга, работала сестрой милосердія. Общественная работа была лишь завѣсой для прикрытія флирта и веселых сборищ у чиновников различных рангов... Муж заставлял меня хорошо одѣваться, и мой успѣх льстил его самолюбію. Но так продолжалось недолго. Я не успѣла втянуться и привыкнуть к сытой, беспечной жизни.

Революція рѣзко измѣнила строй нашей жизни... Первые два года муж не служил. Сначала был уволен, то-есть учрежденіе было опечатано... Ну, было время колебаній, принципіальнаго саботажа... Мы жили остатками нашего довольства. Старались сохранить заведенный ранѣе домашній порядок. Я сдѣлала себѣ еще два аборта. Затѣм, когда наши запасы истощились, муж поступил на службу. Нельзя было не служить тогда. Брали людей куда и кого попало... Без службы пайка не получишь, с голоду помрешь, — это когда запасы у нас истощились. Забыла вам сказать, что я стала служить с самаго начала революціи. Скоро одного моего

пайка оказалось недостаточно. Порой нам трудно приходилось. Мы не были исключеніем, всѣ так жили... С пайком мужа легче стало... Но вся суть в том, что у мужа в новых условіях душа к работѣ не лежала. Не то, чтобы он был сознательным противником совѣтской власти... А так, он слишком впитал в себя чиновничьи привычки и традиціи дореволюціоннаго времени и с новой обстановкой никак не мог свыкнуться. К тому же за два года бездѣлья он просто разлѣнился. Но до нэпа ничего еще... Какая тогда была работа служащаго, вы знаете. Писать бумажки... Разговоры о пайках... Муж получил юридическое образованіе, а работал гдѣ-то в учрежденіи по перевозкѣ грузов. Человѣк не без способностей... Но развѣ тогда, при желаніи и способностях, нельзя было проявить себя, работать по-настоящему? Я и тогда была увѣрена, что да... Я у вас отнимаю, доктор, время этими подробностями, но иначе вы не поймете... Вѣрьте, мнѣ не весело... Ну, вот. Я мужа пилила, будила его от спячки.

Но вот нэп. Всякій, кто хотѣл, мог приложить свои силы и знанія к дѣлу. И мой муж также сумѣл бы. Но уже требовалась работа, настоящая работа... Я-то что. Я за эти годы втянулась в дѣло. Считаюсь теперь со стажем. Получаю 80 рублей в мѣсяц. Перед мужем же открылась широкая дорога... Я его и толкала. Сама искала хода... связей... Сам-то он себя недостаточно зарекомендовал. Не пустил корней. Наконец, устроился. Для начала получал прилично. Но требовалась работа, а он разлѣнился. Относился инертно. Часто запаздывал, подолгу валялся в постели со своей трубкой. Лежит, курит, ни о чем не думает... Прострація какая-то. На службу не идет. Представьте себѣ, лежит, вытянувшись в постели, накрытый наполовину шерстяным одѣялом, крупный мужчина... Он большой очень. Черная борода и шевелюра с просѣдью в безпорядкѣ. Большіе, по-дѣтски

спокойные глаза. Гладкая, почти молодая кожа... И жаль... и злость берет...

Кончилось увольненіем... Вы понимаете, послѣ передышки, опять жить на мои 80 рублей не легко было... С трудом опять пристроился. И та же канитель. А жизнь дорога. Моего жалованья с трудом хватало. Мнѣ и одѣваться хотѣлось... и в театрѣ побывать... Ну, словом, жить... А тут еще— старухѣ-матери помогать... Я и заявила мужу, что так дальше продолжаться не может, — «нетрудящійся да не ѣст» (паціентка при этом натянуто усмѣхнулась). Вот... Словом, пусть служит и зарабатывает... для себя... Не скажу, чтобы я мужа разлюбила. Его душевная дряблость во мнѣ вызывала даже сочувствіе, но постепенно нарастал во мнѣ протест. Он манкировал работой. Он слишком меня эксплоатировал. Пользовался мною, моим трудом Я стала отказывать себѣ в самом необходимом, — и я рѣшила и в моих интересах, и в его — быть рѣшительной, поставить точку. А с другой стороны — живешь с человѣком, с мужем, в одной комнатѣ, и как не дѣлиться с ним куском хлѣба! Я пробовала уходить без завтрака, пила чай на службѣ, не оставляя дома ничего... Затѣм, как видите, доктор, я совсѣм обабилась, не могу пріодѣться. И временем, свободой не располагаю. А вѣдь жизнь теперь может быть содержательной. Просто голодать приходилось... На службѣ устаю, дома по хозяйству—ломать голову, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Вот на что уходило время, силы... Одним словом, я подумала о разводѣ и твердо рѣшилась. Послѣ нѣскольких предупрежденій, когда убѣдилась, что муж неисправим, я ему заявила об этом. Я стояла одѣтая, готовая выйти на службу, а он, по обыкновенію, лежал в постели со своей трубкой, глядя безсмысленно в потолок. Он отнесся к моему заявленію иронически. Повернулся ко мнѣ лицом недовѣрчиво и отвѣтил:

— А!.. Ты пользуешься легкостью развода?

Сходить в загс? Словом, совѣтскіе законы. Но я также обезпечен совѣтским законом. Выселить ни ты меня не можешь, ни я тебя... Гдѣ возьмем другую комнату?»

На это я ему самым серьезным образом отвѣтила:

— Друг мой, наш развод экономическій. Просто не могу, не хочу тебя больше содержать. И все. Живи себѣ здѣсь на здоровье, но в остальном друг друга не касаемся. Разведемся — и ты не будешь имѣть права пользоваться моим трудом. Хватит. Сил больше нѣт. Ты взрослый, здоровый человѣк. Возьми примѣр с других.

Муж и не сопротивлялся. И здѣсь инертность. Он и не пытался меня разубѣждать. Сходили в загс. Вот уже около года, как мы в экономическом разводѣ. Живем в одной комнатѣ, под одной кровлей. Первое время мнѣ было тяжело; я увѣрена, что он часто голодал. Только на-днях опять лишился службы. Говорит: трудно приспособляться — его не понимают. Но это слова. Как же работают другіе, тысячи? Тренировкой я заставила себя не замѣчать ничего. Иначе, я чувствовала, погибну. Эта тренировка помогает днем... А ночью, когда, усталая, валишься в постель, когда чувствуешь, молодость еще не ушла от тебя, хочется уюта, ласки. А муж.., мнѣ вовсе не чужой. У нас только экономическій развод. Ну, а он тоже. Вы понимаете... Вот и случилось... Хорош же будет экономическій развод, если будет ребенок... Повѣрьте, и ребенка хочется, и жизни хочется. Но...»

Паціентка опустила глаза. Задумалась.

Спокойный разсказ, как нѣчто давно пережитое, но раз навсегда усвоенное и неизбѣжное. И, правда, мнѣ стыдно сознаться в этом. Хотѣлось смѣяться: «Вот какія колѣнца выкидывает жизнь».

Но теперь, когда сижу у себя в комнатѣ, за письменным столом, в полумракѣ — и на бумагу падает свѣт из-под зеленаго абажура лампы, мнѣ больше не смѣшно. Какая, в сущности, драма! До женственности ли тут?

ХОЛОД.

Вы думаете, ласковое фамильярное обращеніе врача с больной — профессіональная привычка, или продуманный способ подхода к больному для психологическаго воздѣйствія на его? Может быть. Но не всегда. С нѣкоторыми больными у врача создается иногда естественная и глубоко искренняя интимность. Точно в круг жизни врача входит новый человѣк, со своими горестями и радостями. И этот человѣк становится ему близок... Хочется его выздоровленія.

И, в самом делѣ, можно ли остаться врачом, только врачом, когда перед тобой юное созданіе 19—20 лѣт, с большими карими глазами на овальном смуглом лицѣ, едва задѣтом румянцем. И то, что она роста невысокаго, тонкая, и вся она такая нѣжная, легкая — вот-вот порхнет, — все это както особенно подчеркивает в ней юную свѣжесть. Служит на заводѣ и ведет общественную работу. Ведет в рабочих кружках занятія по исторіи литературы. Поет на клубных вечерах. Когда пришла ко мнѣ в первый раз, была уже полгода замужем. Она тогда очень стѣснялась и не сразу объяснила причину своего прихода. Смущаясь, комкая тонкими пальцами кружевной носовой платок, она, наконец, процѣдила:

— Доктор, я просила бы вас осмотрѣть меня... Все ли у меня нормально...

— А вы почему спрашиваете? Что вас безпокоит? У вас задержка?

— Нѣт... Задержки нѣт... Я обязана сказать причину моего безпокойства?.. Мнѣ только знать,

все ли у меня нормально... как должно быть у здоровой женщины...

Каждое слово стоило ей большого напряженія воли.

Ну, что же, осмотрю... Там видно будет... Спрошу, если понадобится...

Процесс осмотра был для больной еще болѣе мучительным, чѣм опрос. Не сразу, замедляя движенія, она раздѣлась и легла в кресло. Я щадила ее, и внимательно, но быстро осмотрѣла.

— Вы совершенно здоровы. У вас все нормально.

Я полагала, обрадую ее своим отвѣтом. А вмѣсто этого — разочарованіе, недовольство.

Что-то явно волновало молодую женщину. Переспрашивать, — раз больная не говорит, — не хочется. Но если бы я знала, в чем дѣло, — кто знает, может быть и помогла бы ей совѣтом... А тут еще смотрят на меня эти юные, еще не тронутые жизнью глаза, задернутые дымкой грусти. Затаенная мольба.

Заговорила сама, когда одѣлась и остановилась передо мною в колебаніи: сказать, или уйти...

— Я ничего не понимаю, доктор... Если бы еще оказалась у меня ненормальность какая-нибудь, а то...

— Что же вас безпокоит? Что у вас нѣт беременности?

— О, нѣт, не это... Вѣдь я так недавно замужем... Нѣт, совсѣм не то... Мнѣ... стыдно и больно сказать... Вы меня сочтете за сумасшедшую... Я и сама думаю, что так... Ну, вот...

Повысила голос, точно рѣшилась на что-то важное.

— Я вас не задержу? Нѣсколько минут... Я очень люблю моего мужа... И он меня... Он — видный работник... Очень интересный человѣк, с ним жизнь — богатая, содержательная.. Он – и как мужчина... интересный, я его люблю. Мы встрѣти-

лись на работѣ, и он захватил меня своей кипучей дѣятельностью, энтузіазмом...

Опять нерѣшительность, колебанія. Отрывочныя фразы:

— Мнѣ говорили подруги, что... при этой жизни... женщины... с ума сходят от счастья... Я же ничего не испытываю... Холодная, мертвая. Я отвѣчаю мужу... на его ласки... Но это притворство. Мучительное притворство... Потому что... бывает даже непріятно...

Ну, теперь мнѣ все понятно. Сказать бы ей, что она не единственная. Что это бывает, проходит, а в послѣднее время таких «больных» много. Только вчера была у меня мать двоих дѣтей. Жалуется на то же самое. Наступило вдруг. Сказать ей, что есть теперь большая литература по этому вопросу и что именно в послѣдніе годы войны и революціи — женщины на «это» часто жалуются. Предполагаемая причина — физическая усталость, притупленіе чувственности. Люди — и мужчины, и женщины — измождены сложностью прожитого, ненормальностью условій жизни, напряженностью нервов... Может быть, не одно еще поколѣніе обречено.

Я задаю вопрос:

— Но все же... Вам пріятна физическая близость мужа? Вы ее хотите?

— Да, он мнѣ нужен. Я тоскую по нем, если его цодолгу не вижу. Мнѣ хорошо, когда он меня обнимает... Но того... сладостнаго, о чем говорят... я не испытываю... и когда муж подходит... совсѣм близко... это невыносимо тяжело.

Я говорю больной:

— Ну вот, хорошо сдѣлали, что разсказали. Садитесь...

Я с легкой лаской беру ее руку в свою.

— Не страшно... Вы еще так недавно замужем. Скажите, вы средств никаких не употребляете?

Я понимаю больную. Ей тяжело и непріятно отвѣчать. Если бы можно было без этой интимно-

сти. Но раз она заговорила, мнѣ, как врачу, надо знать... Я не выпускаю ее руки из своей. Вся холодная

— Вначалѣ — да. Чтобы предотвратить послѣдствія. Думала, поэтому. Потом перестала прибѣгать — все то же.

— Так, так... не страшно... Успокойтесь. Вам надо отдохнуть. На время прервать работу... Как матеріально?.. Ну, вот... В деревню куда-нибудь, к морю, так, на нѣсколько мѣсяцев... Одна... Все это пройдет... Когда рѣшите уѣхать, зайдите перед отъѣздом. . И, конечно, радуйтесь, что вы, как женщина, совершенно здоровы.

Прошло нѣсколько мѣсяцев. Я помнила о больной и удивлялась, что не приходит. Постепенно забыла. И вот сегодня — пришла. Я с трудом ее узнала, — так замѣтно она измѣнилась... Такая же юная, прекрасная... Но под глазами, на поблѣднѣвшем и исхудавшем лицѣ — скорбная тушь... В глазах — лихорадка.

— Вы помните, доктор?..

— Да, да, помню. Что с вами? Вы больны?

— Да... нѣт... не знаю...

Говорит без всякаго стѣсненія быстро, точно торопится поскорѣе сбросить с души тяжесть.

— Вы помните, зачѣм я приходила... Я тогда не договорила всего... А может быть, сама еще смутно сознавала... Я завидовала другим женщинам, подругам. Знаете, женщины молодыя дѣлятся первыми осущеніями. Сколько головокружительной радости, опьяненія. Мнѣ было больно, почему я этого не испытываю. Мнѣ хотѣлось испытать. Что? Я сама вѣдь не знала, что это за ощущеніе. Тоска по неизвѣстному. В минуты очень интимной близости муж был мнѣ непріятен. Я вам говорила... И незамѣтно вкралось в мое сознаніе подозрѣніе: может быть, муж виноват. А мнѣ хочется испытать это ощущеніе... Порою так обострялась тоска... Муж уѣхал в командировку... Сосѣд по комнатѣ, рабочій-комсомолец... На другом заводѣ... Изрѣдка

встрѣчались, как сосѣди. Он мнѣ нравился... Но никогда никаких мыслей... Но вы уже догадываетесь... Когда муж уѣхал . . . Не знаю, что это было: любопытство, тоска ли по неиспытанному ощущенію или чудом проснувшаяся чувственность... Случилось то, чего не должно было случится... Я... удовлетворенія не получила... Осадок, от котораго я себѣ противна.,. А главное, главное... Мнѣ кажется, что я... беременна.

Предположенія больной подтвердились.

— Как же быть, доктор?.. Муж скоро вернется. Скрывать, обманывать не хочется... Но чтобы объяснить, надо ему все разсказать. Про бремя, которое я носила на себѣ во все время нашей супружеской жизни. Не знаю... не знаю, как быть... Раньше было тяжѐло. А теперь запутался узел...

Подумала и твердым голосом:

— Я рѣшила мужу разсказать... Про увлеченіе.. не о главном. Ребенка не хочу... Он случайный . . . А с мужем, понимаете, больше не останусь... Невозможно. Если даже он будет настаивать, примирится,—уѣду в другое мѣсто. От работы уйти не могу. Вѣдь я здорова, совсѣм здорова.

Послѣ небольшой паузы — казалось, она и не ждет от меня отвѣта, одобренія ея плана:

— А к вам я пришла, чтобы убѣдиться, есть ли беременность. Спасибо, доктор.

— Ну, за что? А что уѣзжаете, — хорошо дѣлаете. Все же лучше вам на время работу прервать.

Она ушла. И мнѣ грустно, что больше не смогу утѣшить эту молодую женщину ласковым словом друга-врача.

INTÉRIEUR.

Мелодія — как синяя волнистая лента, ровная, спокойная. Мелодія убаюкивает, ласкает и хочется вбирать ее в себя, вбирать без конца. Ни думать, ни двигаться. Но откуда эти странные звуки? Нехотя поднимаю голову, открываю глаза.

Упорно, без перерыва, звонит телефон Жаль разстаться с иллюзіей; усталые члены прикованы к постели. В темнотѣ, задѣвая стулья, предметы, разбросанные перед сном в безпорядкѣ, пробираюсь к телефону. Снятая трубка продолжает еще хрипло шумѣть. Наконец, умолкает.

— Слушаю. Кто говорит?

Отвѣчает взволнованный мужской голос:

— Доктор. Ради Бога, скорѣе... Я звоню нѣсколько минут. Нужна экстренная помощь.

Держа одной рукой трубку, другой поворачиваю выключатель.

Мнѣ кажется, неожиданный свѣт приводит комнату, обстановку в смущеніе. Часы показывают три. Зовут на дом. Так не хочется превратить ночь в день. Одѣться, оставить теплую комнату. Тѣшу себя надеждой: так часто зовут по пустякам.

Что случилось?

Спрашиваю и жду отвѣта: вдруг, напрасная тревога. Можно дать совѣт по телефону и даже выругаться: зачѣм ночью зря безпокоят.

Тот же взволнованный голос:

— Кровотеченіе. Вся в крови. Может умереть... Я к вам сейчас на машинѣ.

Раз кровь — надо ѣхать, разсуждать нечего.

— Хорошо. Пріѣзжайте.

— Буду через пять минут.

Быстро одѣваюсь. Укладываю в ручной саквояж халат, инструменты и необходимые лекарства. Пока снаряжаюсь, с улицы раздается сигнал остановившагося у ворот автомобиля.

Спѣшу на улицу. Машина с позорной желтой полосой трясет, несется быстро по ненакатанному снѣгу. Не замѣчаю ни улиц, ни домов, ни лица молчаливаго спутника.

— Здѣсь!

Комната в третьем этажѣ. Вход через общую переднюю. Отсюда — двери в другія комнаты. Мы вошли тихо, не обмѣнявшись ни одним словом. Нельзя нарушить тишины. Ночь — всѣ спят. Комната в два окна.

Опущены темно-зеленыя гардины. У одного окна—небольшой письменный стол черного дерева с рѣзными этажерками и перламутровой инкрустаціей: такія встрѣчаются на аукціонах. Рядом в углу — трюмо. И в трюмо отражается часть комнаты: угол туалетнаго столика—овальное зеркало в мельхіоровой рамѣ, флакончики, бонбоньерки, гребни, ленты, баночки, — два крытых матеріей-бордо мягких кресла, на них в безпорядкѣ части женскаго туалета. Вот что отражает трюмо. Посрединѣ комнаты, под широким круглым, из желтаго шелка абажуром и горящей под ним блѣдным свѣтом электрической лампочкой небольшой овальный стол. На сѣрой кустарной выдѣлки скатерти—тарелки с остатками закусок, раскрытая коробка от сардин, двѣ винныя бутылки и недопитое красное вино в длинных, узких бокалах. Один стул с высокой плетеной спинкой тѣсно придвинут к столу, другой — отодвинут так, как если бы сидѣвшій на нем неожиданно, порывисто встал.

Комната средних размѣров. Стѣны, кромѣ той, что в окнах, тонут в тѣни и не сразу можно замѣтить у стѣны, против окон, прикрытой и столом и ночной тѣнью, металлическую, с никелевыми набалдашниками кровать.

— Сюда.

В постели — молодая женщина. Оттого, что она острижена и волосы свѣтлые, кудрявые, — она кажется мальчиком, ребенком.

— Нельзя ли еще свѣта?

Штепсель на ночном столикѣ у постели.

Блѣдное лицо. Глаза с расширенными зрачками смотрят мимо, в пространство. Руки почти плотно прижаты к бедрам. Розовое одѣяло у ног, свисает на пол.

Оттого, что в комнатѣ стало свѣтлѣе, хочется говорить громче.

— Что с больной?

Оглянулась с вопросом к вызвавшему меня мужчинѣ. Тут только разглядѣла. Средняго роста, худощавый, бритый, в крагах и френчѣ. Очень молод. На лицѣ — виноватость. И отвѣчает, точно оправдываясь, шопотом и сбиваясь:

— Доктор, пожалуйста не громко... Сегодня... Вдруг схватки... Стонала от боли... Кровь... Она моя... мой друг... Ее испугала кровь... Я успокаивал... Но, смотрите... много крови, и не перестает... Ее испугало... Смотрите, какая она... И все это так неожиданно... так рано... Мы сидѣли за столом, и вдруг...

— Отвернитесь пожалуйста.

Он уходит к гардинам, лицом к занавѣшенным окнам.

Я слышу его внутреннюю дрожь,

Осматриваю больную. Мнѣ помогают зеркала. Я констатировала прерванную беременность. Слушаю пульс: слабый. Кровь идет. Надо немедленно в больницу. Опять громко, — забыла о предупрежденіи. Надо успокоить молодых.

— Ничего опаснаго. Но сейчас же в больницу. Откладывать нельзя. Вызовите скорую помощь. У вас есть телефон?

— Есть... Доктор, не громко... Сосѣди не знают, что мы... Не должны знать... Можем разбудить!

— Так что же? Если и разбудим?

Говорю, нарочно не понижая голоса, чтобы этим расшевелить больную.

— Нѣт... не то... Мнѣ-то все равно... А вот она... волнуется. Узнают сосѣди, пойдут разговоры.

Слабый, прерывающійся голос больной:

— Доктор, не надо никого... Оставьте меня так... Не надо.

Плачет.

— Загрызут... Насмѣхаться... Сплетни... Сосѣди пошлые... Это случайно... Никто не знает. Жизни не будет. Мы вѣдь так. И не надо, не надо, доктор. Ах, как болит...

Замкнула губы, точно не плакала. Безразличіе.

А он добавляет:

— Мы без формальностей... Знаете, обыватель... Она и боится. И мнѣ также...

Я тихо к нему:

— Никаких разговоров. Зовите скорую помощь Не слушайте ее. Хорошо, постараемся не будить...

«Скорая помощь» пріѣхала через нѣсколько минут. Не стѣсняясь, громко загудѣла сирена. Нормальным шагом вошел в переднюю и оттуда в комнату персонал. Но я сама уже прониклась настроеніем своих паціентов. Мнѣ казалось, что врач, санитары слишком стучат каблуками, производят шум. Я и друг больной тревожно оглядывались по сторонам, не откроется ли какая-либо дверь в передней, не высунется ли любопытная голова.

Больной оказывают первую помощь.

Боясь шумом сдѣлать явной свою тайну и обратить на себя вниманіе сосѣдей, думая больше о возможном завтрашнем позорѣ, чѣм о сегодняшней боли,—больная все еще плотно сжимает рот и зубы, подавляет стоны. Она покорно дает перенести себя на носилки и только одим раз легко, едва слышно застонала. И когда ее вынесли на носилках из комнаты в переднюю, она едва слышно произнесла:

— Тише... тише..,

И при этом взгляд ее — ужас и страх—устремился на запертыя двери сосѣдей.

Никого не разбудили. Я вышла из комнаты послѣдняя. Мой саквояж у меня в руках, но почему-то кажется, что я его забыла. Оглянулась. Кто-то успѣл потушить лампу у постели. Опять три стѣны комнаты тонут в тѣни. А посрединѣ, под широким абажуром из желтаго шелка—овальный стол. На столѣ остатки закусок, коробка от консервов, двѣ бутылки вина и недопитое вино в высоких узких бокалах. Стулья с высокими плетеными спинками—один вплотную придвинут к столу, другой наотмашь, точно кто-то рѣзко, порывисто встал и отбросил его в сторону.

БЫТОВОЕ.

— Товарищ доктор, только на вас и вся моя надежда...

Краснощекая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, в темно-ситцевом платьѣ и красном с бѣлыми крапинками платкѣ на головѣ. Жалуется так, точно больна тяжелой болѣзнью, испытала всѣ способы лѣченія и теперь ждет спасенія от меня. Но ее выдают краска на лицѣ, молодой, задорный голос. Что-то не видно, чтобы ее привела ко мнѣ болѣзнь. Аборт?

— Житья нѣту от них, товарищ доктор... Служу я уборщицей в нарпитѣ... А отец в кучерах в другом мѣстѣ... Проживает в общежитіи... Я в комнатѣ... Дом большой, на Таганской площади.

Хочу остановить ее. К чему всѣ эти подробности? Ближе к дѣлу. Но не тут-то было. Только хочу заговорить, — она движеніем руки отсѣкает мою попытку и продолжает:

— И не хотѣли комнату дать... Правленіе, то-есть, буржуи сидѣли. Жила я у хозяев, а как съѣхали хозяева, на Украину выѣхали, я осталась. Комнатушечка маленькая, у самой кухни. Всего 12 аршин жилплощади. Кому нужна такая комната? Не комната, а дыра... Маленькое окошко во двор. Я и осталась...

— Простите, вы...

Хочу ей сказать: может, ошиблась. Ей юридическая консультація нужна, а здѣсь амбулаторія. Но ничего с ней не подѣлаешь. Она обращается, именно, к доктору.

— Нѣт, вы послушайте, докторица. Судились со мною. И нарсуд, и губсуд. Присудили мнѣ. Я

и осталась. И как пришло наше пролетарское правленіе, буржуев смѣстили, вовсе в покоѣ меня оставили... А буржуи говорили на собраніях. Ей в прислугах быть, она и квартиру от хозяев будет имѣть. А от такой жилички, — безработная я тогда была, на биржу ходила, — какая же от нея жилплата?.. Разореніе для дома. А я знала, сосѣди родственничков своих вселить хотѣли, вот и зарились на мою комнату. Но я не такая, не сдамся... А новое правленіе сказало им: «Цыц!»—и в покоѣ меня оставили...

Я слушаю, как жертва. Никак не пойму, зачѣм она обо всем этом тараторит. Говорит громким контральто, размахивая руками, как бы отбиваясь от чьих-то нападок.

— Я как была в союзѣ, и биржа меня поставила на мѣсто в нарпит, уборщицей... Аккуратно за квартиру плачу, как полагается. В нарпитѣ познакомилась с ребятами. Уговорили пойти в кружок, занятія всякія и культработа, и политграмота. В комсомол записалась. И ко мнѣ стали ребята ходить. Ну, так что же, что ходят? Мѣшаю, что ли? Комнатушка моя в сторонѣ, совсѣм - совсѣм в сторонѣ, и никому не слышно, а если книжку читаем, разговоры всякіе ведем, — ну, уж, конечно, не буржуйскіе, — то мѣшаем, что ли? Ну, и сидят у меня ребята поздно. Ко мнѣ приходят, у меня и сидят. Жильцов у нас в квартирѣ изрядно, да и тѣсновато. Мужья — кто на службѣ, кто торгует. И домашнія хозяйки против меня бунтуют... Как застанут на кухнѣ, — чайник поставлю, или разогрѣть что, — как начнется: Ты что это у себя заводишь, такая-сякая. Дебоши? Выживем мы тебя. И никаких дебошей нѣт у меня. Уж и в домправленіе жаловались. Приходили и сказали, правленье то-есть, чтобы меня не трогали, не безпокоили. «Никаких, дескать, дебошей нѣт. Они о политграмотѣ, и вы не суйтесь».

Так и остались ни с чѣм... Пуще прежняго взвозились. Не иначе выжить меня хотят. Они

ругаются, а я не слушаю, уйду в комнату к себѣ, запру дверь. «Мѣщанки вы, — говорю, — и больше ничего. Не хочу и слушать». А они: «Ах, так, говорят, мы мѣщанки? А ты шлюха, с парнями ночуешь. А мы женщины порядочныя. Не хотим мы, чтобы ты дом позорила». Вот и пошло так. Как выйду только, уж и слышу: «Шлюха... дѣвка... Тебѣ на бульвар»... И такіе про меня, товарищ доктор, слухи распускают... И по разным квартирам разсказывают... Как пойду по лѣстницѣ, так и кажется, что всѣ на меня пальцами тычут: «шлюха». Стыдно мнѣ от этого, товарищ доктор... А я вовсе не шлюха... Я дѣвушка честная.., Чтобы насчет того, ни за что не позволю... И ребята ко мнѣ не такіе ходят... Так что же это? Вѣдь этак и в самом дѣлѣ сбѣжишь... Куда? Достаньк-ка теперь комнату. Ребятам жалуюсь, они в драку лезут. Того и ждут сосѣди-поганцы. Провокація сущая. Я не пускаю... «Не надо, говорю, они нарочно»... И в правленіе уже жаловалась.

Мнѣ с трудом удается прервать эту длинную рѣчь и вставить свое слово:

— Так что же вы от меня хотите?.. А вы не обращайте вниманія. Будьте выше этих сплетен. Вот вы политграмотой занимаетесь, а обращаете вниманіе на такіе пустяки.

— Хорошо вам такое говорить, товарищ доктор, а вот, когда утром и вечером и по праздникам дома, от них спокою нѣт. Говорят про меня такое нехорошее. Травят, как собаку какую-нибудь, и всѣ врут. Сил больше нѣт. Того и гляди и товарищи, и на службѣ сплетням повѣрят. Тогда только и остается убить себя. Нѣту, говорят, дыму без пороха. А я — дѣвушка честная, ничего этого не знала. Не хочу, чтоб про меня скверно думали...

— Хорошо. Так что же вы от меня хотите?

— А вот я хочу, товарищ доктор, чтобы вы меня посмотрѣли и дали такую справку, что я дѣвушка, что зря меня шельмуют...

— Что-ж вы с этой справкой сдѣлаете?

— А я ее покажу нашему домоправленiю, ребятам покажу, а поганцам-сосѣдям глотку заткну. Авось, угомонятся.

Посмотрѣла: дѣвушка.

Я, собственно, не имѣю права таких справок выдавать. Но подумала — и выдала.

КУЛИСЫ ЖИЗНИ.

Я боюсь, меня станут обвинять в чрезмѣрном «феминизмѣ». Но что же подѣлаешь?.. Мимо меня проходит столько женщин, выслушиваю столько жалоб и слез... Я сомнѣваюсь, чтобы весь этот человѣческій матеріал мог преломиться в чем-либо сознаніи по-иному. Вѣдь я никакого субъективнаго освѣщенія фактам не даю. Я передаю каждый факт таким, как он есть. И, при этом, я не все беру на вѣру. Я отсѣиваю факты. Передаю лишь то из разсказаннаго мнѣ, что считаю безусловно правдивым. Вот страничка из жизни молодой женщины, Вѣры Аполлоновны N.

Вѣра Аполлоновна выросла в буржуазной семьѣ Была на филологических курсах. Замужем пять лѣт Муж -- юрист, член коллегіи защитников. До революціи перед ним раскрывалась блестящая карьера гражданскаго адвоката. Теперь состоит юрисконсультом в рядѣ учрежденій и популярен, как защитник. В судейских сферах его уважают, как знающаго и корректнаго юриста. Вѣра Аполлоновна вся ушла в личную жизнь и жизнь мужа. Составляет ему бумаги, переписывает на машинкѣ. Работают много и он, и она. Много времени удѣляет муж «общественной нагрузкѣ» — работѣ в камерѣ по трудовым дѣлам, выступленіям с докладами на рабочих собраніях. Вѣра Аполлоновна и в этой работѣ помогает мужу. Словом, «лойяльные» интеллигенты, сумѣвшіе не потонуть в обывательском болотѣ, найти себѣ мѣсто в совѣтских условіях. Разсказывая про мужа, Вѣра Аполлоновна особо остановилась на одном его докладѣ перед рабочей аудиторіей «О новом бытѣ в свѣтѣ

совѣтскаго законодательства». Рядом ярких примѣров из своей практики послѣдних лѣт Владимір Сергѣевич — муж Вѣры Аполлоновны — иллюстрировал извращенное пониманіе новаго быта, нарождающійся новый быт.

И вспомнив об это докладѣ, Вѣра Аполлоновна наивно добавила:

— Но почему у людей так расходятся слово и дѣло? И мы это часто замѣчаем у близких.

Итак, пять лѣт «безоблачнаго счастья». И вдруг, в послѣднее время Вѣра Аполлоновна замѣтила со стороны мужа охлажденіе к себѣ. Он стал все меньше и меньше вовлекать ее в свою работу, в обращеніи какая-то вынужденность, разсѣянность; нѣжность мужа почти прекратилась. На первых порах Вѣра Аполлоновна наблюдала, искала разгадку этой внезапной перемѣнѣ отношеній. Думала, не увлекся ли кѣм-нибудь. Наблюденія и поиски ничего ей не открыли. Началась полоса страданій, душевных переживаній. Муж молчит,—нѣм, «как стѣна». Кончилось тѣм, что их общеніе ограничивалось обмѣном в теченіе дня нѣсколькими - обиходными фразами. Когда стало невтерпеж, Вѣра Аполлоновна рѣшила «потребовать объясненій». Это было нѣсколько мѣсяцев тому назад. Она долго поджидала мужа, не зная, гдѣ он: на докладѣ ли, на судебном ли процессѣ, — или... При третьем предположеніи сердцу больно не столько от ревности, сколько от неизвѣстности и оскорбленнаго самолюбія. Владимір Сергѣевич пришел и, как обычно в послѣднее время, молчаливый, замкнутый:

— Ты еще не спишь?

Спросил на ходу, почти у дверей своей комнаты.

Вѣрѣ Аполлоновнѣ трудно было заговорить. Шутка ли, пять лѣт совмѣстной жизни, гдѣ каждая минута связана общими интересами, и вдруг... В таком состояніи труднѣе «подойти», чѣм послѣ долголѣтней разлуки. Но Вѣра Аполлоновна заставила себя сдѣлать первый шаг.

— Подожди минуту, я ждала...

Владимір Сергѣевич нехотя остановился с портфелем в руках.

— Ты меня? Я слушаю.

Равнодушный, нетерпѣливый отвѣт мужа едва не парализовал принятаго Вѣрой Аполлоновной рѣшенія. Она ждала, что муж проникнется ее настороеніем, ее душевной болью и проявит хоть сколько-нибудь вниманія. Вмѣсто этого — равнодушіе, нетерпѣніе. Видит тщетность своей попытки. Язык деревенѣет. Но надо во что бы то на стало «прекратить комедію» — и отвѣчает:

— Да, тебя. Удѣли нѣсколько минут. Нам надо поговорить.

— Ну, слушаю, говори.

Он все еще стоит, с застывшим в направленіи своей комнаты шагом. Вот-вот уйдет. А портфель в руках как-то особенно подчеркивает выросшую между ними стѣну,

— Присядь... Положи портфель...

Он подчинился. Положил портфель на подоконник и прислонился к стѣнѣ в нѣскольких шагах от жены.

Вѣра Аполлоновна начала теплым, примирительным тоном:

— Вадя, что случилось? Ты от меня совсѣм отдалился... Вѣдь я не бревно, ты понимаешь. Такая рѣзкая перемѣна . . . Если разлюбил, скажи прямо . . . Ты бы сам, давно . . .

Он не сразу отвѣтил.

(Я представляю себѣ такое состояніе. Когда человѣк принимает твердое рѣшеніе и его заставляют об этом рѣшеніи говорить, пытаются сбить с толку, ковыряться в себѣ, — это непріятно. Лишнее все... Нудно и ненужно. В таком состояніи, я думаю, находился муж Вѣры Аполлоновны; но не отвѣтить нельзя было).

Глядя разсѣянно на потухшій самовар на круг-

лом столѣ, за которым сидѣла Вѣра Аполлоновна, — он отвѣтил:

— Зачѣм? Сама видишь... Да, мои отношенія не тѣ... Я и не думал скрывать. А если о том, чтобы кончать, то что же...

Не то устал, не то разговор тяготит.

— Хорошо, Вадя... Если так, то, конечно... Понятно, я все видѣла ясно... поэтому и не приставала. Но пойми, так нельзя же. Почему так?.. Конечно, чувство приходит и уходит помимо нашей воли... Это ли? Или ты во мнѣ разочаровался? Провинилась я в чем-нибудь? Объясни, Вадя, если можешь. Только это мнѣ и нужно...

Он встал и пошел по комнатѣ от стѣны к стѣнѣ. Все им давно придумано, рѣшено и как-то трудно сразу найти слова для отвѣта. И когда слова находятся, ему начинает казаться, что это не то, что в принятом рѣшеніи не все уж так ясно. Он останавливается совсѣм близко от жены, чтобы близостью разстоянія придать больше твердости своим словам.

— Да, видишь ли, это наступило не так внезапно... Я тебя очень любил... Вѣрнѣе — привязался к тебѣ. Общіе интересы, твое участіе в моей работѣ стали превалировать над чувством. Я о нем забыл. Наши отношенія... Наша близость... Как что-то должное, само собой разумѣющееся... И не помню... была ли причина какая-нибудь... Я как-то подумал, почему у тебя нѣт ребенка, и эта мысль стала преслѣдовать.

Нервно зашагал по комнатѣ и опять остановился.

— Ты не подумай... Не в ребенкѣ дѣло. Если хочешь... Если хочешь... Во мнѣ не так уж сильно чувство отцовства. Но стал точить червь... Раз у тебя нѣт ребенка, значит... Ты прости меня, Вѣра, я знаю, это жестоко, но ты сама вызвала разговор. Я охотно прекратил бы...

Вѣра Аполлоновна уже приняла первую боль удара. Ей все равно. Дальше.

— Я говорю, если так, то, значит, ты... как женщина... Как бы это сказать... Ты понимаешь меня?

Она начинает понимать, но ей хочется вынести пытку до конца.

— Продолжай.

— Это пришло стихiйно, вдруг овладѣло мною и постепенно подтачивало. Каждый раз, когда подходил к тебѣ, я об этом думал... Я здоровый человѣк, люблю в жизни все цѣльное, здоровое... Вот.

Заговорил болѣе твердо.

— Мнѣ надо от тебя ребенка. Чтобы убѣдиться, что ты, как женщина, так же здорова, нормальна, как я. Если этого нѣт, я... органически не могу...

Тронуло ли Владимира Сергѣевича молчаливое страданiе жены, вспомнились ли былой уют и интимность, пробудились ли в нем, «несмотря ни на что», заглохшее чувство, — он приблизился к женѣ, взял ее руку в свою...

Вѣра Аполлоновна отвѣтила тихими слезами.

Эту ночь они провели вмѣстѣ.

А утро — разсѣяло легкiй налет вернувшейся интимности, и Вѣрѣ Аполлоновнѣ стало ясно, что прошлаго не вернешь. Пусть это дико, безразсудно, жестоко, — но это так. Она стала искать выхода.

(Если бы я писала разсказ, то на этом мѣстѣ закончила бы 1-ю главу. Промежуток нѣскольких мѣсяцев. Жизнь Вѣры Аполлоновны и ее мужа усложняется непредвидѣнными обстоятельствами. Дальнѣйшiй текст составил бы 2-ю главу моего разсказа).

Почему эта мысль пришла Вѣрѣ Аполлоновнѣ так поздно, — не знаю, не знает и она сама. Я думаю, она просто была не в состоянiи трезво размышлять. Личное горе, чувство оскорбленной женщины, как бы затмили разсудок. Даже повѣрила, что она в самом дѣлѣ «не женщина» и в здоровом мужчинѣ она не может не вызывать к себѣ чувства отвращенiя. Она сама к себѣ проникласъ этим

чувством. Я убѣждена — она была недалека от психоза. И в самом дѣлѣ, что за женщина, — если не рожает. Ублюдок. Вот до чего довела себя моя больная... Психоз. Вот в чем. напримѣр, он проявлялся. Надо сказать, что Вѣра Аполлоновна молода, ей еще тридцати нѣт. Переживанія послѣдних мѣсяцев вызвали на ея лицѣ преждевременныя морщины, заострили нос. Но, в общем, она сохранилась. Как-то, раздѣваясь ко сну, она подошла к зеркалу, совсѣм голая, и оглядѣла себя. Вот распустила прическу, и волосы одной прядью покрыли грудь. Грудь — почти дѣвственная, но ей противна красота ея тѣла. К этой дѣвственной груди не прикасался и не прикоснется никогда ребенок. Вот ровный, плоскій, почти мальчишескій живот. Для художника — рѣдкая натура. Но именно «мальчишескій»... Ха-ха... уродство! Изящная линія бедра... Это так нравилось ему... Он часто обводил пальцем по этой линіи... Ему нравилось. Но... какое отвращеніе... Эта линія — ложь, обман... Она — не женщина. Ублюдок. У нее вошло в привычку, так часто, ночью, перед сном, стать нагой у зеркала и бичевать свое тѣло, плевать в свою душу...

Все же мысль пришла. Мысль простая, удивительно простая... И как она об этом раньше не подумала? Обратиться к врачу.

Она пришла ко мнѣ. Разсказала свою исторію. Просила изслѣдовать. Все ли у нее, как у женщины, нормально. Может ли она стать матерью. Да, еще одна деталь из ея разсказа, упущенная мною из первой главы. Не по разсѣянности. А как, бредовая деталь. Но — больная увѣряет... Объясненія с мужем не повторялись. Но как-то незадолго до ее обращенія к врачу, ко мнѣ — муж ей сказал приблизительно слѣдующее:

— Вѣра, я безсилен побороть себя... Но так продолжаться не может... сложно очень. Вернуть тебя? Но мнѣ нужен в тебѣ не только друг, но и—женщина... Я тебя, как женщину, полюбил...

И он поставил женѣ условіе:

— Не будем сентиментальны... Я себя не передѣлаю... Толкуй, как хочешь... Сдѣлаем опыт... Если в теченіе мѣсяца будут результаты, то...

Я спросила Вѣру Аполлоновну, что же она отвѣтила мужу.

— Я, доктор, растерялась от неожиданности такого гнуснаго предложенія... Как я ни страдала, как женщина... Но подумайте. Предложеніе сдѣлки. Я ему ничего не отвѣтила... Но послѣ этого я рѣшила обратиться к врачу... Пришла к вам. Меня волнует многое... И если бы... Если бы я оказалась... здоровой!.. Я швырну ему в лицо оскорбленіем.. Я уйду от него... Вѣдь бывает же, что женщина по. нѣсколько лѣт не рожает?

Я изслѣдовала ее. Она оказалась здоровой, нормальной женщиной. Слѣдовательно, может стать матерью.

Лицо Вѣры Аполлоновны преобразилось. Оно озарилось радостью, точно она уже мать, уже постигает сладость материнства. Но, может быть, это была радость торжества над мужем, от возможности ему отомстить? Ей не сидѣлось на мѣстѣ. Она не знала, куда дѣвать руки. Что дѣлать с собой, со мной.

— Так это, доктор, вѣрно? Вѣрно? И я могу сказать мужу? Значит, я еще... гожусь.,. на что-нибудь? Вот это здор-рр-ово!

И спохватилась:

— Но как же объяснить, что до сих пор?..

— Да мало ли. Бывает... А вот надо изслѣдовать мужа... Часто это бывает по винѣ мужчины...

Она ушла от меня торжествующая, как бы воскресшая.

(Здѣсь я могла бы поставить точку, если бы не заключительный момент, который и побудил меня внести случай с Вѣрой Аполлоновной в мои записки.)

Спустя нѣкоторое время—сегодня—Вѣра Аполлоновна опять у меня на пріемѣ. Торжественности ни слѣда. Но больше растерянная, чѣм опечален-

ная. И вот что привело ее ко мнѣ. Передаю словами Вѣры Аполлоновны:

Доктор... Я никудышняя, слабая женщина... Я заслуживаю презрѣнія... Я хотѣла отомстить мужу... Я думала, приду, скажу ему... Ты ошибся... Еще вопрос, кто из нас... Конечно, он... Все думала, как это сдѣлать... Откладывала со дня на день... А знаете, мы почти не видались... Он совсѣм ушел в свою какую-то жизнь. Я уже стала пріискивать себѣ работу, чтобы разстаться... Хотѣла к знакомым переѣхать. Но... искушеніе... Соблазняла возможность наладить жизнь. Искала мужу оправданія. Подвернулся удобный момент для объясненія, — муж случайно вернулся рано — и мы вмѣстѣ ужинали, прислуга отпросилась. Я еще не знала — какую линію поведу. Но, словом, кончилось... хорошо. Хотѣла я того или не хотѣла — но так случилось, и может быть, об этом жалѣть и не надо бы. Мало ли какіе бывают у людей злые, жестокіе капризы... Ну, было и было. Может быть, это каприз у мужа, как болѣзнь. Нервы. Вылѣчился, я вылѣчила, и хорошо... Право же наша жизнь потекла совсѣм как по-старому. Но, увы, это продолжалось недолго... Я опять стала замѣчать за мужем странности... И опять, ну, явно, избѣгал меня... Хотя внѣшне ласков, мил... Гдѣ-то пропадал по вечерам без меня... Я помнила ваш совѣт, доктор, об изслѣдованіи мужа... Я этого не требовала. Вѣдь мнѣ все равно... Для меня это не имѣет такого значенія... А его огорчить не хотѣлось... Вѣдь им-то я возмущалась в душѣ... А вдруг окажется... Но случилось так, что я ему об этом сказала. Был повод. И я очень удивилась, что он... не только отнесся к моему заявленію равнодушно... Он как-то нехорошо, криво усмѣхнулся...

— Обо мнѣ, — говорит, — ты не безпокойся.

Меня задѣло. «Как же, говорю, не безпокоиться... Вспомни, каким ты был... Впрочем...» И я ему сказала, что, в самом дѣлѣ, это меня не безпокоит, что это для меня рѣшающаго значенія не имѣет,

— как он хочет и т. д. Но непріятная, кривая усмѣшка не сходила с его лица, и я недоумѣвала. Спрашиваю:

— Почему ты так странно смотришь на меня?..

— Развѣ странно?

— Но ты смѣешься...

—Ничего смѣшного... Надо тебѣ знать... Прими, как хочешь... как можешь... Каждый из нас за свои поступки отвѣчает... Я немного запутался... Но нѣт, пожалуйста, ты не причем... Теперь, конечно, порвал... Но я сошелся с одной... В началѣ нашего разрыва... Увѣряю тебя, никакого не было увлеченія... Просто, как мужчина, изголодался... К тебѣ я не мог, органически... Ну, казни меня... Не мог... И вот у этой женщины от меня будет ребенок... Я окончательно, совершенно порвал с ней... сказал ей обо всем... Как видишь я здоров... Ха-ха!

Я слушала мужа, и затрепетало сердце... Я ждала, что будет дальше. И он продолжал:

— Я предложил ей аборт... Она упорно отказалась... Требует алиментов. Проза жизни вступает в свои права... При моем заработкѣ, при теперешней дороговизнѣ, ты знаешь что это!.. Наконец, не стану же я судиться. И, вообще, это мой ребенок... Смѣшно отрицать. А расчетливым надо быть...

Он посмотрѣл на меня, выжидая, какой эффект произведет на меня, его признаніе.

Я молчала, не проявила признаков возмущенія. Понял ли он мое состояніе по-иному, не знаю... Мнѣ казалось, сердце выскочит.

Он заговорил рѣшительным, дѣловым тоном, как о задачѣ, разрѣшаемой простым разсужденіем, как о чем-то обыденном, житейском...

— Я себѣ не могу позволить большой роскоши. Случилось так, что ребенок. Надо его содержать и матери помогать .. Это естественно и необходимо. Еще другой ребенок в наше трудное время

— не по силам... Так вот, Вѣра, вдруг и от тебя ребенок. Этого надо избѣжать...

Вѣра Аполлоновна кончила свой разсказ и разсмѣялась сухим, надрывным смѣхом:

— Так вот, доктор... Я теперь пришла к вам... За средством... За средством п р о т и в беременности... Здор-р-ово?!

ЭЛЕГІЯ.

Если женщинѣ замужней 51 год и она шесть лѣт замужем, то легко себѣ представить, что до замужества, когда ей было 45 лѣт, — у нее была еще довольно стройная фигура, лицо не в морщинах — и, словом, могла еще нравиться. Да и она сама, глядя на себя в зеркало, думает: «Ничего, еще жить можно». Но когда в теченіе шести лѣт семейной жизни, на зенитѣ старости, — на головѣ начинают волосы рѣдѣть и упорно остаются лишь тѣ, что принимают серебристо-бѣлую окраску, а на лицѣ постепенно — от подбородка, затѣм вокруг глаз и все дальше и дальше татуируется лицо морщинами, — все это не всегда и не сразу доходит до сознанія, гонишь от себя мысль, что уже наступила старость, не довѣряешь зеркалу, всякими ухищреніями — если только в этом сконцентрирована воля к жизни и если позволяют средства — краской, массажем, пудрой, помадой — обманываешь себя, обманываешь других, — что — «ничего, еще жить можно»... Чего ж другого можно ожидать от женщины, которой перевалило за пятый десяток и так недавно начавшей «жить?»

И все же удивила меня моя паціентка, когда она мѣсяца два тому назад пришла ко мнѣ в первый раз. Отжившая, почти старая женщина, — ничѣм, никакими аксессуарами не прикрывшая зловѣщих признаков наступающей старости. Должно быть по бѣдности. А еще потому, быть может, что не так уж замѣчала, или не хотѣла этих признаков замѣчать. Единственное, в чем она не сдала позицій, это — в костюмѣ. Одѣта почти бѣдно, но юбка не очень короткая, как и подобает пожилой

особѣ, все же немного открывала не совсѣм туго обтянувшій худую ногу коричневый чулок. Это — внѣшне омолаживает; и волосы, почти сѣдые, подстрижены под скобку. На плечах черный шерстяной платок густой вязки, скрывающій худощавую фигуру. Вот и все. И это немногое — слабая и невинная попытка скрыть старость — было явно недостаточно, чтобы ее скрыть. Правда, я не сразу догадалась, зачѣм она ко мнѣ пришла. Мало ли у пожилых женщин болѣзней всяких... Но когда она, не жалуясь ни на какія болѣзни, попросила выписать ей противозачаточныя средства, — «чтобы не было беременности», — я очень и очень удивилась.

Смущаясь и рдѣя, как молодая, от своих же слов, она сказала мнѣ:

— Куда мнѣ с дѣтьми возиться... Я так недавно замужем... Хочется самой пожить... Всю жизнь в черном тѣлѣ... А средств мало. Какой теперь заработок?... Муж по XIII разряду... Я для того и замуж вышла, чтобы помолодѣть, а не превратиться в сухую старую дѣву... С дѣтьми возиться — неохота...

Я ее спрашиваю, как же она до сих пор.

— То-то... Уж очень хлопотно. Всякими способами остерегалась... Но всегда боялась... и возни много... Дайте что-нибудь такое... чтобы навѣрняка и без хлопот.

Я объяснила ей, что медицинскіе химическіе препараты — наиболѣе простые, но абсолютной гарантіи не дают. Она согласилась. Я выписала.

Сегодня, спустя два мѣсяца, она опять ко мнѣ явилась, болѣе отжившая, старая. Но теперь, когда я знаю, зачѣм она опять ко мнѣ явилась, я себѣ представляю ее состояніе, особенно послѣднія минуты, когда ждала у моего кабинета очереди. Минуты казались часами. В эти минуты, кто случайно присмотрѣлся бы к ней повнимательнѣе, может быть, в самом дѣлѣ остановился бы в недоумѣніи перед этой женщиной, морщинистой, отжившей, но побѣдившей внѣшніе признаки старости, каким-то

почти молодым, радостным сіяніем на лицѣ, легкостью движеній. Точно крылья выросли. Она несла с собою великую радостную вѣсть. Хорошо бы этой вѣстью подѣлиться со всѣми: в трамваѣ, когда ѣхала ко мнѣ, с больными, ожидающими у моего кабинета. Но только это не сдѣлаешь, — не поймут, будут смѣяться, — а вот врачу — ему можно сказать, и вот когда дошла до нее очередь и она, часто дыша, буквально влетѣла в мой кабинет, еще стоя у порога, увѣренная, что я помню ее и знаю, зачѣм приходила, заявила громко, ненужно громко, тоном жалобы,—но жалоба дѣланная, неискренняя, в которой звучала радость торжества:

— А вѣдь, доктор, ваше средство не помогло...

И очень удивилась, что я не сразу поняла какое средство, отчего не помогло, и что прежде чѣм отвѣтить ей — я знакомилась с регистраціонной карточкой: карточка все напомнила.

— Вот, доктор... Шесть лѣт все сходило, домашними бабскими средствами, а ваше лѣкарство вот и не помогло. Не только не помогло. Как только воспользовалась 2 — 3 раза — и замѣтила — задержка. Скоро два мѣсяца. Я в положеніи. Вот еще не рѣшила... донести ли. Пришла посовѣтоваться.

Она увѣрена, что средство не помогло, что она беременна, но в жалобѣ слышу радость от того, что так случилось, — очевидное доказательство побѣжденной старости. Она поздно начала жить и, приготовляясь к осмотру, не удержалась:

— Мы молодых за пояс заткнем... Мужу не сказала... Рѣшила, приду от вас... Вот и утру ему нос...

И, подражая мужу:

— Он мнѣ все «старая... старая»... Только и называет, хлопает по плечу: «Ну, как дѣла старуха?» «Ну, что сегодня на обѣд, старуха?» А он, как хлопнет, крѣпкая у него рука... Вот и утру ему нос... Покажу ему, «старая»... Теперешнія молодыя...

Лежа в креслѣ, продолжает гуторить.

Я ей говорю:

— Спокойнѣе. Не разговаривайте, вот так.

— Ста-р-ая... Вот ваши средства...

Смотрит на меня насмѣшливым и в то же время довольным взглядом.

Я кончила осмотр.

— Так... Ну, вставайте.

Сходит с кресла и тѣм же насмѣшливым, довольным тоном:

— Ну, что скажете, доктор?

Что мнѣ сказать? Говорю, что могу и должна сказать:

— У вас никаких признаков беременности.

Она застыла, как в параличѣ. Улыбка мгновенно сошла с лица. Передо мною: старая, морщинистая женщина. Серебристо-бѣлая шапка рѣдких волос, недостаточно длинная юбка и коричневые чулки, открывающіе чуть-чуть худыя, костлявыя ноги недоумѣвали, выпирали рѣзким, ненужным контрастом на фонѣ старости.

— Как же это, доктор?.. Вот два мѣсяца...

— У вас не поэтому... Вы не должны пугаться задержки... В вашем возрастѣ это возможно. Так должно быть...

Она ничего не сказала. Но в ее внезапно помутнѣвших глазах я прочла:

«Начало конца!»

Медленными движеніями она закончила свой туалет и ушла, чтобы жить дальше, как-нибудь жить...

«А, НУ ЕГО!»

Исторія — давнишняя... сегодня, как - будто, развязка... хотя, пожалуй, пожалуй развязка — еще впереди.

У меня на пріемѣ мужчина. Это — бывает.

Сегодняшняго посѣтителя я ждала. Он был у меня на-днях, и мы условились, что придет опять с «н е й». И пришел.

Представьте себѣ солиднаго мужчину лѣт 40—45, высокаго, тщательно выбритаго, с сѣрой — от пробивающейся сѣдины,—закинутой назад шевелюрой на головѣ, удивительно милое и располагающее к себѣ лицо. Естественник. Кажется, химик. Хорошо одѣт. Сразу видно: был в заграничной командировкѣ. В разговорѣ, в манерах — растерянность, граничащая с безпомощностью. Он со мною чрезвычайно откровенен. Другого выхода нѣт. Ни с кѣм, как с врачом, об «этом» говорить не может. Приходится от всѣх скрывать.

Я не зря изучаю и зарисовываю портреты моих посѣтителей. Внѣшность, выраженіе лица, манеры — имѣют для врача большое значеніе. Врачу в значительной степени приходится полагаться на «субъективныя» показанія больных. Нужно питать к больным довѣріе. А это довѣріе пріобрѣтается не только логикой показаній больных, но и тѣм впечатлѣніем, какое больные производят на врача.

Первый визит этого мужчины у меня на-днях. Ну, разумѣется: «Тысячи извиненій, доктор... Может быть и не полагается» и т. д. Затѣм представляется.

— Я сожитель извѣстной Вам N. Пришел сооб-

щить нѣкоторыя свѣдѣнія.. Думаю, Вас заинтересует, а меня безпокоит.

— N? Сейчас.

Позвонила. Затребовала карточу. Посмотрѣла.

— Ага! Ну, ну, разсказывайте.

Пожалуй, больная может дать матеріал.

Ну, вот. Почему ею интересуюсь... Я, собственно, женат, пятнадцать лѣт. Двое дѣтей. Жена не удовлетворяет. Но приходится жить с ней... семейный уклад. Иначе нельзя. С N у меня постоянная связь. Два года содержу ее, не скажу, чтобы плохо. От жены, конечно, скрываю. Но за послѣднее время у моей сожительницы в характерѣ появились какія-то странности. Правда, и раньше... Ну, например... Она вам ничего не говорила?

— Продолжайте, послѣ...

— Например, вдруг нападет на нее чрезмѣрная веселость. Рѣзкіе переходы в настроеніи Разсѣяна чрезмѣрно... Так, условились встрѣтиться на бульварѣ, далеко от дома. Пришла разодѣтая, без шляпы, с открытой головой. В наших разговорах упоминает имена якобы наших общих знакомых, но мнѣ совершенно неизвѣстных лиц... И, вообще, всякія странности. Не скажете ли вы, доктор, в чем дѣло. Не больна ли она? Может быть, нервы?

Стоит передо мною большой солидный мужчина, а в глазах—растерянность и трепетное ожиданіе, что тут же «разрѣшу загадку».

Но увы, дѣло сложное и серьезное. Мнѣ карточка больной все сказала.

— Приведите гражданку... Посмотрю опять... Так трудно... Для вашего спокойствія, чѣм скорѣе...

Поблагодарил, ушел.

Запись в карточкѣ возстановила в памяти все. Осенью прошлаго года,—почти год прошел. Молодая женщина, 33 года. Хорошенькая, со вздернутым носиком. Накрашенныя губки, слегка подведенные глаза. Во все время пріема ее не оставляло игривое настроеніе. Сидѣла, играя и любуясь носками лакированных туфелек.

— Доктор! лѣчите мои нервы...

Говорит улыбаясь, с оттѣнком шутливости.

— А что?

— Вы доктор... Вы сами должны знать... Я шучу... Серьезно, доктор, что бы это могло быть? Боли в спинѣ, в головѣ... Мурашки по тѣлу бѣгают, щекочут.

Она и показалась мнѣ просто нервной, взбалмошной «бабенкой».

— Служите? Работаете?

— Нѣт.

Ну, конечно.

— Раздѣвайтесь.

Осмотрѣла.

Невозможно. Но—признаки очевидны. Начало прогрессивнаго паралича! И откуда это у нее?

— Одѣньтесь. Скажите... как вы... живете теперь? Как раньше? Только правду.

И вот—милая біографія. Вышла замуж 16 лѣт. Заразилась от мужа. Луэс. Лѣчилась, но недостаточно. Признаки исчезли. Что-то с мужем стало: не то она его оставила, не то он ее. Вела «вольный» образ жизни. Но я с достаточной точностью установила, что она просто докатилась до проституціи. И так—нѣсколько лѣт. Встрѣтилась с моим теперешним посѣтителем. Увлекся ею. Бросила проституцію, по ее словам — перестала часто увлекаться. Живет с одним. И вот до сих пор — два года — с ним. О болѣзни забыла. Жизнью довольна и рада, что на прошлом поставлен крест.

Итак, застарѣлая болѣзнь дает о себѣ знать.

Покуда больной ничего не говорю. Одѣваясь, она продолжает щебетать, весело, в анекдотах разсказывая о своем прошлом (вѣдь от него и слѣ не осталось) и настоящем. Что же, пусть поку щебечет...

— Ну, вот что, милая, Вы, дѣйствительно, нездоровы. Вам надо лѣчиться. Назначу курс.

— Ах, доктор... Это хорошо... я и сама думала... Может быть, в Кисловодск?

Шагает по кабинету, заложив руки за спину, весело играя глазами и вздернутым носиком.

— Кисловодск? Что же, об этом мы еще подумаем. Ближе к лѣту... А теперь назначу вам уколы...

— Что?!

Больная остановилась с заложенными за спину руками и посмотрѣла на меня в упор.

В глазах испуг. Не знаю, догадалась ли она о значеніи уколов (что же, если догадается, тѣм лучше), или на самом дѣлѣ она ничего не подозрѣвает. Но мои слова произвели на нее впечатлѣніе. И вот что больше всего ее напугало:

— Но, доктор, от уколов будут слѣды... Он не может, не должен знать, что я больна... Я не могу без него... Что же я буду дѣлать!

Я даю ей понять, что так относиться нельзя. Надо прекратить встрѣчи.

— Это вам необходимо... Как врач, говорю вам.

На один только миг поникла головкой. Затѣм снова глаз засвѣтились рѣзвостью.

— Ну, ладно. Подумаю.

Она ушла. Это было прошлой осенью. А на-днях—он, мой вчерашній посѣтитель, и его разсказ о странностях сожительницы. Эти странности вполнѣ подтвердили мой первоначальный діагноз. Но видѣт больную неохобдимо. И вот — сегодня он ее привел. Я пригласила на консультацію коллегу — невропатолога. Больная возбуждена. Мгновеніями взгляд то вспыхивает недобрым огоньком, то тухнет. Не сидится на мѣстѣ. В костюмѣ — все еще изящном — небрежность. Морщатся чулки, шляпа слишком сдвинута на затылок и из-под нея выглядывает нѣсколько хаотичная прическа. Послѣ тщательнаго осмотра и опроса мы с коллегой прошли в сосѣдній кабинет.

— Прогрессивный?

— Ну, конечно.

— Лѣченіе, ясно...

— Да, в психіатрическую.

Позвали сожителя.

— Послушайте. Она серьезно больна. Надо немедленно в психіатрическую.

Мы нанесли ему жестокій удар, это ясно. Но что же дѣлать? Выслушал молча. В глазах тѣ же растерянность и безпомощность, что и в первое посѣщеніе. И как бы не рѣшаясь, сразу, — что-то стѣсняло;

— Доктор... А я вѣдь жил с ней... У меня дѣти... Жена. Вы не думаете?..

— Не волнуйтесь. Ничего. Выйдите к больной. Я сейчас. Конечно, вам надо прекратить...

Мы остались с коллегой вдвоем.

Я спрашиваю:

— Как вы думаете, на нем не отразится? Раз до сих пор... наконец...

— Конечно нѣт... А впрочем... а, ну его!

В сознаніи выполненной миссіи мы вышли в мой кабинет, и я обычным пріемом устроила так, что отсюда же больную отвезли в психіатрическую...

Когда я начала эту запись, я ни о чем таком не думала. Меня занимала лишь больная. А теперь, как назойливая муха, меня преслѣдует заключительный возглас моей коллеги.

«А, ну его!»

Неужели это все, что мы могли и должны были ему сказать? Это могло быть сказано только в состояніи крайней усталости, безсознательно. Завтра сожитель N опять придет за инструкціями насчет больной. Надо его серьезно успокоить.

«ПЛЕБЕЙ»

Собственно, чему я радуюсь?.. Медицина здѣсь не причем, никакой побѣды не одержала... Побѣда женщины? Культура? А может быть — упадок?

Ну, словом, исторія с «исторіей». Удивляюсь своей памяти. Стоит мнѣ взглянуть на регистраціонную карточку больной — и вспоминается не только сухая запись, но и все то, что за записью кроется.

Еще до того, как больная сказала мнѣ, зачѣм пришла, я вспоминаю всѣ малѣйшія впечатлѣнія от ея перваго посѣщенія.

А это было давненько. Больше года.

И вот что вспомнилось.

Вошла твердыми, мужскими шагами женщина лѣт 40 — 45. По карточкѣ 39. Бывают лица, обращающія на себя вниманіе правильностью черт, красотой, привлекательностью, — но бывают и такія, что поражают своей некрасивостью. К послѣдней категоріи принадлежала моя паціентка. Я хорошо помню первое впечатлѣніе. Не уродство, а некрасивость, идущая откуда-то изнутри. Рѣдкіе волосы, большой мясистый нос, ничего не выражающій взгляд буквально круглых, безцвѣтных глаз. Морщинистое, почти старческое лицо. Мнѣ кажется, если скажу о ней: высокая, жилистая, прямая и плоская, как доска, — то этими словами скажу главное. Одѣта просто, очень просто, но опрятно.

И когда она задала мнѣ первый вопрос, — я невольно подумала: «И кто мог ею соблазниться?».

А вопрос был вот какой:

— Бѣда, доктор, да и только... Муж сердится,

что я ничего не чувствую... И не знаю, что подѣлать...

— А вы давно замужем?

— Нѣт. Тому будет семь лѣт, как была впервые замужем... Муж помер... Семь лѣт значит. Жила в прислугах... А теперь три мѣсяца, как замужем. И муж покою не дает. Дубина ты гововит.

Такое сообщеніе меня ничуть не удивило. Конечно, куда уж ей. Навѣрное, все в ней атрофировано. Один только вид ея...

— Дайте, доктор, что-нибудь такое, чтобы муж доволен был. Говорят, капли такія есть.

Я подумала: «Стара ты больно, матушка», но капли выписала. Совершенно безвредныя. Так. Ради психологіи больной. Ровно никакого эффекта не ожидала от лѣкарства.

Итак, это было больше года тому назад. И было бы предано забвенію это забавное посѣщеніе, если бы не сегодняшній ея визит.

— Помните меня, доктор?.. В прошлом году была... Только замуж вышла. Муж ничего не чувствовал.

— Помню, помню, капли выписала. Помогло?

— О да, очень.

Чепуха. Психологическое воздѣйствіе лѣкарства. Самовнушеніе. Еще больше вытянулась за год. И жилистая, жилистая...

— Ну, а теперь что?

Неужели опять капель просит?

— А теперь... муж очень доволен. Попреки кончились и, кажется, я беременна.

Чепуха! Чепуха! Чепуха!

Однако я выполняю свои обязанности и констатирую двухмѣсячную беременность. У этой сухой палки, у этого жилистаго существа!

Больная счастлива.

Я спрашиваю:

— Ну, а муж хочет ребенка?

Вскинула на меня свои круглые удивленные глаза:

— Муж-то? Ну а как же, доктор? Он об этом только и говорит... И бережет-то меня как, и ласкает... Работать не дает... Берет в хозяйство дѣвочку...

Мое удивленіе беспредѣльно. Кто же этот странный мужчина, что прельстился на такую жену и, по ея словам, лелѣет ее?

— Послушайте, говорю, а кто ваш муж?

— Мой-то? А развѣ не говорила? Ну, уж рабочій, конечно. На сталелитейном... Как пришел послѣ гражданской с фронта, жил по сосѣдству... Вот и приглядѣлась я ему... А он у меня дѣловитый... В завкомѣ орудует... Ну, прощевайте, доктор, обрадую моего-то.

Лицо больной озарено чѣм-то новым, чего раньше не замѣчала, какой-то свѣтлой радостью, побѣдившей и морщины на лицѣ и всю непривлекательность ея сухой, жилистой фигуры.

Вот это меня радует и не знаю почему. Думаю об ея мужѣ... Своеобразный эстетическій вкус?.. Или по-своему подходит к женщинѣ? Несомнѣнно, она недурной человѣк, преданный друг. И я увѣрена: наш брат интеллигент—на такой «подвиг», любить такую женщину, не способен. Это меня радует, что ли? Новое в оцѣнкѣ женщины? Может быть.

ТРИ СТРОЧКИ ПЕТИТОМ.

Миловидная блондиночка с ядреным румянцем, с застывшим выраженіем удивленія и испуга в небольших свѣтло-сѣрых глазах.

Когда снимает шляпу, волосы охвачены зеленым целлулоидным обручем, стрижена под скобку, но не «а-ля гарсон». Что-то наивно-дѣвичье в ее прическѣ.

Курсистка-этнологичка. Так и видно — в первый раз в большом городѣ, внѣ родительскаго дома. Вот уже больше недѣли, как она чуть ли не каждый день является ко мнѣ на пріем. То — вся красная, возбужденная, жалуясь, быстро заикаясь, слова наскакивают одно на другое. То — нерѣшительность, искреннее, неподдѣльное волненіе, а на лицѣ—«міровая скорбь».

Сегодня — опять. Мнѣ казалось вчера — кончено, больше не придет. Но не тут-то было. Сегодня опять, когда я проходила коридором в мой кабинет, среди больных мелькнула ея маленькая худощавая фигурка—19 лѣт всего — в темно-сѣрой коротенькой юбкѣ и бѣлой блузѣ с зеленым бантом. Она раскланялась со мною, как старая знакомая, — правда, не без нѣкотораго смущенія. По записи — она одна из первых.

Первое посѣщеніе.

Не знала, с чего начать, хотя можно было просто, в двух словах. Я к этому привыкла. Послѣ нѣскольких минут колебаній — обычный штамп — краткій діалог:

— Итак...

— Доктор, во-первых, во-первых... я так волнуюсь... Во-вторых...

Во-вторых — слезы... И сквозь слезы, глотая слова, боясь их смысла:

— Не беременна ли я?

— Замужем?

— Нѣт.

— Когда были послѣднія мѣсячныя?

— Должны были наступить вчера.

— И вы волнуетесь? Вот потому и задержка, что волнуетесь.

Посмотрѣла. Все в нормѣ.

Ушла от меня повеселѣвшая, успокоенная.

Что и как? Я не любопытствовала. «Согрѣшила» — и никаких послѣдствій. Обычная исторія. Ну, и прекрасно!

Но я слишком скоро поставила точку.

Второе посѣщеніе.

Опять первая на пріемѣ.

— Доктор, ради Бога... Я так волнуюсь... Мѣста себѣ не нахожу...

— Что случилось?

— Да все ничего нѣт... Два дня опозданія... Я увѣрена...

— Какая же вы мнительная... Говорю, никаких признаков... Хорошо, придите еще...

— А как вы думаете, доктор?

— Думаю — благополучно, и успокойтесь.

— Простите, до свиданія.

Она мнѣ «страшно» благодарна.

Но у самой двери оборачивается ко мнѣ. Подавляя слезы.

— Что опять?

Вмѣсто рѣзвой улыбки, — на лицѣ опять... «міровая скорбь».

— Как не волноваться, доктор. Я никогда бы не подумала...

— А что?

Я ее слушаю «одним ухом», внося в карточку помѣтки.

— Я совершенно не о... ж... жи... идала от него, что он так п... п... по... ступит.

— Как не ожидали? Чего? Говорите толком и не волнуйтесь.

В полуоборот ко мнѣ, лица не видно. Но слышу: с трудом одолѣвает слезы.

— Мнѣ просто... хотѣлось с ним побыть... Симпатичный такой... Я не думала, что это так просто... Что это так скоро случится.

Эге! Становится любопытно.

— Что такое? Говорите толком.

Говорит, глядя на меня своими почти дѣтскими глазами с застывшим во взглядѣ выраженiем испуга.

— Вѣдь, доктор... Я не знала, что это так бывает. Обнял меня, я сама, сама — я хочу быть правдивой — потянулась к поцѣлую... Это все так красиво... У меня уютная комната... А он интересный... Кто же мог знать, что это так, так ужасно, что он так поступит со мной... И что это так просто... перестать быть дѣвушкой...

Слушаю и невольно думаю: неужели эти юные глаза лгут? Неужели она так-таки ничего не знает? Курсистка, 19 лѣт. Все признаки кокетства, правда, не кричащаго, но инстинктивнаго, проявляемаго всякой женщиной, когда в ней пробуждается пол.

Маленькiй допрос. Ничего опредѣлить не могу. Все это, впрочем, имѣет весьма отдаленное отношенiе к моим медицинским интересам, и я успокаиваю напуганную дѣвушку нѣсколькими общими фразами.

Но она на своем:

— Кто я? Кто я теперь? Так берут уличных женщин. Сразу... так просто... Значит, я...

Наконец, ушла.

А через день — **третье посѣщенiе**.

Она замѣтно измѣнилась. На лицѣ слѣды безсонных ночей. Рѣзвости в движенiях ни слѣда. Чѣм-то очень разстроена и — я увѣрена — «**всерьез**».

— Вот видите, доктор.

В голосѣ «**скорбная увѣренность**».

Что же, могла ошибиться. Раннiе признаки беременности. И жаль бѣдняжки. Я «дѣлаю» бодрый тон:

— Ну что... что случилось? Разсказывайте.

— Вы не подумайте, доктор... Что я... кто-нибудь... такая. Я знаю, для нѣкоторых... это ничего... Но я не могу... Это меня так волнует... И кто мог знать?..

— Что же вас опять безпокоит? Еще не наступили? Вы что-нибудь чувствуете?

Я ждала отвѣта с тревогой.

— О, нѣт. Я теперь спокойна. Вы меня успокоили. Но, понимаете, когда это случилось... Вѣдь он же врач. И я не могла не вѣрить. Он сказал, что это пустяки, что ничего не будет.

— Ну, хорошо, но вѣдь ничего и нѣт...

— Ах, доктор, если бы так! Я двѣ ночи не сплю. Не занимаюсь. У меня ноги от ужаса подкашиваются... Я вся дрожу...

— Что же? Что же?

— Доктор, доктор, я за...зара...заразилась от него...

Зарыдала так, что пришлось ей дать воды. Зубы стучали о стакан... Еще не вполнѣ успокоившись, продолжает, но зубы еще стучат, как в лихорадкѣ. С трудом выговаривает слова:

— Вот уже второй день... И по ночам... не сплю... какiя-то ощущенiя... Рѣжет... Боль... А вот здѣсь пятнышко... И как он мог... к...как!..

Собственно, поверхностный осмотр дал мнѣ право сдѣлать заключенiе о болѣзненной мнительности пацiентки... Но сознательно, ради ее спокой-

ствія, я сравнительно долго осматривала ее. И, предлагая ей одѣться, говорю:

— Право же, дитя, у вас ничего. Ну, вот ровнехонько ничего. Вы совершенно здоровы. Ни беременности, ни заразы, а что это случилось,—так вам урок. Не будьте так легкомысленны... У вас просто нервы гуляют.

Я прописала ей бромистаго калія.

Позавчера — четвертое посѣщеніе.

Совершенно неузнаваема. Передо мною уже не тонкая, изящная фигурка, — а сама худоба. Лицо вытянулось. Румянец на блѣдном личикѣ — как злокачественный. Прическа, костюм в безпорядкѣ, Тут уж я не сомнѣваюсь больше: «доигралась». Входит и сразу, одним словом, бросает мнѣ свой ужас:

— Доктор, у меня внѣматочная . . .

Да простит меня читатель: я расхохоталась.

— Глупое, глупое вы дитя. И кто разсказал вам про всѣ эти ужасы? Почему вы так думаете? Что чувствуете?

Она не слушает.

— Доктор . . . говорят, что . . . без ощущеній . . . Но я увѣрена, я увѣрена . . . я совершенно потеряла покой . . Я прячусь от людей. И страшно . . Так страшно . . . Вдруг начнется . . .

Ясно. Надо взять больную в руки.

— Слушайте. Выкиньте вы из головы всю эту чепуху. Ничего у вас нѣт . . . А вот захвораете от пустых волненій, это вѣрно. И зачетов не сдадите.

Недовѣрчиво:

— Вы это серьезно, доктор? . . Не для того, чтобы меня успокоить? Вѣдь я выбита из колеи. Я ломаю в отчаяніи руки. По цѣлым ночам. Поймите. Мнѣ и так скверно. Какая я теперь!

— Да нѣт же, нѣт же. Только нервы полѣчите. Пейте бром.

И вот сегодня **п о с л ѣ д н і й** (послѣдній ли?) **в и з и т**. Выглядит лучше. Внушеніе подѣйствовало. Видно — выспался человѣк. Но — совсѣм не идущая к ней степенность и серьезность.

Я позволяю себѣ немного ироніи:

— Ну, что, опять внѣматочная? Садитесь.

— Нѣт, доктор... Конечно, зря волновалась... У меня даже наступили... И я совсѣм спокойна...

— Так в чем же дѣло?

Уклончивый отвѣт.

— Говорите прямо...

— Да я же говорю, я больше не волнуюсь... Но главное, главное до сих пор... Он обѣщал жениться. Уѣхал. Не отвѣчает на письма...

Вдруг встает. Рѣзко мѣняет тон.

— Да это вообще меня не интересует... Я не об этом. Я его не люблю вовсе. А вот я... В послѣдніе дни с литературой знакомлюсь. Я вычитала, что можно возстановить, зашить. Можно?

Ставит вопрос с рѣшительностью, какой я раньше в ней не замѣчала. Меня не удивляет. Провинциализм. Свѣтская ложь или предразсудок. Замоскворѣчья. Маленькой операціей родители возстанавливают «поруганную честь» своих дочерей. И если моя больная все время была искрення со мной, то неужели этот вопрос — лишнее подтвержденіе ея наивности?

Как врач, отвѣчаю ей, что—да, такая операція, если хочет, возможна. Но...

— Значит, возможно? Ну, а дальше что?

Как бы разсуждая про себя вслух:

— Но душевной раны это не залѣчит? И кто бы мог подумать... И кто бы мог знать!

Встряхнувшись:

— Конечно, доктор, я в ваших глазах была смѣшна. Но вы должны понять мои волненія. Мнѣ было стыдно, поэтому и пришла сегодня. Подумайте только. Я не любила его. Случайность. Не знала, что так просто... Я теперь — падшая. Я вѣдь пала,

доктор? Против факта мы всѣ безсильны. И я... И ваша медицина... Я теперь знаю—я падшая.

Маленькая женщина, протестующая против своего рока.

Я перебиваю ее:

— Что вы, что вы!

Но она спокойно продолжает:

— Впрочем, я в этом сама разберусь... А насчет операціи подумаю...

Это было сегодня... Вѣроятно, больше не придет. Но сознаюсь, я не прочь опять ее увидѣть, как-то привыкла к ее посѣщеніям. Надо с ней поговорить по-дружески, по-домашнему. Я думаю: она одна в большом городѣ и окружена дѣтьми такими же, как она, невинными или... испорченными. Эти юныя души начинают «сами разбираться» и... Не отсюда ли «хроника происшествій» в три строчки петитом черпает жуткіе факты:

«Вчера ночью молодая дѣвушка 19 лѣт...»

ЖЕНСКАЯ БОЛЬ.

Z. находится под моим наблюденіем. Первая беременность, пятый мѣсяц. И, так как у нея почки не в порядкѣ, я назначила ей являться ко мнѣ раз в недѣлю. Удивительно пріятная больная. Высокая, стройная, беременность внѣшне еще не замѣтна. Темно-рыжіе волосы оживляют ея и без того жизнерадостное лицо. Никогда ни на что не жалуется. Почти не разговаривает. Придет, покажет себя, выслушает мои наставленія и, сердечно благодаря, уходит. Несет в себѣ материнство с тихой, затаенной радостью. Так было все время, за послѣдніе два мѣсяца, что приходит ко мнѣ. Она — машинистка, продолжает работать.

Но вот сегодня эта милая, спокойная женщина заговорила. В первый раз. Поставила передо мною одну из тѣх загадок исковерканнаго быта, перед которыми медицина, врач—пасуют.

Началось так. Послѣ очереднаго осмотра, не показавшаго у больной никаких признаков ухудшенія, — послѣ опроса, соблюдает ли она диэту и прописанный ей режим, — я ее спрашиваю, как себя чувствует.

— О, доктор.... Прекрасно... Я счастлива, что нѣт тошнот, головокруженій... Очень, очень рѣдко. И служебная работа мнѣ не мѣшает... Знаете, я уже живу мечтами о ребенкѣ... Мнѣ так пріятно под стук машинки представить себѣ... как будет... Я вижу ребенка... Почему-то мерещится дѣвочка... Но . . .

— Что — но? Все же что-то безпокоит?

— Ах, доктор, не знаю, надо ли вам это ска-

зать... Трудно... Я, так любя моего ребенка... Не могла отказать...

— Кому? В чем?

— Вот видите... Ну, муж... Я знаю, это нехорошо. Я-то могу, я так полна ожиданіем ребенка... Но муж... Ему тяжело совсѣм от меня отказаться... Так, все время... Я пассивно относилась. Внутренне немного переживала. Но в послѣднее время... прикосновенія мужа...

— Вот как!

Я не ожидала этого от моей паціентки.

— Это очень, очень нехорошо... Напрасно вы от меня скрыли... К чему же мои наблюденія, совѣты? Вам это опредѣленно вредно . . . Очень и о-ч-ч-ень вредно . . .

— Знаю, что вредно. Но мнѣ и мужа жаль . . . Вначалѣ ничего . . . Затѣм, когда начались боли, от него скрывала . . . А вот теперь . . .

Я вижу, здѣсь нельзя так просто судить. Не может быть, чтобы зря приносилась жертва. Вѣдь она рискует благополучіем своим и ребенка. В чѣм же дѣло?

Она уже стоит, готовая уйти. Мнѣ не хочется отпустить ее так, на произвол совершенно недопустимых, с медицинской точки зрѣнія, безобразій. я ей рѣшительно заявляю;

— Если хотите и дальше быть под моим наблюденіем, вы должны безпрекословно соблюдать строгій режим. И, прежде всего, полное воздержаніе.

Она молчит.

— А вы мужу-то, наконец, сказали?

— Сказала.

— Ну, и что же?

Мой вопрос причиняет боль, я это вижу.

Не отвѣчает.

Я представляю себѣ мужчину-звѣря, не щадящаго своей жены. Эту женщину, с покорно милым, жизнерадостным лицом. Но вот сейчас, когда она стоит против меня, готовая уйти, только отпущу

ее, — лицо совсѣм не то, оно искажено страданіем, болью, — и думаю: такое у нее лицо, когда она сидит за машинкой, выстукивает слова. Я становлюсь смѣлой:

— Послушайте, не можете ли прислать мужа ко мнѣ . . . Я с ним поговорю . . .

Надуманный отвѣт:

— Нѣт, едва ли . . . Он очень занят . . . Завѣдует большим отдѣлом. Столько засѣданій. Но все равно, это ни к чему не поведет . . .

— Но почему? Почему?

— Но вы-то мужу сказали? Что он? Насильно?

— О, нѣт, доктор. Вовсе нѣт... Он даже не настаивает. И если бы не я, то этого могло бы не быть. Он вовсе не настаивает...

Спятила моя паціентка, что ли?

— Простите, но вы себѣ противорѣчите. То вам это совсѣм не нужно... То муж не настаивает и зависит от вас. Знаете...

— Нѣт, доктор, никакого, к сожалѣнію, противорѣчія нѣт... Мнѣ тяжело говорить об этом... Только ради Бога... больше об этом не надо... я сама найду выход... я знаю, не должна рисковать ребенком... Муж мой считает себя передовым человѣком. Он говорит, что его здоровье нужно не только ему, но и мнѣ и нашему ребенку. Он выше условностей. Он говорит, что не может без женщины... Что это подорвет его здоровье. И если я ему откажу, он пойдет к другой женщинѣ. Он рѣшителен, я его знаю. Но я не могу... К любой женщинѣ! Поймите меня...

Она берет со стула сумку. Сказала все. Я же стою подавленная, нѣт ни одной ясной мысли, ни одного слова не нахожу. Единственное слово, готовое сорваться с языка: «звѣрь». Но сдерживаюсь и знаю в то же время, надо что-то сдѣлать, сказать, — а она — уже почти у двери полуобернувшись ко мнѣ:

— Неужели, доктор, муж прав? Неужели я — мѣщанка, не могу понять?

Но, очевидно, приступа слез не хотѣлось показать — и поспѣшно вышла.

Мнѣ некогда было заниматься ею дальше, думать о ней. Слѣдующая!..

А теперь, когда воспроизвожу в моих замѣтках сегодняшній день и вспоминаю страдальческое выраженіе лица этой «счастливой матери», — я почти принимаю твердое рѣшеніе. Не дождавшись слѣдующаго визита, вызвать ее, позвонить к ней, вызвать мужа... Но это значит вмѣшаться в интимную жизнь больных?!..

Опускаются руки.

НА ЛЮДЯХ.

— Чегой-то, доктор, никак не пойму. Уж сколько времени мѣсячных нѣт и нѣт.

— А сколько?

— Сосчитать не трудно... Как уволилась. Раз... два...

Считает по пальцам.

— Ну вот, два мѣсяца как раз и будет.

Она вошла в мой кабинет, слегка прихрамымая. Больная нога. Туберкулес кости. 19 лѣт — юное, задорно-красивое личико. Не то — в прислугах живет, не то гдѣ-то судомойкой или уборщицей. Ноги никогда не лѣчила, и вот двухмѣсячная задержка испугала. Замужем не была. Слѣдовательно...

— Что ж удивительнаго. Задержка возможна. Вы больны. Оттого и задержка. Возможно, малокровіе.

По правдѣ сказать, на малокровіе не похоже. Несмотря на болѣзнь ноги, личико рдѣет румянцем.

— И я сама так думаю... Мнѣ бы бумажку такую.

— Какую вам бумажку?

— Да такую, что от малокровія, что ли, или от чего другого... Напишите, что не затяжелѣла я.

— На что вам бумажка?

Обходит вопрос. Вытаскивает из заранѣе развязаннаго платка и тычет мнѣ в руки:

— Ежели вы, доктор, сумлѣваетесь... я член профсоюза... Вот моя членская книжка... и на биржѣ состою...

Отвожу книжку и повторяю вопрос:

— Мнѣ не нужна ваша книжка, а к чему вам удостовѣреніе? Если лѣчиться надо, — вы безработ-

ная. Выслушаю и назначу лѣченіе. Получите помощь. Ну, раздѣньтесь.

Подвижныя губки на задорном личикѣ сложились в упрямый каприз.

— Ну, что же это, доктор?

Капризныя нотки и в голосѣ. Вся эта явно дѣланная игра заставляет меня насторожиться.

— Я бумажку только прошу. А насчет лѣчиться, то теперь не стану. Не хочу вовсе.

— Дѣло ваше, гражданка.

Я хочу подчеркнуть, что не замѣчаю ея наивно-дѣтскаго тона и говорю с ней, как со взрослой.

— Дѣло ваше, но о чем бы вы не просили, я обязана вас прежде всего изслѣдовать, выслушать...

Как бы покоряясь тяжелой необходимости, она начинает раздѣваться, дает выслушать у себя сердце, дыханіе, а когда дѣло дошло до гинекологическаго кресла, мнѣ пришлось выдержать цѣлую баталію. Никакого, дескать, не имѣю права... Что ж, если безработная, так, значит, можно ею помыкать, как вздумается... Что ж, я не настаиваю, как ей угодно... Но тогда никаких справок, никакого лѣченія. Жаловаться? Пожалуйста.

Наконец, дала себя осмотрѣть и, во-первых, дѣвочка с задорным личиком оказалась — женщиной, и, во-вторых, — двухмѣсячная беременность.

— Послушайте, гражданка, нехорошо обманывать врача. Да это ни к чему не приведет. Зачѣм вы сказали, что вы не замужем? Задержка у вас вовсе не из-за малокровія. Вы беременны — два мѣсяца.

Она вскочила с кресла. На лицѣ смущеніе.

— Да как же это? И откуда это у меня? Не может этого быть! Да провалиться мнѣ на этом самом мѣстѣ! Ни с кѣм не жила... И мужа-то нѣт у меня...

Изумленіе настолько искреннее, что начинаешь вѣрить в чудо. Медицина знает случаи оплодотворенія от случайности — до глупости. Отсюда — прививка и искусственное оплодотвореніе. Правда,

такіе случаи рѣдки, очень рѣдки. Но моя больная настаивает к тому же, что она дѣвственна. Вот это-то и выдает больную.

— Ну, во что, больная... Некогда мнѣ с вами долго разговаривать... Я и сама знаю, что у вас. Вам больше не вѣрю. Сознайтесь, что говорили неправду.

— Да как же неправду, когда ничего не знаю... И не знаю, что вы там такое говорите...

— Ну, как хотите, не задерживайте больных.

Больная слишком запуталась. Надо ей помочь.

— Вы чѣм упорствовать, лучше скажите, как у вас случилось. Были с мужчиною?

Возмущенно:

— Не гулящая я...

— Я и не говорю... Но... что-то было... Может быть вас обманули... Вы еще молоды...

Больной ясно, что врача не обманешь. Послѣ долгаго запирательства начинается обычная исповѣдь: соблазнил, обѣщал жениться, уѣхал.

— Ну вот, так бы вы сразу... Вот видите, на какое дѣло вы толкаете врача... Дать ложную справку.

Конечно, ей стыдно, неловко. Задорное личико готово расплакаться, корчится в гримасы дѣтскаго плача. Я ее щажу. Но мнѣ интересно:

— А зачѣм вам понадобилась бумажка? Зачѣм вы от меня скрывали ваше состояніе?

Подумала: «сказать, не сказать» — и рѣшилась, но без волненія, спокойно. Сдѣлала попытку обойти врача. Сорвалось? Ну, что же. И, приводя себя в порядок, отвѣчает:

— Как же иначе, доктор? Домашняя работница я... Не берут на мѣсто... А коли возьмут, продержат нѣсколько дней и отпускают. Примѣчают, идолы. Рвоты у меня, как ни поѣм... Если беременна, хлопотно будет со мною... На третьем мѣстѣ так... Вот и подумала, поможете вы...

— Но это беззаконно. Вы можете жаловаться в союз.

Больной явно наскучил разговор со мною. Кончает быстро туалет.

— Я и сама так думаю. Стало быть в союз? Прощевайте.

И мнѣ не понятно. Почему не заговорила об абортѣ. Я, пожалуй, помогла бы ей... Или я должна была толкнуть ее на мысль? А впрочем развѣ можно вѣрить ей, что дѣйствительно, она без мужа? Что и в этом разсказѣ нѣт уловки? Ну вот, начнутся «*угрызенія*»... И так каждый день что-нибудь... Чего-то не додѣлала, или сдѣлала не так. Но в концѣ-концов, нельзя же от нас столько требовать, не могу же к самой себѣ столько требованій предъявлять. Вѣчная неудовлетворенность... Вѣчное копаніе в душѣ, в этих мелочах... Увы, мелочи! Но как часто они срывают сон...

ТО, ЧТО БЫВАЕТ.

Мнѣ говорят: то, другое, третье — не характерно, не типично, а — иногда и невѣроятно. Но я и не ставила себѣ задачей передавать только общіе, типичныя явленія. Напротив, я считаю интересным и для себя, как для врача, выдѣлять факты, сравнительно рѣдкіе в медицинской практикѣ. Врач, прежде всего, имѣет дѣло с болѣзнью. Обязанность врача—лѣчить болѣзнь. «Исторія болѣзни» не всегда облегчает врачу процесс лѣченія, в особенности, если эта «исторія» складывается из бытового и соціальнаго матеріала. От этого, однако, значимость «исторіи» не уменьшается. По большей части причина болѣзни, а подчас — трагедіи, вызываемой «случайностью», соціальными и бытовыми причинами, — остается под спудом. Родители, муж, жена, близкіе стараются скрыть от окружающих причину болѣзни, а иногда и самую болѣзнь. А врач — не всега он дѣйствительную причину выявляет, ему достаточно констатировать факт,—если причина (исторія) становится ему извѣстной, забывает о ней, как только очутится за дверью своего кабинета, — в лучшем же случаѣ, если уже очень «пикантно» или «интересно», разскажет об этом своим коллегам в «курилкѣ» — или дома, за чашкой чая. А между тѣм, как важно и полезно, чтобы именно эти «пикантные» случаи стали достояніем всѣх. Как замѣтно сократились бы в нашей практикѣ эти единичные, «не типичные» случаи.

Это предисловіе я считала необходимым предпослать такому нетипичному случаю. Дѣйстви-

тельно, случай рѣдкій. И я долго задумывалась, разсказать ли.

И рѣшила, что надо разсказать, потому что это было и может повториться еще не раз. Пусть матери внимательно прислушаются к моему разсказу.

Мать, пожилая женщина, привела ко мнѣ свою дочь, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, почти подростка; учится в трудовой школѣ. Глава семьи — отец и муж — служит на желѣзной дорогѣ. Одѣты бѣдно, но аккуратно. Во время пріема главным дѣйствующим лицом выступает мать. Очень волнуется, подозрѣвая у дочери какую-то тяжелую, совершенно непонятную ей болѣзнь. Дочь молчит. На юном лицѣ безразличіе, безнадежная тупость.

Мать разсказывает:

— Вдолбила себѣ в голову, что-то шевелится у нее в животѣ. Вот так, за обѣдом — вдруг схватится и закричит: «Вот, вот, шевелится»... Я и не прислушивалась... Глупости одни. Думала, желудок. Слабительное давала. А она — свое...

Я еще ничего не подозрѣваю. Слушая мать, разсѣянно коснулась живота больной, и мнѣ кажется, живот нѣсколько распух. Спрашиваю:

— А на боль в животѣ жаловалась?

— Конечно, жаловалась. Вот и дала ей касторку. И с животом что-то неладное дѣлается. Распухать стал... Компрессы клала, обвязываю бинтом... Не иначе, доктор, опухоль в животѣ. Вот и рвоты. Съѣст что-нибудь — и вырвет.

Странно. Признаки...

Признаки настолько явные, что боюсь самой себѣ сознаться в этом.

Задаю еще вопрос:

— Скажите, задержки нѣт у нее?

Мать удивляется моему вопросу:

— Она, доктор, совсѣм еще молоденькая. Мѣсячныя только начались. Раз было, а потом перестало. Думаю так, что не пора еще...

— А давно перестало?

Не считала. Нѣсколько мѣсяцев будет.

Увы, мои подозрѣнія начинают подтверждаться. Ничего не подѣлаешь. Надо взглянуть.

— Ну-ка раздѣньтесь. Посмотрим, что это у вас шевелится...

Стараюсь держаться шутливаго тона.

Дѣвочка с тѣм же безразличіем, не мѣняя тупого выраженія лица, начинает раздѣваться.

Стараюсь ее ободрить

— Ничего, милая, не надо волноваться; посмотрим, полѣчим—и все хорошо будет. Храбрѣе!

Дѣвочка не реагирует. Точно не к ней обращаюсь. Но все-таки хочется ее расшевелить — и... выпытать у нее, что можно. Покуда раздѣвается:

— А вы в какой группѣ?

Молчит. Отвѣчает мать:

— Она в 5-й. Хорошо учится. Только вот болѣзнь мѣшает.

— А уроков много задают? Есть товарищи?

Опять за нее отвѣчает мать:

— Она у нас нелюдимка. Занятій много. Да и по хозяйству помогает.

— И с товарищами вовсе не встрѣчается?

Мнѣ, в подтвержденіе моих подозрѣній, надо, чтобы она или мать отвѣтила мнѣ, что встрѣчается, прòводит время со школьниками, мальчиками. Отвѣт матери меня хоть и не обезкураживает совсѣм, но ослабляет занятую мною позицію.

— Одна подруга у нея по классу. Дочь нашего сосѣда. Больше не знаю. Ни с кѣм... Мы и то журим ее за это...

Пока дѣвочка раздѣвается, я незамѣтно отвожу мать в сторону и тихо спрашиваю:

— Скажите, как в школѣ? Может быть, знаете... или слышали? Знаете, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ... Ну, там, разговоры какіе-нибудь... Вѣдь дѣти не сознают этого.. А бывают несчастья...

Мать, забыв всякую осторожность, замахала на меня руками:

— Да что вы, что вы, доктор! И грѣх вам про мою дочь такое подумать...

Раскраснѣлась от возмущенія. Поняла, на что я намекаю ..

Тѣм временем больная раздѣлась. У этого юнаго созданія, с тупым, безразличным выраженіем лица оказался большой выпирающій живот, живот беременной женщины. И груди набухшія, готовыя к долгу материнства. Картина ясная, никаких сомнѣній. Я установила восьмой мѣсяц нормальной беременности...

Скрывать смѣшно, да и нельзя.

Мать в буквальном смыслѣ слова осѣла. Она опустилась на стоявшій рядом стул, руки безвольно повисли, а глаза уставились на дочь с выраженіем дикаго ужаса.

Продолжаю осмотр и, обращаясь к матери, подбираю простыя, малозначущія слова, говорю о положеніи дочери, как о чем-то несерьезном, что: «Вот видите, никакой серьезной болѣзни нѣт. Кабы опухоль живота, не выдержала бы... А так... Она уже взрослая...»

Но мать не слушает, срывается со стула к креслу, гдѣ больная еще сидѣла, подвергаясь изслѣдованію, — с поднятыми кулаками.

— Так ты!

Я схватила мать за руки и крикнула ей:

— Подождите... Не сходите с ума.

И, отчеканивая каждый слог, так, чтобы мои слова дошли до ея сознанія, сказала:

— Ваша дочь не-вин-на. Совсѣм не-вин-на.

И дѣйствительно, каково было мое удивленіе, когда я убѣдилась в абсолютной нетронутости дѣвочки.

Мои ли слова подѣйствовали на мать, или это была реакція послѣ внезапнаго и сильнаго огорченія, но она остановилась у кресла дочери блѣдная, растерянная, не проронив ни слова.

Как же понять? В чем загадка? Надо разобраться.

Мое сообщенiе о беременности произвело на больную обратный эффект, чѣм на мать.

Лицо оживилось, ожили глаза и, главное, — заговорила молодым, звонким голосом:

— Можно встать, доктор?

Соскочила так, точно и не обременена большим животом.

— Так правда, доктор, у меня ребеночек шевелится?

Довольна, радуется событiю. Но в радости нѣт серьезности, материнской серьезности. Похоже на то, что ей подарили куклу, живую куклу. Стала порывисто одѣваться.

Обмѣнялись ролями. Мать молчит. Веду разговор с дочерью.

— Да, у вас совсѣм живой ребеночек. А вы совсѣм не знали. Нѣт? Не вѣрилось?

Да, ей не вѣрилось.

— Но, доктор, как это могло случиться? Вѣдь, говорят, надо быть замужем... А я вовсе не была замужем.

Говорит шаловливо, игриво.

— Вот, нисколечко... Честное слово... Значит, можно и так?.. А нам говорили...

Не отвѣчая прямо на вопрос, прерываю.

— Как вас зовут? Ася? Скажите, Ася,—кто у вас еще дома? Вы одна?

— Дома? Папа... Брат.

— А брат старше, моложе?

— Брат... Ста-а-рше! Ему уже восемнадцать...

— Скажите, у вас с братом ничего не было такого... что запомнилось бы?..

— С братом?..

Мать стоит, переводя мутный взгляд с меня на дочь.

— С братом?.. Нѣт, ничего. Ну, балуемся с ним иногда. Мы очень дружны.

Я нашла нужным остаться с матерью наединѣ. Когда дверь кабинета за Асей затворилась, я обратилась к матери: не вспоминает ли она что-нибудь

насчет «баловства» с братом. И вот, напрягая память, мать вспоминает, что был такой случай, нѣсколько мѣсяцев тому назад, в утро праздничнаго дня, когда брат и сестра баловались, бросались подушками в одной постели. Из-за тѣсноты спят в одной комнатѣ. Никого дома не было...

— Я пришла с рынка и разогнала их.

Так вот гдѣ загадка. От случайнаго прикосновенія. Наука давно подтвердила возможность зачатія даже не «женщиной», даже от свѣжих слѣдов на бѣльѣ...

И надо же было, чтобы шестнадцатилѣтняя Ася стала жертвой такого случая!.. Конечно, это вѣроятно, даже несомнѣнно. Вѣдь они баловались в одной постели... Ничего не было. Но было оченъ много...

Я объясняю все это матери. Она плачет. Не возмущается больше, приговаривает:

— Не приглядѣла я. Я, я виновата... Но я же этого не знала, что так бывает... Срам какой! Ребенок от родного брата! Что же дѣлать? Что дѣлать?

Ломает в отчаяніи руки. Еще тѣшит себя надеждой.

— Нельзя ли прервать?

— Нѣт, теперь поздно. Ребенок созрѣл...

Утѣшаю: дочь в клинику, ребенка в дѣтдом. А дочери о братѣ покуда ничего. Велѣла дочери явиться ко мнѣ через двѣ недѣли. Пусть пока в школу не ходит. Дала записку о болѣзни.

Сегодня Ася пришла ко мнѣ одна. Сіяющая, довольная. Нетерпѣливый вопрос:

— Ну, что, доктор, скоро?

— Да, да, скоро... Придите... так... дней через десять. А если начнутся боли, — пріѣзжайте сейчас же. Вот вам мой телефон.

— А он у меня, доктор, совсѣм уже шевелится. Хорошо! Большое вам спасибо, доктор!..

Спрятала записку с моим телефоном в маленькій дѣтскій ридикюльчик. На лицѣ свѣтлая улыбка. Ушла.

ЖЕНСКІЙ ДОКТОР.

Мнѣ хочется поразнообразить свои записки, отклониться в сторону. Нѣсколько слов pro domo sua. Это даже необходимо. «Женскій доктор» — слишком замѣтное в нашем быту явленіе, чтобы можно было пройти мимо него, не установив аппарат хотя бы на моментальный снимок. Впрочем, мысль разсказать в моих записках о «женском докторѣ» пришла случайно, под вліяніем одного обстоятельства.

Он из кожи лѣзет вон, ищет популярности.

Видите, я чисто по-женски. Забѣгаю вперед. Рѣчь идет о моем коллегѣ, врачѣ-гинекологѣ, Яковѣ Борисовичѣ.

Вчера в районном собраніи врачей он дѣлал доклад «О нѣкоторых отклоненіях при внѣматочной беременности». Вы спросите — зачѣм же поставили его доклад? Очень просто — традиціонная врачебная этика и дисциплина. Раз врач ставит доклад, отклонить нельзя и не пойти послушать тоже нельзя. Старшій врач смотрит косо, если не пойти. Впрочем я увѣрена, многими из нас руководило любопытство, предвкушеніе... веселаго вечера. Всѣ заранѣе знали, ничего Яков Борисович путнаго не скажет. Не впервые вѣдь. И смѣялись же мы! Чего только не было в докладѣ... И ни к селу, ни к городу приплетенные символизм, конструктивизм, и ссылки на случаи и труды, ничего общаго не имѣющіе с внѣматочной беременностью, и упоминанія, об его, якобы открытіях. Право же сдержанный смѣх аудиторіи неоднократно переходил в совершенно открытое веселье. Не помогал и предсѣдательскій звонок — сам предсѣдатель с трудом сдер-

живал улыбку. Постепенно публика повставала с мѣст, разбилась на группы и, не стѣсняясь, бесѣдовали, — только жертвы передних рядов сидѣли и слушали... А Яков Борисович невозмутимо продолжал свой доклад... Так он мучил и развлекал нас цѣлый час.

— Вопросов докладчику нѣт? Нѣт.

— Есть желающіе возражать? Нѣт.

Предсѣдатель объявил собраніе закрытым. Зашумѣл врачебный улей, никакими формальностями болѣе не стѣсненный, — Яков Борисович, на ходу надѣвая пальто и разсѣянно суя руку — направо, налѣво: «Свиданія... Свиданія... Тороплюсь очень... Ну, как доклад?.. Да... да... Обязательно опубликую»... — вылетѣл из аудиторіи.

А сегодня, когда я пришла на пріем, моя фельдшерица встрѣтила меня многоговорящей улыбкой. Значит — новость. Я не люблю этих амбулаторных и больничных «новостей», часто переходящих границы нужнаго. Но фельдшерица явно мнется, рот, что называется, полон, надо ей дать разрядиться. Смотрю на нее вопросительно.

— Что это сегодня, доктор, с Яков Борисовичем?.. Бѣгает по амбулаторіи из кабинета в кабинет, по коридору... — «Нѣт,—говорит,—положу этому конец... Больше безплатно работать не намѣрен... Пусть проведут в штаты . . Подам заявленіе»,— говорит . . . Рѣшено . . И это даже смѣшно, доктор. Развѣ его заставляют?

Знакомые разсказы, старая пѣсня в новой варіаціи. Отзываюсь на сообщеніе краткой репликой:

—Это его дѣло . . Ну, и подаст . . . Много записалось больных?

Одѣваю халат и принимаюсь за работу. И покуда готовлюсь к пріему — мою руки, разбираю карточки записавшихся и т. д., — я думаю о С. Вспоминается вчерашній доклад, внѣдряются в мозг назойливыми насѣкомыми отдѣльныя слова из разсказа фельдшерицы . Я представляю себѣ С-а, суетливо бѣгающаго по амбулаторіи.

Если вы не знаете лично С-а, то не трудно себѣ его представить. Мнѣ кажется—из наблюденій, или это моя фантазія, — всѣ врачи его складки удивительно походят друг на друга, даже своей внѣшностью . . У С-на типичная, но не запоминающаяся внѣшность. Главное, он чертовски красив. Представьте себѣ: почти высокій рост, широк в плечах, держится прямо; на головѣ — черная, закинутая назад шевелюра, разсыпающаяся и поминутно приводимая в порядок движеніем руки разсѣяннаго и занятого человѣка. Усы и борода яркочерные, обрамляют спѣлые, налитыя губы и чуть чуть пожелтѣвшій от табаку оскал зубов. Борода—симметрично подстриженная, лопатой. Одѣт Яков Борисович в темно-синій, хорошо облегающій фи гуру костюм; верхняя рубашка сверкает бѣлизной подчеркивающей яркое пятно цвѣтистаго галстуха, манжеты выутюженных брюк чуть-чуть отстают от замшевых гамаш над ботинками-шевро. Словом, одѣт солидно, с нѣкоторой, чтобы не выйти из рамки солидности, претензіей на изящество. И я думаю, то, что Яков Борисович С-н—так одѣт, и то, что он—врач и, именно, врач-гинеколог,—не случайно. Должно быть, очень давно, когда остановился впервые перед университетскими дверьми и... перед зеркалом, в раздумьи — на какой факультет ему пойти и какую избрать спеціальность, и увидѣл свое благообразное, красивое лицо, с надеждой на «жгучую» растительность, — и, главное, свой «л а с к а ю щ і й б а р х а т н ы й» взгляд, — оставшись довольным своей стройной фигурой, которую сейчас же послѣ гимназіи облек в изящный штатскій костюм,—он подумал: «Я б у д у д о к т о р о м» . . Мнѣ к лицу — по женским болѣзням . . . Я буду женщинам нравиться...» И тут же, вѣроятно, улыбнулся, представив себѣ молодую, изящную «дамочку», которая жеманно говорит ему: «Знаете, доктор, это так странно...» Он разсказывает своей матери, милой и доброй женщинѣ, о своих планах, и мать млѣя от восторга, говорит своему сыну, предвѣщая

ему счастливым, улыбающимся взглядом – богатую карьеру, богатую невѣсту; «Да, дорогой, ты настоящій женскій доктор»... Таким образом, карьера Якова Борисовича С-а была предрѣшена. Так предрѣшалась в свое время карьера многих С-х. Они, эти С.-ы, постепенно исчезают, но отдѣльные экземпляры еще встрѣчаются. Ни революція, ни перелом, происшедшій во врачебном мірѣ — его соціальная и бытовая надстройка, — на С-х не повліяли. С-н силен. И сила — в его непосредственности. Он такой — иным быть не может.

Ясное дѣло, мечта о карьерѣ сводилась не к разговорами с изящным «дамочками» С-н — матеріалист. Быть «женским доктором» это — прежде всего выгодно. Эти бѣдныя овечки страдают столькими специфическими болѣзнями, им так часто приходится возлагать всѣ надежды на врача «как на Бога»,—«чтобы не разстроить жизнь мужа», — так много и часто у них секретных недомоганій, — что каждая больная— это клад. И главное — аборты. Аборты и были главной приманкой С-на. Набив себѣ руку послѣ двух-трех лѣт неизбѣжнаго стажа в земствѣ, поработав нѣсколько мѣсяцев в губернской больницѣ, продѣлав нѣсколько элементарных операцій—иногда удачно, а иногда неудачно,—и убѣдившись перед зеркалом, что он достаточно солиден, что один его «бархатный» взгляд дѣйствуют исцѣляюще на больную, — он пустился в открытое плаваніе. Вот так, примѣрно, началась широкая дѣятельность С-на.

Он никогда не унывает. Как-то собрались мы, врачи, по окончаніи пріема в курилкѣ. Балагурили о том, о сем. Как плохо живется врачам, большая нагрузка, повысят ли оклады. С-н, бросив папиросу и остановившись перед нами, спрятав руки в карманы брюк, — вспоминает:

— Да, теперь, что говорить... скверно нашему брату... Но вам, товарищи, жаловаться грѣх... Вы на ставкѣ, а я вот... сколько времени задарма работаю, по сорок человѣк в день пропускаю.

И мечтательно продолжает:

— Мнѣ повезло в годы военнаго коммунизма. Вы знаете, меня от фронта и госпиталя освободили. Меня оставили при губздравѣ на административной работѣ, как спеціалиста по санаторіи. Дѣло прошлое. Какой я санитар!.. Но развѣ тогда разбирались? И наконец, при моих способностях! Я сразу такую машину завертѣл. Так вот... Недурно бы, если бы пришлось тогда на служебном пайкѣ? А? Как вы думаете? Правда, как велось в то время, с мѣст частенько подарки привозили... Тоже поддержка. Но это все пустяки. А вот что я придумал. Нужна, товарищи, инициатива. Я обзавелся велосипедом и стал по воскресеньям выѣзжать в окрестныя деревни. Привязывал к сѣдлу два небольших мѣста: саквояжик с инструментами и лѣкарствами и—отдѣльно—мѣшок... для протуктов. И что же мнѣ вам сказать? Я пользовался в деревнях сногсшибательным успѣхом. Останавливался в опредѣленной избѣ. Конечно, с хозяином избы кое-чѣм из доходов дѣлился. В деревнѣ—дать знать всѣм: «доктор из города пріѣхал»—дѣло минут. Смотришь — очередь. Работа была тяжелая. Болѣзни всякія. Развѣ кто-нибудь из врачей работал тогда по спеціальности? Врач должен в критическую минуту помогать всѣм, лѣчить всякія болѣзни. За все платили продуктами. Я же и лѣкарства давал. За лѣкарства платили отдѣльно. Я возвращался в город нагруженный. У сѣдла саквояжик с инструментами, а мѣшок приходилось приспособить к спинѣ. Тяжеленько бывало, зато сытно. На недѣлю — роскошь. Излишки продавал, или обмѣнивал. Вот. Иниціатива нужна, товарищи...

Его разсказ выслушали молча. Может быть, кто-нибудь в душѣ и пожалѣл, почему в свое время не догадался проявить такую же иниціативу, — но, полагаю, молчаніе большинства было другого рода. Всѣ знали, вернѣе догадывались, что и сейчас у С. иниціативы не занимать - стать, что его жалобы на «работу задарма» — это или кокетство, или... чорт

знает что. Выступает с невѣжественными докладами, а все же, должно быть, парень не дурак. Ни для кого не составляло секрета — он и сам этого не скрывал, — что он занимается частной практикой на дому и что практика у него не маленькая. Для этого он и держится в амбулаторіи, — пусть, на безплатной работѣ. Зато—он считается служащим, и, по положенію, занятія частной практикой не мѣшают ему состоять в союзѣ: это — раз. На него не смотрят как на частника фининспектор: это — два. Снабжает приходящих к нему в амбулаторію больных своим адресом. Так, на всякій случай. И не всякаго, а там, гдѣ чутьем угадывает, что не будет провала: это — три. Вот почему С. нужна амбулаторія, вот почему он не оставляет «работу задарма». Конечно, рѣдки теперь больныя — изящныя «дамочки», приходится имѣть дѣло почти исключительно с работницами и служащими. Но, в концѣ концов, не все ли равно, с кѣм провести курс лѣченія, кому сдѣлать аборт. А солидный вид, «бархатный» взгляд, успокаивающій и ласкающій, дѣйствует одинаково на работницу и на изящную «дамочку». Женщина—всегда женщина.

Частная практика—это пустяки. Ее и скрывать не надо. А вот—аборты. Репутація абортиста мѣшает С. получить штатное мѣсто. Но как раз в абортах С. чувствует себя, как в родной стихіи. Вот только на-днях, — а это бывает часто, почти ежедневно,—ко мнѣ приходит больная. «Так и так, доктор, ради-Бога»... Словом, умоляет сдѣлать ей аборт... Я говорю:

— У вас недостаточно показаній, чтобы вас в больницу, на государственную койку...

— Я знаю, доктор, я не об этом... Я прошу вас, сдѣлайте вы мнѣ аборт.

Я рѣшительно отказываюсь.

— Я заплачу, доктор...

Большой соблазн, зачѣм скрывать. Приработок был бы не лишним. Но я упорно отказываюсь.

Больная уходит от меня, понурив голову.

Знаю, она, вообще, ко мнѣ больше не придет, не придут и другія, которым она разскажет о моем упрямствѣ, и я, таким образом, теряю больных. Я знаю, послѣ моего «нелюбезнаго тона» они пойдут к С. Он сдѣлает операцію или в какой - нибудь лечебницѣ «на компанейских» с лечебницей началах, или... у себя на дому. Сколько раз бывает, придет к тебѣ больная с сильным кровотеченіем. послѣ аборта; сразу видишь, гдѣ и как произведен аборт, — тут уж нельзя, приходится направлять в больницу..: А у больных своя дисциплина, своя «этика»: ни за что не скажет, кто сдѣлал аборт. Ну, сознается иногда, что... в домашней обстановкѣ...

По отдѣльным признакам не трудно иногда догадаться, что всѣ пути ведут к благодѣтелю – С. Но он умѣет обставлять себя и благополучно дѣлает свое дѣло. Роль «женскаго доктора» ведется им довольно открыто. Но осязательных данных нѣт... А если он и чувствует со стороны товарищей пренебрежительное к себѣ отношеніе, то... он ищет способов компенсировать себя с других сторон и добивается расположенія... мѣсткома. Он—иниціатор производственных совѣщаній, он указывает: «бѣлье, — дескать, — грязное», — непорядки здѣсь, непорядки там... Или вот—с докладами выступает, как вчера. Пусть видят... Он не просто чиновник. Он — общественник. Но мѣстком цѣну С. знает. С. нѣсколько раз пытался, вел открытую агитацію среди нашего персонала, ища в нем поддержку, чтобы пройти в мѣстком, или хоть в какую-нибудь комиссію. Но--тщетно. Его не избирают. Каждый чувствует, мог бы многое сказать о С., но отдѣлывается молчаніем, пассивным «проваливаніем» или иронической репликой... Это потому, что «твердых данных» нѣт. И еще больше потому, что «женскій доктор» слишком врос в наш совѣтскій лѣчебный быт..

Вот — про все это вспомнилось в связи с вчерашним докладом. И так живо представляю себѣ, как бѣгает С. по коридору — руки в карманѣ, загребает черную шевелюру на головѣ и разсыпается:

— Не буду я задарма работать... Хватит...

НА УЛИЦѢ.

Сегодня со мною случилось странное приключеніе. Стыдно сознаться, — это приключеніе вызвало у меня слезы, и, чтобы не выдать себя, своего малодушія, я была вынуждена удалиться в самый критическій момент. А вѣдь—«при служебных обязанностях» нам, врачам, приходится быть свидѣтелями жестоких человѣческих страданій, и я не помню случая, чтобы я когда-либо теряла хладнокровіе, — а вот сегодня... И случай — пустяковый... Правда, из того, что я, глотая слезы, ушла, ничего не измѣнилось, мое присутствіе — любопытнаго зрителя — было безполезно. Но все же...

Случилось это на улицѣ. Надо вам сказать, что днем мнѣ весьма рѣдко приходится ходить пѣшком. Мой ежедневный маршут с утра: трамваем в больницу, из больницы в амбулаторію на противоположной сторонѣ города, а из амбулаторіи послѣ пріема и изслѣдованія нѣскольких дѣсятков больных в теченіе 4-х часов — домой трамваем же, и считаешь наивысшим счастьем, если в трамваѣ окажется свободное мѣсто. При такой «нагрузкѣ», когда каждая минута разсчитана, — не замѣчаешь ни улиц, ни людей. Думаешь лишь о том, как бы во-время на работу поспѣть. Вот — погода развѣ. В ясную, солнечную погоду—велик соблазн пройтись пѣшком, иногда позволяешь себѣ. Даже с риском опоздать.

Сегодня выдался такой удивительный день. С утра на небѣ безпрепятственно хозяйничало солнце. За ночь выпал снѣг. Улицы и мостовые казались одѣтыми по-праздничному в прозрачную, бѣлоснѣжную кисею, усыпанную мелким сверкающим

бисером. Вот этот зимній пейзаж радовал и манил, и я пошла пѣшком. И мнѣ не казалось, — а это навѣрное было так — и жизнь в этот день на улицѣ была какая-то иная, обновленная. И прохожіе привѣтливо заглядывают тебѣ в лицо — вот-вот незнакомый человѣк скажет тебѣ: «доброе утро»... Веселѣе и прозрачнѣе звонки трамваев, шаловливо звучат сирены автомобилей. На углу тротуара, гдѣ перекрещиваются двѣ широкія улицы — одна торговая, друга — тихій бульвар, — стоит «моссельпромщица» с лотком папирос. Прохожій в шубѣ с бобровым воротником останавливается, просит «Extra», — но у «моссельпромщицы» «Extra» не оказалось, и она предлагает замѣнить другими. В другой раз прохожій отказал бы, поискал бы дальше, но — сегодня никого огорчать не хочется и, улыбаясь «моссельпромщицѣ», он говорит:

— Ну, что хотите, все равно.

«Моссельпромщица» довольна удачей и вручает прохожему »Салонику»:

— Берите, гражданин, благодарить будете.

Почему-то эта сцена приковала мое вниманіе, и вдруг, из-за угла, там, гдѣ улица сворачивает к бульвару, слышу — крики, плач, не свойственный тихому бульвару шум. Оглядываюсь в сторону, откуда доносится шум. Вижу — на узком тротуарѣ, у стѣны высокаго сѣраго дома — толпа. Люди волнуются, машут руками. Я обычно не люблю сборищ уличных зѣвак. Должно быть, и сейчас — пустяк какой-нибудь: подрались пьяные, или карманнаго вора поймали, — но в это утро все задѣвало мое любопытство, и я поспѣшила к мѣсту происшествія. На разстояніи нѣскольких шагов от меня толпа двинулась с мѣста в разсыпную, впереди толпы — женщина средних лѣт в черном овчинном полушубкѣ и валенках, с сѣрым шерстяным платком на головѣ, — на руках ребенок лѣт 4 — 5, — прохожіе гонятся за женщиной, хватают — кто за руку женщину, кто ребенка, — а женщина вырывается, бѣжит дальше. Улица оглашается ея криком:

— Ироды вы, окаянные. Не трожь моего дитятку. Милиціонер!...

Крик женщины покрывается возгласами из преслѣдующей ее толпы:

— Держите ее!..

— Улизнет, проклятая...

— Милиціонер!

Окруженная тѣсным кольцом людей, женщина остановилась. Подхожу ближе. И тут только могу разглядѣть и женщину, и ребенка. Женщина лѣт 30 — 35, просто, но тепло и заботливо одѣтая; круглое, здоровое лицо, нос небольшой, вздернутый, глаза на выкатѣ. Ребенок, как и раньше показалось, — лѣт 4 — 5 дѣвочка, одѣтая в лохмотья, в больших дырявых сапогах, глаза полузакрыты, вѣки безвольно то опускаются, то подымаются. Носик, щечки — отливают синевой. Дѣвочка, очевидно, до этого плакала долго, с надрывом, — так как сейчас, когда я пробралась через толпу и очутилась совсѣм близко возлѣ нея, она поминутно судорожно всхлипывала, положив одну ручку на плечо женщины, а другую — спрятав в отверстіи разстегнутаго зипуна, — вѣрнѣе, что нѣкогда было зипуном взрослаго человѣка. Женщина прижимает ребенка к себѣ, защищает его от посягательств толпы. Она говорит, почти кричит:

— И права такого нѣт, чтобы у честной матери ребенка отбирали. И что это вы ко мнѣ пристали, окаянные...

Больше всѣх волнуется одна молодая дѣвушка в англійском коричневом пальто и коричневой фетровой шляпѣ. Указывая на женщину и обращаясь к толпѣ, она кричит:

— Не вѣрьте ей, граждане, это не ея ребенок... Она лжет... Ее в милицію надо...

Красноармеец, высокій, безусый, румяный, с пакетом под мышкой, — лицо расплывается в улыбку:

— Ну, и оказія... С-у-у-ка ты вот что...

Нехотя красноармеец пробивает себѣ локтями дорогу через толпу и уходит. Видно, торопится.

— Отдайте ребенка... Отдайте ребенка...

Это — гражданин в полинявшем черном пальто с облѣзлым каракулевым воротником и в башлыкѣ, закрывающем почти все лицо, — обращается то к одному, то к другому, то к женщинѣ:

— Отдайте ребенка... Отдайте ребенка...

И неизвѣстно, о чем он: не то отдать ребенка женщинѣ, не то отнять у нее ребенка и отдать его невѣдомо кому, толпѣ.

Высокій парень, в бѣлом передникѣ, сверх мѣховой кожаной куртки, с простым лицом — должно быть приказчик из ближайшей «гастрономіи», — трясет кулаками перед глазами женщины:

Да что с ней, с...., разговаривать. Морду ей, с...., разбить...

Ребенок откидывается на плечо женщины и заливается тонким обезсиленным плачем.

Высокаго парня хватает за талію другой, тоже в бѣлом передникѣ, — пріятель, видно.

— Брось ты, Петюх... Сразу в драку лѣзешь. Да развѣ можно женщину, не разобрамши.

Оттянул в сторону Петюха и — к толпѣ, оскалив зубы в довольную улыбку:

— На отсидку парню захотѣлось... И чего-то все милиціонера нѣт!

Голоса из толпы:

— Милиціонер!..

— Ми-ли-ці-онер!! Никогда их, иродов, нѣту...

Я все еще не понимаю, в чем дѣло. Спрашиваю:

— Граждане, что случилось? Почему эту женщину...

Кто-то вызывающим тоном:

— А ты кто такая будешь? Слѣдователь нашелся...

Считаю нужным отвѣтить:

— Я — врач. Доктор...

Произвело впечатлѣніе.

— Доктор?.. Докторша, значит?.. Вот это и хорошо... Это и надо...

— Она, докторша, говорит, ея ребенок, дочь ея, значит...

— Идем это так мимо, гляжу, а ребеночек...

— Какой же это ея ребенок!..

— Первым дѣлом лѣкарство ребенку...

— Доктор, посмотрите ребенка...

Говорят всѣ сразу. Ничего не пойму.

— Подождитѐ, граждане, пусть кто-нибудь один разскажет.

Дѣвушка в фетровой шляпѣ, одним пальцем касаясь рукава задержанной женщины, дабы та не убѣжала, оборачивает лицо в мою сторону. Ей удается овладѣть разсказом:

— Как хорошо, доктор, что вы здѣсь. Очень нужна ваша помощь... Прохожу я мимо... Видите вон там, у того дома... Вижу, на голой землѣ сидит этот ребенок, опустив голову, и, будто, спит... Одна ручка протянута, как для подаянія... Так и застыла... Я наклонилась,.. И ужас, что я увидѣла... Пальчики бѣлые, замороженные... Личико синее, а глазки закрыты... Я: «Дѣвочка, дѣвочка»... А она не шевелится. Я сразу поняла... Нищенка... Замерзла... Поймите, доктор, не могу же я так оставить... Ребенок может быть, совсѣм уже замерз, а может быть, еще отходить можно... Подошли прохожіе... Вот этот гражданин... И этот... Они свидѣтелями будут... Вѣдь так было, граждане?.. Я говорю этим гражданам: «Надо ребенка в аптеку или в больницу отвезти»... Вот этот гражданин говорит: «Лучше, граждане, милиціонеру отдать». Я говорю: «Пусть милиціонеру, но надо спасти ребенка». Я, как стояла, нагнувшись, начинаю, пока тут же снѣгом растирать ручки, щечки... Дѣвочка открывает глаза.. Раскрываются губки, и она тихо: «Дяденька дай копѣечку, Христа-ради», — и опять закрылись глазки... Мнѣ стало так жаль ребенка... Не оставить же так... Я подняла дѣвочку с земли, закутала в свое пальто... И вот, как только я это сдѣлала, выбѣжа-

ла из подворотни, что тут... рядом... вот эта женщина... Я и не успѣла одуматься, как она выхватила из моих рук ребенка и на всю улицу кричит: «Да гдѣ это видано, граждане, среди бѣла дня дѣтей красть... Мою доченьку... Я тебя за это»... И как она некрасиво ругалась, доктор, такими словами... «Я тебя, говорит, в тюрьмѣ за такія дѣла сгною»... Но были свидѣтели, и вот эти граждане вступились. «Ни в коем случаѣ, — говорят, — не отдавать ей ребенка... Знаем мы их... Берут на прокат и нищенствуют, разбойники». А я говорю: «Если и мать она ребенку, то такую мать суду надо предать. Отнять ребенка»... Тут подошли еще люди. Она хотѣла убѣжать с ребенком. На руках дѣвочка немного согрѣлась... Начала хныкать... И потом... Если бы вы слышали, как она плакала... С каким надрывом... Она совала ручки то в ротик, то к тѣльцу прижимала... Больно, видно... Конечно, доктор, это не ея ребенок... Мать не может быть таким звѣрем...

И опять зашевелилась толпа:

— Что с ней разсуждать...

— Граждане, ребенка пожалѣйте...

— Ми-ли-ці-онер!..

Должно быть движеніе трамваев и машин на перекресткѣ двух улиц заглушало выкрики толпы. Мы всѣ были случайные прохожіе по тихому бульвару. Никто не догадался подойти к посту. Я воспользовалась своим случайным авторитетом, предложила сбѣгать кому-нибудь за милиціонером. Выдѣлился паренек — разносчик газет:

— Я, тетенька, сбѣгаю...

Я подошла к дѣвочкѣ вплотную. Она прикорнула к плечу державшей ее женщины и продолжала то тихо, то с громкими, глубокими вздохами всхлипывать. Ручки, спрятанные в зипунѣ, казались только что вынутыми из раствора синьки. И личико синее. Женщина крѣпко держала ребенка, не отдавая его. Ея лицо выражало дикое озлобленіе и в то же время безпомощность. Она поминутно озиралась вокруг, ища лазейку, как бы уйти. Но коль-

що толпы крѣпко спаяно. Я стала усиленно растирать ручки и лицо дѣвочки. Согрѣвала их своим дыханіем. Кто-то протянул теплую шаль, и я закутала в нее пассивно всему подчиняющагося ребенка.

— Милиціонер... Милиціонер идет...

Толпа продолжает гудѣть, волноваться. Женщина отбивается, бросает в толпу остервенѣлыя слова, плачет дѣланным фальцетом:

— Не отдавайте ребенка... Не отдавайте ребенка... — все так же шмыгает в толпѣ гражданин в башлыкѣ, и все еще неизвѣстно, к кому относятся его замѣчанія.

В сознаніи своей силы и власти, маленькій, щуплый, с непропорціонально длинным носом — треугольником, милиціонер прорѣзал толпу. Перед ним почтительно разступились. Не надолго наступило молчаніе, — и на вопрос милиціонера: «Что случилось?»—опять заговорили всѣ сразу, опять пыталась выступить от имени толпы дѣвушка в фетровой шляпѣ,—но на этот раз неудачно: гудѣла вся толпа. А женщина с ребенком, завидѣв милиціонера, всѣми силами прижала ребенка к себѣ и огласила улицу притворным жестким плачем:

— Товарищ милиціонер, я женщина бѣдная, несчастная... Эти ироды хотят ребенка забрать. Говорят — не мать я ей...

Испугалась ли дѣвочка плача женщины, увидѣла ли она, придя в сознаніе, столько чужих людей возлѣ себя, — но и она под общій шум вдруг залилась слезами, в которых слышалось подлинное горе, горе человѣка, познавшаго жизнь.

Тут я впервые почувствовала, что теряю хладнокровіе...

Милиціонер стоит в раздумьи: как бы сразу воздѣйствовать своим авторитетом, и вот — рѣшительный поворот в сторону женщины:

— Пойдем, гражданка...

— Да куда я пойду... Вот у меня удостовѣреніе есть.

Она сразу перестала плакать. Стала рыться свободной рукой в карманѣ полушубка.

— Врет она, никаких у нее удостовѣреніев нѣт... Торгует чужими дѣтьми... Сволочь...

— Арестовать ее... Отнять ребенка...

— Товарищ милиціонер. не отдавайте ей ребенка, — с какой-то интимностью обращается к милиціонеру гражданин в башлыкѣ, и только теперь ясно, на чьей он сторонѣ.

Милиціонер плавным движеніем локтя отодвигает гражданина в сторону:

— Ну, граждане... Чего собрались... Улицу запружаете. Непорядок это. А вы, гражданка, пойдем, там разберут...

Дѣвушка в фетрѣ:

— Граждане, кто в милицію свидѣтелями?

Милиціонер берет женщину под руку, она упирается, но он заставляет ее слѣдовать за собою. Нѣсколько человѣк из толпы пошли слѣдом. Я подумала, надо бы и мнѣ пойти, или сказать милиціонеру о необходимости неотложной медицинской помощи ребенку. Удаляющаяся группа еще в двух шагах от меня. Я поднимаю голову, хочу заговорить, но встрѣчаю взгляд ребенка: большіе расширенные глаза — сухіе, без слез,—но в них столько безысходнаго горя.. Глаза человѣка, котораго жизнь ударила очень больно и который — со своим горем — одинок в цѣлом мірѣ.

Но я ничего не могла сказать: меня душили слезы. Слова застряли в горлѣ.

Я отвернулась в сторону, — незамѣтно пошла своей дорогой, — успѣв еще бросить взгляд на шествующую посреди улицы группу: впереди женщина с ребенком, рядом милиціонер, а за милиціонером и опережая его — нѣсколько человѣк о чем-то разсказывали ему, волнуясь и усиленно жестикулируя. Дѣвушка в фетрѣ держалась в сторонѣ. Она шла ровным, увѣренным шагом.

. . .Вот сегодняшнее происшествіе. Весь день на работѣ меня преслѣдовали растерянные, полные

страха и горя глаза ребенка. Мнѣ немного стыдно за мое малодушіе и за мои слезы, но теперь я достаточно спокойна. Могу дать себѣ отчет в этой исторіи, гдѣ я очутилась случайной свидѣтельницей и какія вѣроятно, часто разыгрываются на улицах большого города. Но почему мнѣ стыдно за мои слезы? Почему вообще это происшествіе на меня так сильно подѣйствовало?.. Почему?. Не потому ли, что сегодняшній случай с ребенком на улицѣ— конец, или продолженіе одной из тѣх драм, дѣйствіе которых начинается в кабинетѣ варча, на пріемѣ:

— Значит, аборта не можете? Куда же я его, доктор, дѣну?»

Куда? Мое дѣло

«Слѣдующая!», — а дальше... Вот...

Случай на улицѣ...

ТОНЯ БЕЗРАБОТНАЯ.

Вот как из сумбурнаго, но весьма детальнаго разсказа моей сегодняшней паціентки, Антонины К—или просто Тони, как она себя назвала, — мнѣ представляется то, что заставило ее обратится к врачу.

I

Обѣденное время в столовкѣ для безработных близится к концу. Кое-гдѣ за небольшими столиками у стѣн и за длинным узким столом посрединѣ просторнаго зала-столовой еще сидят запоздавшіе посѣтители. Кто медленно доѣдает «в т о р о е», кто о чем-то бесѣдует со своим сосѣдом, или сосредоточился над шашками, как бы удачным ходом разбить своего партнера. Служащіе убирают со стола посуду, корки хлѣба и объѣдки. Замѣтно сгущаются сумерки и не всѣм охота выйти из теплой столовой на мороз. Да и не у всѣх есть «дом», куда можно пойти, или «свой» угол.

За одним из столиков сидит Тоня. То ня около двух лѣт служила в одном учрежденіи курьершей. Нѣсколько мѣсяцев тому назад попала под сокращеніе. С тѣх пор—она безработная. У Тони своя комната возлѣ кухни, в большой сборной квартирѣ. Кухонная плита, отапливаемая в теченіе всего дня жильцами, примыкает одной стороной к стѣнѣ Тониной каморки, и от этого в каморкѣ тепло. Кромѣ того, Тоня еще давно, когда была на работѣ, поставила у себя желѣзную печурку — она изрѣдка затапливает ее, когда средства позволяют купить вязанку дров. Вспоминает

Тоня о своей каморкѣ, и все же из столовой уйти не хочется.

Она сидит за столиком у стѣны одна, помѣшивая ложечкой в стаканѣ давно застывшій чай, и думает. Думы у Тони не такія, что вот, надо человѣку рѣшить для себя какой-нибудь вопрос. Если бы Тоню внезапно спросили, о чем она думает, она, вѣроятно, отвѣтила бы смущенно:

— Да ни о чем...

Но думы у Тони были—и безпорядочныя, расплывчатыя. Приходят ей в голову эти думы одна за другой, надвигаются как сон. И видит себя Тоня в этих думах так же, как видишь себя во снѣ. Вот — представляется ей каморка, гдѣ она живет... Небольшой кухонный шкафчик под окном, крытый, Тоней же вязанной, бѣлой скатерткой. Шкафчик служит Тонѣ столом. По обѣим сторонам шкафчика—двѣ табуретки. У одной стѣны — желѣзная койка со стеганым одѣялом, а у другой, напротив—плетеная корзинка с вещами. В углу у двери — печурка... Не тянет Тоню домой, в свою каморку. Вспоминается ей время, когда была на службѣ. Тогда другое дѣло. Придешь с работы усталая—и комната замѣняет добраго друга. Захаживали иногда товарищи. Как лишилась работы—связь с товарищами почто порвалась. Проходит день за днем — один день похож на другой... На биржу. За пособіем. Иногда в библіотеку за книжкой. И большую часть времени одна в своей опостылѣвшей ей каморкѣ. Работы все нѣт. Изрѣдка биржа пошлет на временную работу. Вот только вчера кончила такую работу на одном складѣ, гдѣ размѣчала бѣлье. Подработала. И веселѣе было... А сегодня — опять скучный, нудный день. Завтра предстоит то же...

Вспомнились Тонѣ минувшіе годы. И недавно это было и, как будто, очень давно... Деревня... Далеко отсюда. Голод... Отца и мать скосил сыпняк, всѣх из деревни развѣяло по разным мѣстам. Брат, послѣ фронта, гдѣ-то на заводѣ... И ее,

осиротѣвшую, унесло в чужой город. Тонѣ теперь двадцать пять лѣт. Не знает дружеской ласки, радости. Приходят сюда обѣдать тоже безработные. Ведут дружескія бесѣды. Вмѣстѣ уходят. А она — «отрѣзанный ломоть», — думает про себя Тоня.

— Товарищ, ваш чай совсѣм застыл.

Тоня вздрогнула, точно проснулась. Зажмурила глаза от электрическаго свѣта. Возлѣ нея, направляясь к выходу, стоял незнакомый ей мужчина, на вид лѣт тридцати, высокаго роста, худощавый, с маленькими черными усиками и бритым подбородком. Из-под барашковой шапки падала на лоб темная прядь волос. Он глядѣл на Тоню, улыбаясь, и повторил:

— О чем это вы, товарищ? Даже про чай забыли. А видите, пора уходить, гонят...

И на самом дѣлѣ. В столовкѣ уже прибрано. Двѣ уборщицы сидят у большого стола посреди столовки и явно ждут, когда, наконец, посѣтители уйдут.

Тонѣ стало неловко.

— Спасибо, товарищ. Я и впрямь задумалась.

Отхлебнула холоднаго чая и вышла на улицу.

Свѣжій холодный воздух на улицѣ подѣйствовал, как холодная примочка во время головной боли. Сумерки ранняго зимняго вечера замѣтно сгущались. Тоня бодро зашагала по замерзшему снѣгу. Но ощущеніе свѣжести скоро смѣнилось другим — холодом. Она была легко одѣта. И Тоня подумала: «Куда же я теперь?» И опять представила себя одинокой, в своей комнаткѣ...

— Погодка-то какова...

Тоня оглянулась. Рядом с ней незнакомый, что заговорил с ней в столовой. Тут только замѣтила: он в высоких сапогах, в кожаной курткѣ на бѣлом мѣху. Сказал о погодѣ так просто, привѣтливо, как старый пріятель. И обидѣться на него нельзя.

— Да, славно...

Почему-то не хотѣлось сознаться, что ей хо-

лодно и легком пальтишкѣ, подбитом тонким слоем ваты, и что ноги в полуботинках, в рваных галошах, стынут.

Пошли рядом.

— А вы без работы ?

И эти слова сказаны просто, с оттѣнком дружескаго участія.

Тоня обернула кокетливо лицо в сторону собесѣдника :

— А вы почему думаете ?

— Да потому, что я часто вижу вас в столовкѣ в рабочее время. Вы всегда о чем-то грустите.

Их шаги отчетливо раздавались по хрустящему снѣгу на тихой улицѣ. Послѣ недолгаго молчанія Тонѣ стало неловко оттого, что ее провожает незнакомый мужчина. Идут оба рядом, молчат. Молчаніе начинает стѣснять. Тоня, в свою очередь, спрашивает :

— А вы тоже безработный?

— Я-то? Да. Но бѣда не велика... Служил шофером. Малость запасся. На книжкѣ имѣю... В деревнѣ — хозяйство... Через двѣ недѣли обѣщана служба. Ну, а у вас как ?

Самый больной для Тони вопрос. Отвѣтила откровенно :

— Да вот, работы все нѣт... Уж и не знаю...

— Ну, ничего. Духом падать не слѣдует...

Тонѣ хорошо от этих слов. Ей хорошо. Свой брат, рабочій — пусть незнакомый — принимает в ней участіе. И ей начинает казаться, что, в самом дѣлѣ, не страшно, что без работы...

— Куда же вы теперь?

Они проходили мимо ярко освѣщенной витрины какого-то магазина. У витрины остановились, как бы для того, чтобы разойтись каждый в свою сторону.

— Куда же вы теперь? — переспросил спутник.

Тоня не сразу отвѣтила.

— Куда же мнѣ? К себѣ пойду. Мнѣ недалеко.

— Если позволите, провожу вас. Мнѣ спѣшить некуда. Не к кому. Я тоже — одинокій, как вы. Семьей не обзавелся.

Тонѣ домой не хотѣлось... Она предпочла бы еще слушать этого незнакомаго ей человѣка, который подошел к ней с таким участіем, у котораго такой привѣтливый, успокаивающій голос. Но поняла — навязываться не слѣдует. Он может о ней нехорошо подумать. Спросил бы разрѣшенія подняться к ней — позволила бы. Или в кино с ним. Но он не предлагает. Не шалопай какой - нибудь. И Тоня внутренне была даже рада, что он так сдержанно вел себя. Значит, хорошій, порядочный человѣк. Она думала, поднимаясь к себѣ в свою комнату:

«И кто он такой?.. И как я его в столовкѣ не примѣтила?.. И зачѣм он это сказал мнѣ, что он — одинокій?.. Без семьи?.. И почему он знает, что я одинокая?.. Задушевный человѣк, сразу видать».

На этом Тоня себя успокоила и вошла в свою комнату. В этот ветер она не чувствовала себя одинокой.

II

На слѣдующій день Тоня с нетерпѣніем ждала обычнаго для нея обѣденнаго часа. Она старалась ни о чем не думать и самой себѣ не хотѣлось сознаться, почему такое нетерпѣніе. Сходила на биржу и оттуда — в столовку. Сѣла за столик. Заказала себѣ обѣд и старалась самой себѣ казаться равнодушной Но все же каждый раз украдкой обводила взглядом столовку... Столовка полна народу. Сутолка, как всегда. И когда подали обѣд, Тоня почувствовала, что ее начинают осаждать прежнія нехорошія думы...

— Вы уже здѣсь? Здравствуйте.

Ложка выпала из рук Тони. В миг стало

хорошо. Теперь она не могла скрыть от себя, что именно его, этого незнакомца, она все время искала взглядом, — что именно оттого, что его не было, ей стало так тоскливо. От замѣшательства и от радости, которую она в себѣ сдерживала с трудом, говорить не могла.

— Разрѣшите возлѣ вас?

Тонѣ хотѣлось бы отвѣтить:

«Конечно... Я вас так ждала».

Но она не хочет выдать своей радости, берет себя в руки и тихо, замѣтно волнуясь говорит:

— Что же. Садитесь. Мѣсто свободное.

Тонѣ было хорошо, — но разговор почему-то не клеился.

Кончили обѣд и опять вышли вмѣстѣ.

Незнакомец — рядом с Тоней, не прикасаясь к ней, и говорит:

— Не правда ли — смѣшно? Вот второй день, как я вас провожаю. Я вас давно запримѣтил. А мы друг с другом и не знакомы. Давайте знакомиться — Петр Андреевич Синицын... А вас как?

Тоня едва слышно отвѣтила:

— Антонина Ивановна К-а.

— Так вот, Антонина Ивановна... Мы и знакомы... Послѣ недолгаго молчанія Петр Андреевич говорит:

— Вы не подумайте, Антонина Ивановна... Я не какой-нибудь, чтобы приставать. Я вас давно запримѣтил. Славная вы, Антонина Ивановна. Глаза у вас грустные всегда. И душа у меня, может быть, не такая уже отзывчивая. Я подумал—одинокая вы, тяжело у вас на душѣ, или горе какое снѣдает. А я тоже одинокій. Нѣт друга. Понял я вас, Антонина Ивановна, с перваго взгляда и рѣшил подойти... Авось, думаю, повѣрит, что порядочный я человѣк, и не прогонит.

Тоня слушает, ловит с жадностью каждое слово. Она молчит. Боится: скажет слово, и это слово будет не слово, а слеза.

Петр Андреевич продолжает:

— Чего же вы молчите?

И берет осторожно Тоню под руку, за кончик рукава. Тоня не сопротивляется. Он обхватывает руку Тони плотнѣе, и уже Тоня сама прижимается к своему спутнику. И говорить не может.

Когда подошли к подъѣзду ея дома, остановились.

— Ну, до свиданія, Антонина Ивановна. Завтра встрѣтимся. Вы насчет службы не безпокойтесь. Вот на-днях я поступаю на мѣсто и о вас подумаю. До свиданія.

Протягивает Тонѣ руку и задерживает руку Тони в своей. Озябшим пальцам Тони уютно и тепло в сильной ладони Петра Андреевича. Она говорит, не отнимая своей руки и не увѣренная, хорошо ли дѣлает:

— Раз уж знакомы... зайдите ко мнѣ. Согрѣетесь. Чайком напою...

Петр Андреевич извиняется. Сейчас не может, Торопится по дѣлу своего устройства. А вот вечером, если Тоня разрѣшит, придет. Конечно, Тоня разрѣшает. К ней пройти так-то и так-то. Позвонить четыре раза.

Вечером, в девятом часу он пришел. До этого Тоня тщательно прибрала комнату. Затопила печурку. Занавѣсила окна простыней, отчего в комнатѣ стало уютней. Приготовила все для чая. Она прислушивалась к малѣйшему шороху. Когда позвонили четыре раза, остановилась растерянная посреди комнаты, не сразу пошла с двери. Петр Андреевич—в высоких сапогах и синей, хорошо вытюженной толстовкѣ. От него вѣет бодростью и здоровьем. Темный локон, как и вчера, падает на лоб. Тоня преодолѣла первый приступ волненія, но, все еще смущенная, говорит:

— Будьте гостем. Садитесь.

Петр Андреевич озирается по комнатѣ.

— У вас здѣсь хорошо. Мнѣ нравится.

Тоня ставит на печурку чайник. Ей и радостно, что Петр Андреевич у нея и в то же время

что-то ее стѣсняет. Вот-вот опять найдет на нее нехорошее. Он—такой серьезный, солидный. Уж конечно, образованный. Как же, шофер! Она же — простая работница, из деревни. Только лишь в городѣ кое-как научилась грамотѣ. А занять-то гостя ничѣм не сумѣет. Она думает об этом, стоя у печурки, притворяясь, что занята еще. И вдруг чувствует, кто-то осторожно коснулся ея волос. Она знает, это — Петр Андреевич. Ей это пріятно, и нарочно не оборачивается, пусть думает, что она не замѣчает. Петр Андреевич треплет волосы на головѣ Тони. Затѣм касается ее шеи, берет под подбородок и медленным, увѣренным движеніем привлекает Тоню к себѣ. В глазах Тони потемнѣло. Комната завертѣлась быстрым круженіем, по всему тѣлу разлилась никогда неизвѣданная ею теплота. Тоня не соображала, что с ней происходит, — было лишь ощущеніе большой радости. Она покорно поддалась Петру Андреевичу, и их губы сомкнулись. Тоня стояла с закрытыми глазами. Ноги дрожали, вот-вот упадет. Петр Анреевич выпустил Тоню из своих объятій и, все еще гладя ее по головѣ, говорит:

— Милая!

Оба молчат. Стоят друг против друга. Заговорил Петр Андреевич:

— Ну, давайте хозяйничать.

Взял бодрый тон. Точно ничего не случилось.

— Гдѣ у вас чай? Сахар? А... вот... хорошо. А как вас иначе звать? Тоня?.. Буду вас так называть... А вы меня... как хотите?

Тоня тихо, нерѣшительно подсказала:

— Петя.

— Вот и хорошо. Тоня милая. Мнѣ кажется, я вас знаю давно, годы, что встрѣтился с вами послѣ долгой разлуки.

Тоня с жадностью вбирает в себя каждое слово гостя. Она молчит, но радость свою этим молчаніем выдает. На губах все еще горить поцѣлуй. Ее еще никогда никто не цѣловал. Никто

никогда не любил. И вот — у нее в комнатѣ—человѣк, который ее любит, цѣловал ее. Ей кажется, что и она его также любит. Она любит его крѣпкія, сильныя руки, его увѣренную, тяжелую поступь, его падающій на лоб «темный локон». Так и хочется подойти, зачесать этот локон назад и еще раз посмотрѣть, углубиться в эти глаза. Тонѣ хорошо. Она суетится у печурки, заваривает чай.

И случилось так, что в эту ночь Петр Андреевич не ушел от Тони. В эту ночь Тоня стала его женой.

На утро, послѣ этой ночи, Тоня плакала.

Петр Андреевич, уже одѣтый, сидѣл возлѣ Тони, на постели, обнимал Тоню, успокаивал ее:

— Не плачь, дорогая, не надо. Вѣдь я люблю тебя, и ты меня любишь. Все будет хорошо. Я такой счастливый. И зачѣм только я так долго страдал, не подходил к тебѣ Я очень, очень тебя люблю.

Привлек Тоню к себѣ. Цѣловал ее волосы, глаза.

— Ну, вот хорошо. Ты успокоилась. Сегодня встрѣтимся на обѣдѣ.

III

Послѣ этой ночи Тоня и Петр Андреевич встрѣчались каждый день в столовкѣ, вмѣстѣ обѣдали. Иногда сейчас же послѣ обѣда, иногда же вечером — Петр Андреевич приходил к Тонѣ и оставался у нея до утра. Петр Андреевич приносил угощенія, водил ее в кино, раз сходил с ней в театр. Тоня на биржѣ давно не была. Раз как-то вечером у нее за чаем она заговорила о своих дѣлах. Она сказала:

— Что же это, милый, будет... Завертѣлась с тобой... А про дѣла вовсе забыла... Не могу без работы.

Петр Андреевич перебил ее:

— Не надо тебѣ, Тоня, об этом и думать.

Тоня удивилась:

— Почему так?

— Да очень просто... Через нѣсколько дней я поступаю на мѣсто. На книжкѣ у меня малая толика есть Поступлю на мѣсто, и пойдем мы с тобой в з а г с. Чтобы все по порядку, как слѣдует. Лѣтом — в деревню.

Тоня давно ждала этого от Петра Андреевича. Об отказѣ от работы она и не думала. А вот насчет з а г с а — совсѣм другое дѣло. Почему-то сама не рѣшалась заговорить. Петр Андреевич такой большой, умный. Он очень хорошій, обмануть не может. Не бросит ее. Волновало порою, что про з а г с не говорит, но гнала от себя сомнѣнія и все ждала. И вот—дождалась. Полная благодарности к своему любимому, она обняла его, крѣпко прижала к себѣ.

— Петя, ненаглядный мой, любимый,—и заживем мы с тобой! А как же с квартирой?

— Ну, вот еще... У меня комната большая... Ко мнѣ и переѣдешь.

Тонѣ хочется посмотрѣть его комнату.

— Ну, что же, завтра, послѣ обѣда и пойдем ко мнѣ.

Утром он ушел, условившись встрѣтиться на обѣдѣ. Но в этот день он почему-то не пришел. Для Тони был пропащій день, тосковала очень.

Ждала Петра Андреевича вечером. Но и вечером не пришел. Провела безсонную ночь. Тревожили безпокойныя предчувствія. Что это с милым случилось? Несчастье какое-нибудь? Скорѣй бы день, наступил. Не пришел Петр Андреевич и на другой день и ни в один из слѣдующих дней. Тоню пе узнать. Не спит, не ѣсть. Щеки ввалились Под глазами—черныя тѣни. В своем легком зипунѣ проводит часы то на улицѣ, то в столовой. Милаго не видать.

Пошла в милицію. Может, милаго трамвай задавил. Посовѣтовали пойти в адресный стол. А там: такого, Петра Андреевича Синицына, — и не

знают. Тоня ничего не понимает. Служащій адреснаго стола расплылся перед ее глазами в сплошную, черную тучу.

— Да как же это, товарищ? Не может этого быть: вѣдь мой жених, он... муж...

Товарищ посмотрѣл на Тоню:

— Не может быть, вы говорите? Жених... Муж... А мало ли жуликов в городѣ водится..

Тоня хотѣла сказать рѣзкое, оскорбительное слово. Как он смѣет! Но подступили слезы, и поспѣшно вышла из адреснаго стола, чтобы чужой человѣк слез ея не видѣл. Она едва добрела домой, тая еще послѣднюю надежду: вдруг ждет ее милый дома, или вѣсточка от него... Но дома ждала ее непривѣтливая, осиротѣвшая комната, а на подоконникѣ рубашка... его.. Пети... Забытая им рубашка. Взглянула на рубашку, и вдруг ей нехорошо стало, стошнило... Вся облилась холодным потом.

С этого дня, этой минуты ее все чаще и чаще стало тошнить.

Пришлось обратиться к врачу... Врач, осмотрѣв Тоню, сказал ей, что она беременна, второй мѣсяц...

Вот здѣсь, в кабинетѣ врача, Тоня, впервые дала волю слезам. Она разсказала врачу свою печальную исторію и, приводя себя в порядок, продолжала сквозь слезы:

— Что же мнѣ теперь дѣлать? Куда я теперь пойду?.. Так обмануть... Так обмануть...

«ЧТО ЖЕ Я МОГЛА ДѢЛАТЬ?»

Осмотрѣв больную, я установила нормальную двухмѣсячную беременность.

Больная — молодая женщина 23-х лѣт. Двое дѣтей. Служит. В прошлом году муж ее оставил, сошелся с другой женщиной и уѣхал куда-то. Послѣ разрыва заболѣла неврастеніей в тяжелой формѣ и провела нѣсколько мѣсяцев в санаторіи. Вышла из санаторіи, поступила на работу, — и вот — такое несчастье...

— Как же это случилось? Случайная связь?

Сразу сказалась истеричность больной, слѣды перенесеннаго нервнаго разстройства. Вмѣсто отвѣта она судорожно, истерически зарыдала.

Я упрекала себя: «И угораздило же меня спросить?» С трудом помогла больной успокоиться. Ей хочется отвѣтить на мой вопрос, но судорожные вздохи мѣшают, и произносимыя ею слова разбиваются на части, а я с трудом улавливаю их смысл:

— Ме-е-ме-е-ня... из-из-на-а-си-си-ло-ва-а-а-ли...

— Что такое? Вас изнасиловали?

Теперь мнѣ понятно, почему истерика. Шутка ли! Пережить разрыв с мужем. Остаться 23-х лѣт с двумя дѣтьми. Провести нѣсколько мѣсяцев в психіатрической лечебницѣ. В 23 года так познать жизнь, — и вот — в придачу — изнасилована. Я сочувствую больной, — но не сказать же мнѣ ей, что, в сущности, этот факт — возмутительный, дикій — во мнѣ удивленія не вызывает. Хулиганство процвѣтало во всѣ времена и повсюду. А у нас... Классическіе случаи такого хулиганства облетѣли прессу... У меня на пріемѣ рѣдко, но все же приходится

выслушивать жуткіе разсказы об изнасилованіи. Изнасилованіе в моей практикѣ, конечно, не стало обыденным явленіем, но это как-раз та категорія «случаев», гдѣ врач может быть только сочувствующим слушателем и ничѣм больше. Беременность, болѣзнь — не все ли равно, отчего они происходят — от естественной связи или от насилія, от случайности? А внѣшне — по разсказам потерпѣвших, если не считать мало-существенных деталей, — акты насилія так схожи между собою, что, правда, выслушать лишній разсказ — это напрасная трата времени, а для больной — безполезно. Но бывает, — как в данном случаѣ, — когда нельзя не поинтересоваться. Руководит врачом не любопытство, не медицинскій интерес, — а так, — хочется сдѣлать пріятное больной, дать ей высказаться. Это дает ей облегченіе. А может быть, и была доля любопытства. Как это — интеллигентная женщина, в большом городѣ. Живет с дѣтьми — и могла стать жертвой хулигана. Как? Когда? Гдѣ?

Больная, как будто, успокоилась. Вздохи совсѣм прекратились и только еще дышит тяжело, ритмично подымается и опускается грудь. Она вынимает из ридикюля круглую миніатюрную пудреницу и пуховкой покрывает на лицѣ пятна от слёз. Подаю ей стакан воды и спрашиваю:

— Как же это с вами случилось?

— Как случилось?.. Как должно было случиться. Судьба... Она встает, собираясь уходить, и все еще прерывающимся голосом разсказывает:

— Я очень занята. Встаю рано утром. Убираю квартиру. Кормлю дѣтей. Старшей — пятый год. Я очень молодой вышла замуж. Младшей — два. Отвожу старшую в дѣтскій сад. Младшую в ясли. Затѣм — служба. Прямо со службы — забираю дѣтей. Дома готовлю обѣд. Вечером — дѣтей укладывать. Устаешь. Только спать. И желаній нѣт. Некогда о себѣ подумать. Только на праздники родственница дѣтей к себѣ за город берет. Тогда я свободна. Хочется порѣзвиться. Я так молода. С

кѣм-нибудь из знакомых в театр, или в кино... Бывает, на вечеринку пригласят. Вот. Случилось... Пріятельница одна, замужняя, врач. Раз у нее вот так осталась... послѣ театра. Было весело. Пили вино. Муж пріятельницы играл на піанино. Он хорошо играет. А я пѣла. Вдруг звонок. Из больницы. гдѣ служит пріятельница... Заболѣл дежурный врач. Вызывают экстренно Олю, — это мою пріятельницу, — вступить в дежурство. Дѣлать нечего. Поѣхала. Уговорила меня остаться. Шутит — говорит мнѣ, мужу: «Смотрите, ведите себя прилично». Ушла мнѣ-то что? Почему не остаться — друзья. Он, муж Оли, — юрист. Такой благородный, чуткій. И лицо очень хорошее. Я и осталась. Еще пѣли играли. Разсказывал анекдоты. Очень было пріятно. Затѣм улеглись. Двѣ комнаты рядом, без двери. Он — в столовой на диванѣ. Я — в спальной. Потушила свѣт. Мысли пошли о прошлой жизни. О мужѣ вспомнила. Представился завтрашній день, недѣля полная труда и забот. Потом какой-то парк, пальмы. Это я засыпала. Снилось... Кто-то берет меня нѣжно под руку и говорит: «Милая». Я так испугалась. Я позвала громко: «Женя». Это я мужа Оли звала. На помощь. И слышу отвѣт, голос кого-то напоминает:

— «Это — я... Не бойтесь». Я узнала голос Жени, но не сразу. Не совсѣм его голос — чужой, охрипшій. Я отодвинулась к стѣнѣ. Натянула на себя одѣяло. Спрашиваю: «Чего вам, Женя, вы меня так напугали»... А он садится на край кровати и начинает тѣм же чужим, охрипшим голосом:

— «Милая, не гоните»... Он был невмѣняем. Он говорил, что я такая молодая, красивая... Для кого берегу себя... Что он тоже молод. Что в нем много нерастраченной любви... Что зовет голос жизни. Что жизнь проходит... Он говорил... Я должна щадить себя, его. Я слушала и думала... он пьян... А он: «Милая... Эта ночь — наша... Так хотѣла судьба» — и положил руку ко мнѣ на грудь. Тут я вижу — не шутит. Приподнялась. Говорю:

— «Женя, вам не стыдно?.. Вы пьяны. Уйдите к себѣ. А он — совсем задыхается. Не говорит— хрипит.

— «Нѣт. Я не пьян. Я пьян от того, что хочу тебя». Припал к моему лицу. Стал цѣловать. Говорит что-то невнятное. Я почувствовала теплоту его тѣла. Я понимала — он дѣлает гадость. Я должна была кричать, звать на помощь. Но он обхватил меня и насильно взял...

Больная замолчала. Очевидно, разсказала все. Меня, признаться, ее разсказ разочаровал. Какое же это изнасилованіе? Она сама «еще так молода» — и, естественно, муж подруги, — этичен или неэтичен его поступок, это — другое дѣло,—заразил ее своим настроеніем, и она, по ее же разсказу, оказала очень слабое сопротивленіе.

Я внутренне возмутилась больной — зачѣм внушать себѣ, другим то, чего не было, — а она искренне вѣрила, что ее изнасиловали (иначе, чѣм объяснить ее истерическій припадок, послѣ перваго моего вопроса). Говорю ей:

— Вѣдь вы взрослый человѣк. Вы не могли не знать, что дѣлают с вами. В населенной квартирѣ. Крикнули бы. И все. Вѣдь вы даже не пытались.

На лицѣ больной недоумѣніе.

— Что же я могла дѣлать, доктор? Вы говорите, кричать. Но как я могла кричать?.. Я этого не дѣлала именно потому, что сосѣди.

Она не только недоумѣвает, она возмущена моим вопросом. Даже голос ея стал твердым:

— Что ж, значит, по-вашему, доктор, я должна была поднять скандал на всю квартиру? Стыд-то, стыд-то какой! А каково было бы послѣ этого положеніе Оли, моей подруги... и мое?.. Скандал такой, что ничѣм не исправишь. Подумайте, доктор, что вы говорите! Подумайте о послѣдствіях, если бы я созвала людей! А вы говорите — кричать.

Я подумала: «Наивность? Глупость?» Спрашиваю:

— Что же, так оставили?

— Конечно нѣт. Послѣ того я крикнула:

— «Вон, вы мнѣ противны». Он. встал. Я ударила его по лицу, и со мною сдѣлалась истерика. Послѣ этого я больше у моей подруги но бываю. Она не звонит ко мнѣ. Должно быть, он разсказал. Конечно по-своему. Я увѣрена. До свиданія, доктор.

Задержалась у двери, обернулась ко мнѣ:

— Теперь нужна помощь. Вѣдь придется дѣлать аборт. Средств нѣт. А к нему обращаться так тяжело.

Ну, уж это совсѣм в компетенцію врача не входит. Я на слова больной не отзываюсь.

Беру в руки карточку слѣдующей больной.

АЛИМЕНТЫ.

Обычная исторія. Ее можно передать алгебраической формулой, вмѣсто условных знаков любое имя, любой из тысячи фактов. Прижил ребенка с женой или случайно, бросил, развод, народный суд, алименты... Правда, драматическая острота утрачена для тѣх, кто в газетных сводках ежедневно пробѣгает мимо, даже не читая, судебные отчеты об алиментных дѣлах. В послѣднее время и газеты перестали удѣлять мѣсто этим дѣлам. От репортеров редактора газет и читатели требуют болѣе «оригинальнаго» матеріала. И я себѣ представляю: заглянет репортер в камеру судьи: «Ах, алиментное» — и, разочарованный, переходит в слѣдующую камеру, гдѣ слушается дѣло болѣе «острое». Но я думаю, что для непосредственных участников алиментных дѣл—драматическая сторона дѣла в каждом новом случаѣ выступает во всей остротѣ... И я сегодня убѣдилась в этом, не потому, что проявила большую чуткость, чѣм любой читатель газетной хроники, а потому, что столкнулась лицом к лицу с героиней алиментнаго дѣла.

Курьерша — разносчица пакетов. Когда она вошла в мой кабинет, мнѣ показалось — старуха. Блѣдное, с сѣроватым оттѣнком, лицо в морщинах. Худая, над впалыми щеками рѣзко выступают скулы. На самом дѣлѣ — ей всего 35 лѣт. Лѣвое плечо — опущено. Очевидно, от ношенія на ремнѣ тяжелой сумки с пакетами. Профессіональный урон, который не принято считать за болѣзнь.

— Что у вас?

— Бѣда на мою голову, и не знаю, как быть.

Опять забеременѣла — так думаю... Значит, опять аборт.

— Почему «опять»?

— Да потому, что недавно сдѣлала.

— Раздѣньтесь.

— Да чего там смотрѣть... Знаю, что в положеніи... Была у другого доктора. Он и сказал...

— Все же надо посмотрѣть... Пожалуйста раздѣньтесь.

Больная нехотя раздѣлась и сѣла в гинекологическое кресло. Сразу устроилась в креслѣ, как слѣдует. Видно, ей не впервые.

Осмотр ничего утѣшительнаго не дал.

— Вот видите, вы еще так молоды, а внутри у вас, как у старой... Дряблость. Это от абортов. Больше абортов не совѣтую... Да и раньше придти надо было...

Встала, одѣлась. Лѣвое плечо опущено. Что-то надо сказать, не рѣшается.

— Мнѣ и тот доктор сказал. Ты, говорит, лучше рожай, или с мужем разводись. Абортов тебѣ больше нельзя. Вот бѣда-то! И как быть, не знаю.

— Почему бы вам не донести?

— Как же я могу? Мужа-то вѣдь нѣт!

— Значит, теперь не от мужа?

— А то — от кого же?.. Да с мужем-то развелась... Невмоготу стало. Пьяница. Все пропивает. Четверо у нас дѣтей. Мал-мала меньше. Старшіе в школѣ, раздѣтые, разутые. Приходит пьяный, как изверг. Тиранит ребят, и на меня с кулаками кидается. Все пропивает. Служу я. Для меня ли такой труд? А заработок-то мой какой? На хлѣб и воду и то едва хватает..

— Зачѣм же вы развелись, если так?... Теперь поддержки лишились?

— То-то...

Удивилась моей наивности.

— Я-то что, доктор... Я женщина простая, работница. Слушаю, что люди говорят. Теперь за-

кон такой есть... Алименты... Прижил дѣтей, по закону их содержать должон. Раз в замужествѣ живешь, то как же это по закону, да от мужа требовать? Хоть и пьяница он, и изверг, да совѣстно все же. В суд-то подать жалобу надо. Как же так? С мужем, да вдруг перед судом! Вот и надоумили меня товарищи, в мѣсткомѣ. Знали они про жизнь мою горькую... Приду в кассу взаимопомощи и все как есть выложу, все выплакала. И дали совѣт товарищи. Ты, говорят, брось такого мужа, некультурный и вредный он элемент. Ты, говорят, женщина совѣтская, трудящая, и не можешь сносить от мужа побоев. И чтобы дѣти такого отца не видѣли. Вред им от этого большой. Я это и сама понимаю. Небольшая радость дѣтям от такого отца. Но как же быть? Ты, говорят, пойди в загс, возьми развод и — в народный суд. И заставят его по закону отдавать часть зарплаты на дѣтей.

— Вы так и сдѣлали? Ну и хорошо... Чего же?

Больная усмѣхнулась с укором: «Какая ты дескать».

Повысила голос, возбужденно:

— Вот гдѣ мнѣ эти алименты сидят... И раньше плохо было... а нынче и того хуже... Были мы в загсѣ, да... Все честь-честью. Он с полным удовольствіем согласился. Ушел к какой то бабѣ, с ней-то и живет теперь. Вмѣстѣ пьянствуют. Хоть и с десятью бабами! Душа моя к нему не лежит. Кровь всю высосал. Хорошо. Подала в суд. Товарищи помогли. А на судѣ-то каково было... «Товарищи судьи, — говорит мой, — жена-то она жена... Но какая она мнѣ жена... А я не знаю, говорит, от кого дѣти... Путалась она много, всякій народ к ней ходил. И свидѣтелев привел», — говорит. Это он собутыльников своих, таких же пьяниц. А у меня от стыда и слезы пропали... и говорить не могла. И вижу я, не вѣрит нам, несчастным, судья... «Теперь много таких, — это мой-то говорит, — что зарятся на алименты. Вот и дѣла выдумывают, чтобы эксплоатировать трудящаго человѣка...» А судья и допрашивает и пытает меня. Спасибо то-

варищам. Были со мною на судѣ. Сказали, какая я есть, выручили. Суд, спасибо ему, не повѣрил наговорам мужа и присудил так, что часть своей зарплаты должен мнѣ отдавать. Вышли мы из суда, а муж кулак мнѣ показывает:

— «Шиш, — говорит, — ты получишь.» Ну, думаю, это он со злости. И такой хорошій был для меня этот день, как праздник.

— Ну, и что же? Вѣдь не может же он не платить?..

— Вот тут-то и начинается мое новое горе. Получила я в судѣ, сполнительный лист, и как сказали мнѣ в судѣ, отнесла на завод, гдѣ муж служит, — он на кожевенном заводѣ. Мнѣ так и объяснили: «отдашь там сполнительный лист, с его зарплаты тебѣ и платить будут, а к мужу бывшему и не ходи». Пришла я туда, на завод, все ладно. Взяли у меня бумаги. Сказали притти 15-го. Пришла и деньги получила. Давно таких денег не имѣла. Тогда-то я и в положеніи себя почувствовала. Ну, думаю, ничего. Послѣдній теперь... На содержаніе хватит. А вечером муж ворвался. Стал бить стекла... Ребятишки попрятались. А он на меня табуретом. Счастье, не в голову попал. Подняла крик. Сбѣжались сосѣди. Едва уняли. Пьяный был и все кричит: «Убью тебя. Алиментов не дам». И горько мнѣ стало, доктор дорогая, от этих денег. И думаю, уж лучше голодной смертью помереть, чѣм такое сносить. А как наступило 1-е, нужда в домѣ большая, опять пошла. Все высматривала, не сторожит ли он меня. Прихожу, говорят: «Уволился он. Вот вам ваша бумага». Как сказали мнѣ, так и ноги подкосились. «Как же так,—говорю? — Вѣдь по закону же все?» Ничего не добилась, и куда на работу пошел — не знают. Вернулась я домой ни с чѣм, нечѣм дѣтей накормить... Вѣдь я-то алиментов ждала получить.

Больная прекратила разсказ. Думала — кончила. Но она только остановилась, дух перевести. Глубоко вздохнула и продолжала:

— Рыскала по городу, рыскала. Боюсь-то я его, и алименты его поперек горла. Но дѣтей жалко. Узнала — бросил работу на заводѣ. Теперь — на Сухаревкѣ кустарем стал. Сапожным ремеслом на Сухаревском рынкѣ. Табуретку поставил и работает. Уж теперь он хозяин своих денег. Объяснили мнѣ, и теперь сполнительным листом затребовать могу. Имущество продать! Да весь его скарб целковый стоит. Какая ему цѣна? Пришла, плакала перед ним. «Для дѣтей, — говорю,—голодают. Затяжелѣла я». А он: «Уходи, — говорит, — по добру. Сам принесу». Как пристану... Суд помянула. Вѣдь ему наказаніе за это может выйти. Дает мелочь. »Больше, — говорит, — и сам не зарабатываю». К тому же, придет домой пьяный, бросается с кулаками, как звѣрь... И как я жива только удивляюсь. Ну, в суд подам жалобу, его посадят. А мнѣ от этого легче будет? Только что побоев не будет. Я и думаю, уж лучше так, пусть уберут этого изверга... Вот и алименты! А тут еще беременная я...

Больная ждала от меня отвѣта. Моим отвѣтом может и должна быть помощь, только помощь, во что бы то ни стало... Но чѣм могу я ей помочь?..

Вот один из многих тысяч «обыкновенных» алиментных случаев. Ну что — есть в нем драматическая заостренность? Я думаю есть, и значительная. Эх, была бы я публицистом... Вмѣсто ковыряній в себѣ, которыя не указывают выхода, написала бы я... Впрочем, нѣсколько слов сказала бы только, и мнѣ кажется, этого было бы достаточно: «Эй, вы, читатели газетной хроники... Задумайтесь над этими набившими оскомину газетными замѣтками об алиментах. Все это не так просто и обыденно, как вам кажется».

ИЗ ДНЕВНИКА.

— Я предвидѣла ваши колебанія, доктор. Вы мнѣ не вѣрите. Я вижу. Если будете так добры и ознакомитесь вот с этим, сразу согласитесь...

Молодая, 19-лѣтняя дѣвушка протянула мнѣ нѣсколько мелко исписанных страничек бумаги.

— Это из моего дневника... Приду через нѣсколько дней...

На первой страницѣ сверху — перечеркнуто. Очевидно, к темѣ, в которую меня посвящают, не относится. Начинается перечеркнутая часть первой страницы с оборванной фразы. Я прочла и это.

. . . «не отвѣтить. Лилька дура. Она не умѣет серьезно относиться к вещам. У нее не хватает критическаго разума. И вообще... Я считаю лишним поднять в ячейкѣ вопрос, почему Ибрагимова дѣлает себѣ маникюр... Развѣ Маркс был против чистоплотности?.. Надо спросить...»

15-е апрѣля.

Лилька сѣла в галошу. Ее отговорили. На зло ей и я себѣ буду дѣлать маникюр. Лилька кичится, что хорошенькая, и за ней всегда хвост мальчишек. Ой, не нравится мнѣ все это. Ну, а я-то, я-то хороша... Как сдѣлать, чтобы быть откровенной с дневником? Не зависть ли во мнѣ говорит?.. Вѣдь я некрасива... Веснушки... А волосы на головѣ — торчком, никак не прилажу... Сегодня я спросила Плахова, как бы шутя, могу ли я нравиться, — я,

такая некрасивая. Спросила шутя, а вся дрожала, какой будет отвѣт... Он отвѣтил, что в женщинѣ главное—темперамент... что я «знойная», ну и т. д. Я об этом весь день думала.. Насчет «знойная»— не знаю... Но это вѣрно — во мнѣ кипит чувство... горячее. А может быть, это — инстинкт материнства? Лилька меня дразнит Плаховым. Ну, а мнѣ кѣм ее дразнить? За ней столько увиваются... А Плахов... Он говорит про мои глаза, ему нравятся. Я ему в душѣ благодарна. Хорошо, когда он говорит так... Что это с моей стороны—благодарность, или... Однако, хватит об этом. Надо готовиться на завтра к кружку. Какую уйму прочесть. Звонок. Ко мнѣ, как будто. Кого это некстати чорт несет? Лилька! Прогоню ее...

23-е апрѣля.

Всѣ эти дни Плахова не видѣла. Райком отправил его на какой-то завод, внѣ Москвы. Какіе сѣрые дни! У меня рваныя галоши, и в дождь хлюпает в них вода. От этого на душѣ скверно. Кажется, и жизнь такова, хлюпает в ней. Хочется быть одной. Перваго получка—обязательно куплю галоши. На службѣ вяло работаю. На зло всѣм, на зло себѣ: это оттого, что Плахова нѣт. Вот. Однако, становится серьезным. Чѣм все это кончится? Товарищ Мартын с каждым днем назойливѣе. Сегодня ко мнѣ навязался в «проводители». Пришлось пригласить его к себѣ, напоить чаем. Как раз, когда так хочется быть одной. Он был бы куда лучше, если бы не кичился так своими «радикальными» взглядами. Вчера битых три часа угощал меня своей теоріей: «любовь — фальшь, гадость»; «семья — самый реакціонный наскок на общественность и демократію»... «Отмѣна частной собственности на все, даже на тѣло, на чувство»... Шутит он, или серьезно? Говорит-то он серьезно, а сдѣлает вывод — и улыбнется. Вот и разгадай.

29-е апрѣля.

Служба, занятія. О себѣ и подумать некогда. И хорошо. Все ясно. С Плаховым каждый день. Поговоришь с ним—и так ровно, спокойно на душѣ.

10-е мая.

Если скажу вслух, что виновата весна, со всѣми ея прелестями, — надо мною будут смѣяться. А мнѣ кажется, все-таки виновата весна. Я ее виню и благословляю. Я не раскаиваюсь, что так случилось. Плахов только что ушел. Брезжит разсвѣт. Я выставляю голову из окна, меня обдает свѣжим утренним вѣтерком, и глубоко вдыхаю в себя запах цвѣтов из сквера, против моего окна. Хочется кричать от боли, от радости, от счастья... Коля, милый. Я прохожу мимо зеркала и невольно останавливаюсь. Я себя не узнаю. Мнѣ кажется— я красива.

(Здѣсь дневник обрывается. Опять наверху страницы оборванная запись. Перечеркнуто).

. . . «чтобы оставила меня в покоѣ. Я предвидѣла, что так будет. Не надо было вмѣстѣ селиться на дачѣ. Я пришла к окончательному рѣшенію. В Лилькѣ много мелкобуржуазнаго. Выдает это за новое, за «плевок на буржуазный быт». Это она от Мартына переняла. Надоѣло. Кончено. Мы с ней — разныя натуры.

Николай, кажется, дуется на меня... Недоволен, что ли, что службу оставила? Но я — на время. Так хорошо уходить с утра в лѣс... ждать вечера...

10-е іюня.

Я, я, я права. Тысячу раз права. Он уѣхал в город — больше не вернется. Пусть. Я буду сильной. Не поддамся. В чем дѣло? Я считаю,

что любовь, привязанность — ну, как хочешь называй — обязывает. Я хочу работать, товарищи, и буду работать. Принимаете? Но нужен и душевный покой. Нужно взять от жизни радость. А чтобы был душевный покой—должна быть ясность. Друг ты мнѣ, муж — да, именно муж — я нарочно, сознательно употребляю это слово, — или нѣт? Если да, то пусть твои отношенія ограничатся не одним «темпераментом». Я требую большаго. Вниманія, чуткости, чтобы друг с другом не скучать. Досуг — наш. Нѣт? К чорту! К дьяволу! Вот ты уѣхал, и прекрасно!.. Получила урок хорошій, запомню...

14-е іюня.

Плахов о себѣ знать не дает. Я начинаю злиться. Плохой признак. Беру себя в руки. Лилька с Мартыном пропадают по цѣлым дням в лѣсу или у рѣки. Я пытаюсь читать, заниматься. Ничего в голову не лѣзет. К вечеру одиночество—ужасное. Хочется жизни, людей. Вспоминаю первые счастливые дни.

20-е іюня.

На душѣ нехорошо. Книги забросила. Плахов серьезно порвал. Неужели он лгал? И как он мог? Эх, выкинуть бы такое, чтобы чертям тошно стало... чтобы всю жизнь Николай запомнил... Сильный мужчина!.. Подумаешь...

20-е іюня.

Вчера отдалась Мартыну.

26-е іюня.

Только теперь могу говорить об этом спокойно. Хорошее спокойствіе! Лилька уѣхала в город. Она в душу влѣзает. Я не могла скрыть

моих переживаній. Я и Мартын провожали ее на станцію. Когда поѣзд тронул, она из окна вагона крикнула мнѣ:

— Скажу Плахову, как ты стосковалась, какой он жестокій...

Я расхохоталась.

Я ударила бы ее, если бы была рядом.

Мы с Мартыном пошли в лѣс. Он завел старую волынку. Стал надо мною издѣваться. Вот что из сознательной женщины дѣлает так называемая любовь... Я слушала, равнодушная к его рѣчам, и молчала. Ни одно слово до меня не доходило. Он принял мое молчаніе за сочувствіе. Мы ушли далеко. Корни одного дерева выпирали из-под земли, образовав вокруг ствола припухлость вродѣ подушки. Я опустила на эту подушку голову. Меня знобило. От тоски, от усталости, от недовольства собою, Николаем, жизнью. Мартын все говорил, а я думала о другом. И не думала—душа болѣла. Мартын обнял меня. Я была как камень—мертвая, безразличная. Не сопротивлялась. Меня знобило.

Это произошло так просто, как если бы Мартын сорвал вѣтку с дерева. Он закурил папиросу и положил руку на грудь. Я с отвращеніем оттолкнула его руку, встала, точно сейчас только пришла в себя. Я ему сказала:

— Будь доволен, что добился своего... А ты мнѣ стал еще болѣе мерзок... Так вот, знай...

Я не досказала и ушла, почти побѣжала от него.

А я хотѣла сказать, что сдѣлала это со злости на себя, на людей... Припадок самоистязанія...

Первым отходящим поѣздом я уѣхала в город. Забрала свои вещи. Больше на дачу не вернусь.

10-е августа.

Двѣ недѣли не бралась за дневник. Сплошной комок. Опять в своей комнатѣ. Знакомыя вещи,

обстановка, книги... Сквер из окна... Но каждая мелочь выглядит по иному. Напоминает одну ночь... И больно, и хорошо... Не может быть, чтобы «то» было ложью. Недоразумѣніе... Надо объясниться. Я горю нетерпѣніем... Николай на волжском пароходѣ. Уже третью недѣлю. Я узнала об этом в ячейкѣ. Лилька, видно, все про нас разболтала. Товарищи смотрят на меня соболѣзнующе... Или мнѣ только кажется?.. Пусть... пусть... Это мнѣ теперь безразлично... Кто-то сказал, хотя я и не спрашивала:

— А знаешь, сегодня вечером Плахов пріѣзжает...

Я притворилась, что ко мнѣ это никакого отношенія не имѣет,—я горю нетерпѣніем...

Я счастлива! Я счастлива! Я счастлива! Только что ушел от меня Коля. Я опять, как в то утро, стояла у открытаго окна. Я опять окунулась в утреннюю свѣжесть, как тогда, смѣшанную с пьянящим запахом гіацинтов и фіалки...

Мы всю ночь разговаривали. Милые мои, понимаете ли вы, как мнѣ хорошо...

Я хочу крикнуть так, чтобы меня всѣ услышали. Я взбалмошная, глупая дѣвчонка. Не знаю жизни, не знаю людей. Я не поняла Николая, и он рѣшил меня наказать. И он тосковал по мнѣ, потому и уѣхал из Москвы, воспользовался отпуском. Собственно, чего он хочет? Он не против того, чтобы называть вещи своими именами. Он шутил сегодня: «Я вас люблю—чего же больше»... Любовь, семья и даже дѣти—все это хорошо, пріемлемо, и ничего в этом нѣт мелкобуржуазнаго. Но он доказал мнѣ,—и теперь я вспоминаю, он с самаго начала был прав,—что я стала слишком много удѣлять чувству... запустила работу, занятія, и, главное, не мог мнѣ простить, что оставила службу. Он сказал:

— Ты пойми меня, малютка... Я не потому был недоволен тобою, что я должен был бы тебя содержать... Мнѣ показалось, — а если я в этот момент

ошибся, ты неминуемо пришла бы к этому, — что ты возомнила себя замужней «хозяйкой», с заботами о мужѣ, что у тебя на мужа права, что у тебя других обязанностей нѣт... Пожалуйста, родная, думай больше о себѣ... Обо мнѣ не заботься... без обѣда не останусь...

И при этом громко засмѣялся. А я вмѣстѣ с ним.

Да. да, Коля, милый, ты прав, тысячу раз прав. Я скверная, гадкая. Такія мысли у меня были, были... Если бы ты не остановил меня, я превратилась бы в самку.

Я разсказала Колѣ про случай с Мартыном. Нѣсколькими простыми дружескими словами он снял с души моей тяжесть:

— Ну, не дѣлай больше глупостей... А Мартын не дурной парень. Он на одном пунктѣ помѣшался...

Вот теперь все хорошо. Я берусь за работу. Буду работать, работать, работать. Как много запущено... Безобразіе... Да здравствует утро! Да здравствует жизнь!...

17-е августа.

Я сойду с ума. Если до сегодня сомнѣвалась, то теперь увѣрена. Врач ошибаться не может. Сказать Николаю—не могу... Только соберусь сказать — и вся начинаю дрожать. Я не вѣрю в его спокойствіе. Это—маска. Да он и не простит этого... Возненавидит меня... Ребенок от Мартына... Это—факт. Я и хотѣла ошибки, и боялась ея. Я помогла врачу сдѣлать самый точный расчет. Увы... Это так. Вот к чему привела меня душевная путаница....

18-е августа.

Я не замкнулась, но говорить не могу. Николай находит, что я очень измѣнилась. Безпокоится, спрашивает, что со мной, не больна ли я. Сегодня он провел у меня вечер. Уложил меня на ку-

шетку. Покрыл пледом. Сѣл возлѣ. Читал всух свою работу и положил свою ладонь ко мнѣ на лоб. Он сказал:

— У тебя, родная моя, лоб горячій. И зрачки расширены...

Я сняла его руку с моего лба и поцѣловала.

Каждый из нас думал о своем. Я знаю, он — обо мнѣ, а я—о новом зародившемся существѣ, о котором он и не подозрѣвает. Когда мысль настойчива, она, очевидно, передается.

Николай говорит:

— Знаешь, я в этих дѣлах не понимаю. Но слушай, не беременность ли?

Я крѣпко сжимаю его руку.

Он продолжает, как бы мечтая вслух:

— Знаешь, если бы было так, я очень любил бы ребенка от тебя...

Ах, если бы он знал, какую боль причиняет мнѣ каждым своим словом.

Мнѣ нехорошо. В горлѣ спазмы. Я к ним в послѣднее время привыкла. Врач сказал, что от «этого». Но сейчас мнѣ кажется — спазмы от другого. От душевной боли.

Я выпустила руку Николая из своей. Повернулась к стѣнѣ и сжалась в комок.

Я вдруг поняла, что ребенка ненавижу ненавистью, по силѣ равной силѣ материнской любви. Я не могу любить этого ребенка, не могу.

— Родная моя, что с тобой?

Я лѣниво приподнялась. Поправила волосы. Старалась казаться спокойной.

— Нѣт, ничего. Это от воздуха голова кружится. Оставь меня сегодня, Коля. Усну. Пройдет. А то, что предполагаешь,—да нѣт же.

Он ушел от меня встревоженный.

22-е августа.

Становится невыносимым. Надо положить конец. Николаю сказать не в состояніи. Во мнѣ ра-

стет ненависть к ребенку, презрѣніе к себѣ. Николаю солгала и продолжаю лгать. Я должна освободиться от этого бремени. Вот и я одна из многих, о которых так часто, шутя, говорим... Надо прервать. Аборт. Лучше уничтожить зародыш сейчас, чѣм всю жизнь видѣть перед собою вѣчный укор и быть для ребенка чужой матерью... Сегодня встрѣтила Мартына. Он подошел ко мнѣ, как ни в чем не бывало.

— Ты похорошѣла.

Сказать бы ему. Швырнуть ему в лицо всю правду, сказать, что минутным капризом исковеркал жизнь.

23-е августа.

Рѣшено. Сегодня иду к врачу. Не в состояніи больше лгать Николаю. Он видит—я больна. Перестал спрашивать. Придет, уложит меня на кушетку. Одной рукой обнимет, в другой держит книгу, читает, или сидит—думает про себя, глядя в окно...

Он увѣрен, я скрываю что-то.

Только раз он проронил вопрос:

— Может быть, ты меня любить перестала?

Я отвѣтила крѣпким рукопожатіем. Он не замѣтил слез на моих глазах. Это было вчера, в сумерки. Я ему сказала:

— Нѣт, милый, нервы все. Уѣду на нѣсколько дней за город. Приду в себя.

...За город. Ложь за ложью. Я приняла рѣшеніе лечь на аборт. Придумала деревню, чтобы не было подозрѣній. Врач поймет меня, поможет. Надо пройти через это испытаніе. Затѣм, когда кончится, Николаю все разскажу. Приду к нему исцѣленная, чистая. Так надо. Иного выхода нѣт......

На этом мѣстѣ дневник обрывается.

...«Иного выхода нѣт». Мое вниманіе застыло на этих словах, как перед тупиком. Взгляд мой

скользнул дальше, и вдруг поймала себя на том, что читаю дальше, по ненаписанному еще, по бѣлому фону бумаги... Я хотѣла увидѣть продолженіе прочитанной исповѣди: вѣдь главное впереди. На большое полотно жизни наложен пока первый мазок...

Я сложила разрозненные листки и сказала себѣ, продолжая думать вслух:

— Надо помочь...

В ПЬЯНОМ УГАРѢ.

Не трудно представить себѣ, как это было...

I

— Мамочка, мамуся, ты уже? Совсѣм?

Так встрѣтил в передней маленькій «дошкольный» Вася свою мать, всю бѣлую от снѣга, обвѣшанную загадочными кульками и сверточками.

— Да, да, милый, уже... теперь цѣлых три дня вмѣстѣ... Всѣ праздники.

Мальчик бросился было к матери, чтобы обычным жестом обнять ее за ноги, или путем хитраго маневра очутиться ближе к заманчивым покупкам, но мать отогнала его:

— Ступай... ступай скорѣе в комнату... Простудишься... Я сейчас.

Вася шаловливо убѣжал в комнату й, высунув голову из-за двери, стал нетерпѣливо слѣдить за каждым движеніем матери, пока та отряхивала с себя прилипшій к платью снѣг и раздѣвалась.

— Ну, скорѣе же, скорѣе, мама...

Ольга Васильевна В., мать Васи, не менѣе своего мальчика радовалась наступившим праздникам. Шутка ли, три дня отдыха! Можно по утрам не слѣдить тревожно за стрѣлкой часов— как бы не опоздать на службу, и поваляться в нагрѣтой постели; не висѣть на подножкѣ трамвая, чтобы во-время попасть на службу; не отвѣчать десяткам, сотням посѣтителей, выслушивать их замѣчанія и жалобы и нервно копаться в исходящих, входящих, послѣ чего приходишь домой усталая, измученная, продолжаешь труд на кухнѣ за

примусом, а ребенка и не чувствуешь — некогда. И вот, три дня отдыха — цѣлая вѣчность. В предвкушеніи предстоящаго отдыха так хорошо было ходить, не торопясь, по магазинам, закупать продукты «на всѣ три дня», выбирать для мальчика лакомства и всякаго рода копѣечныя побрякушки... Не думая о своем ограниченном бюджетѣ, в угарѣ празничнаго настроенія и себя побаловала кое-какими обновками: туфли, чулки и еще там всякое к туалету. И к парикмахеру сходила—подправила запущенную стрижку и завила волосы. В будни совсѣм некогда слѣдить за собой и, сидя у парикмахера в креслѣ против большого граненаго зеркала, — она вдруг изумилась самой себѣ: как она еще молода, как мало жила по-настоящему и как еще хочется жить, жить, жить...

И вот — наконец, она у себя в комнатѣ на пятом этажѣ, вмѣстѣ со своим мальчиком. Бросила покупки на кровать, а сама сѣла рядом, запрокинув руки за шею и прислонившись к стѣнѣ. Было хорошо от ощущенія усталости, которую можно преодолѣть спокойным длительным отдыхом, — от сознанія, что вечером, когда уснет Вася, можно принять ванну, посидѣть попозже, насладиться домашним уютом. А завтра — вечер-концерт на службѣ, в клубѣ, с ужином и танцами; на слѣдующій день — вечеринка у Иванюковых, затѣм — билет в театр. Словом, всѣ праздники заполнены. Она обо всем этом думала, и спокойная, едва замѣтная улыбка на лицѣ сопровождала эти праздничныя думы. Она была довольна, что Вася копается в свертках и коробках, развязывает их, восклицая при каждом новом открытіи.

Вот так бы сидѣть долго, долго, ощущать возлѣ себя присутствіе и близость ребенка и не двигаться... Улыбающимся взглядом она проходит по комнатѣ — и комната, вчера прибранная поденщицей, — тоже выглядит новой, праздничной, хотя все в ней обычно и знакомо: вот под прямым углом к ея кровати — дѣтская, под бѣлую эмаль,

кроватка Васи; вот в углу у окна — письменный столик, и поодаль — у стѣны — столовый стол, покрытый свѣже-накрахмаленной бѣлой скатертью; над столом свисает с потолка электрическая лампа, под матовым-полушаром абажуром. И дальше — на стѣнах издавна знакомые — в рамках — картины-пейзажи, портреты родных, и над кроваткой — Васи...

Вдруг улыбка сходит с лица. Ольга Васильевна подалась даже немного вперед, но сейчас же опять прислонилась к стѣнѣ, уставившись в одну точку над кроваткой Васи. Она увидѣла портрет мужа, отца Васи.

Праздничное настроеніе как рукой сняло. Вспомнилось почти забытое, ожило самое тяжелое, давно, как будто, пережитое. Вспомнились омут пошлости, лживыя увертки мужа послѣ трех лѣт жизни с ним, когда Васѣ было два года... Нечаянное разоблаченіе Ольгой Васильевной, разрыв с мужем и его уход к «той женщинѣ». Копоть и муть на душѣ — внезапно всплывшія — были не столько от того, что муж ее оставил, сколько от лжи, в которой она жила долгое время и могла бы еще жить, если бы не случай, неосторожность мужа, провал... И вот, жизнь только началась — на первых же порах принесла горькое разочарованіе. Перестроила по новому свою жизнь, запряглась в труд, в заботы о ребенкѣ. Постепенно душевная боль утихла. Как бы там ни было — лжи в ее жизни больше нѣт и не может быть. С мужем покончено, и он сам не искал встрѣчи с ней. Мальчика навѣщал очень рѣдко, чаще всего в отсутствіе матери. Лишь изрѣдка ее — не волновала даже, а так, отдавала давнишней мутью — мысль о том, что муж не добивается частых свиданій с сыном, дабы не дать повода к расходам на него. Она гнала от себя эту мысль, она и не хотѣла, чтобы муж участвовал в расходах на содержаніе сына; боялась вліянія на мальчика этого лживаго человѣка. Знала, что он служит и живет

с той, «другой женщиной». В общем, Ольга Васильевна заставила себя о мужѣ забыть, свыклась с новой трудовой жизнью. И портрет на стѣнѣ стал как бы отсутствующей вещью, она его перестала замѣчать, и почему-то сейчас остановилась взглядом на портретѣ, почему-то нежданно нахлынули воспоминанія, и так ненужно вторглись они в душевный покой, добытый с таким трудом. Вот они—столь знакомыя черты когда-то близкаго, любимаго лица... С такой искренней преданностью и любовью смотрят с портрета глаза мужа... Зачѣм так все сложилось? Почему разбита жизнь? Вѣдь жизнь-то, в сущности разбита? Вот у Иванюковых — будет на вечерѣ—Рая Иванюкова, счастливая, веселая. Ея муж так нѣжен с ней; ребенок знает общество отца, и сколько ребенку от этого радостей!.. А вот ее Вася отца лишен. Что для него праздник? Праздник одинокой, заброшенной женщины...

— Мамочка, мамочка, а можно эту коробочку открыть?

Вася вывел ее из забытья... Она пришла в себя: непроизвольным движеніем как бы стряхнула с себя нахлынувшія воспоминанія, отвела взгляд от портрета мужа, рѣшительным взмахом воли вернулась к сегодняшнему дню, к Васѣ, к наступившим праздникам, к убранной комнатѣ—и опять, как раньше, когда только сѣла на кровать, улыбнулась. Играя с Васей, выхватив из его рук бонбоньерку с сюрпризом, сказала ему, смѣясь:

— Нѣт, милый, нѣт... этого нельзя... Секрет... Утром найдешь у себя под подушкой.

И наступил тихій, спокойный вечер. Она до глубокой ночи читала в постели, увлеклась какой-то книжкой и прислушивалась к ровному дыханію уснувшаго Васи.

II.

Слѣдующій день — начало праздника — пронесся, как шелест крыльев быстро пролетевшей

птицы. Проснулась рано, долго играла в постели с Васей, вмѣстѣ с ним разбирала подарки, выслушивала его разсказы о дѣтском садѣ, о товарищах. Прогулка с Васей по городу, в Зоологическій сад. Вот что запомнилось от промелькнувшаго дня.

Незамѣтно, как-то сразу, наступившій вечер пріостановил быстрый разбѣг времени, — и Вася взгрустнул.

— Мамочка, а ты не уходи.

— Не могу, милый. Знаешь, неудобно. Всѣ товарищи по службѣ собираются.

— Г-м... мама. Нехорошая у тебя служба.

Вася сидѣл на полу, разсматривая в новой книжкѣ картинки, а Ольга Васильевна снимала изпод простыни, замѣнявшей гардероб, платье на сегодняшній вечер. Пора одѣваться. Она думала о вечерѣ в клубѣ, о сослуживцѣ Адріановѣ. У него славное лицо. Он взял с нее слово, что она будет на вечерѣ.

— Мамочка, ты что же, не слышишь?

Из передней донесся, очевидно, повторенный, настойчивый, троекратный стук к Ольгѣ Васильевнѣ.

— Это к нам, мамочка. Открыть?

«Кто бы это мог быть?»

Прикрыв кое-как разбросанныя в безпорядкѣ платья, поспѣшила к парадной.

— Кто там?

— Ольга, это я. Можно к тебѣ?

Удар молотом по сердцу. На миг сердце остановилось и сейчас же застучало мелкими, быстрыми ударами — дробью.

Ольга Васильевна не могла сообразить, что ей дѣлать, как быть. Подумала только: Это Михаил... Михаил Сергѣевич. Это все так неожиданно, сложно. Не нужно это, не нужно. И зачѣм? Некогда размышлять. Что-то надо сдѣлать. Но не видѣть, не принять — теперь, в этот вечер... А руки сами по себѣ, машинально, поворачивают в двери ключ и перед Ольгой Васильевной ея муж, Михаил Сергѣе-

вич, отец ея ребенка... Высокій, прямой, со свѣжим, красным от мороза лицом, привѣтливо улыбается..,

— Здравствуй, Ольга. Ты на меня не сердишься, что пришел?

Она почти безсознательно отвѣчает на рукопожатіе и продолжает размышлять, точно отдѣлила себя от самой себя.

Перед ней не муж ея, Михаил, а вчерашнее видѣнье — ожившій портрет, ожившія воспоминанія, всколыхнувшія былую муть.

— По Васѣ стосковался... Хочется взглянуть на него... Еще не спит? Возьми...

Передал Ольгѣ Васильевнѣ большой пакет.

— Пожалуйста... Тебѣ и Васѣ...

Она как во снѣ — закрывает дверь, принимает от Михаила Сергѣевича пакет, ждет, покуда Михаил Сергѣевич снимает с себя пальто. Не она, а чей-то чужой голос к выглянувшему из-за двери Васѣ:

— Это пришел папа.

А мысли-видѣнія не оставляют. Точно можно еще сказать этому нежданному и ненужному гостю в передней:

«Нѣт... не могу сегодня... уходите»...

Вася привык к рѣдким появленіям отца: придет, посидит недолго и уйдет оставив шоколадку или игрушку. «Папа» не играет с ним, не веселит. Бывало желаніе подойти ближе, но что-то удерживало, подсказывало, что этого нельзя дѣлать. Это огорчит маму, да и папа как отвѣтит? И радовали посѣщенія отца, и в то же время оставляли неудовлетворенность. Как-то установилось, что с мамой о папѣ не разговаривал. Даже о рѣдких визитах отца, в отсутствіе матери, не всегда разсказывал ей. Не в особом разговорѣ, а так, как-то незамѣтно, Ольга Васильевна пріучила мальчика к тому, что отец им чужой, что он не нужен и никогда к ним не вернется. И Вася больше инстинктом, чѣм сознаніем, понимал, что говорить об отцѣ не надо.

— Ну, здравствуй, Васюк.

Михаил Сергѣевич поднял Васю на руки, поцѣловал его и поставил на пол,

Вася стоял смущенный, не зная, как отвѣтить на неожиданный приход и еще болѣе неожиданную ласку отца.

— Я вот что тебѣ принес, Васюк.

Михаил Сергѣевич развязал пакет и вынул оттуда настоящій заводной аэроплан.

— Летит по-настоящему, смотри...

Вася увлекся игрушкой.

В пакетѣ были еще закуски, фрукты, вина. Все это Михаил Сергѣевич выложил на стол.

Опять к Васѣ. Завели аэроплан. Когда игрушка понеслась дугою к потолку, они вмѣстѣ пустились за нею вдогонку, ловя руками воздух, и Васѣ стало весело с папой, как никогда.

— А я тебѣ, Ольга, не помѣшал? — Говорит, как добрый знакомый, точно не было пропасти между ними. — Ты, пожалуйста, не стѣсняйся.

Замѣтил разбросанные в безпорядкѣ платья. Догадался, что Ольга куда-то собирается.

Ольга Васильевна довольна, что Михаил Сергѣевич возится с Васей. На нѣсколько минут она была предоставлена самой себѣ. Один маленькій вопрос требовал отвѣта сейчас: ей надо на вечер, там ждут. Ждет Адріанов. Как быть? Но «он», вѣроятно, не надолго. Покуда уснет Вася.

— Нѣт, ничего. Я — на вечер... в клуб... Еще рано...

Сидя на корточках рядом с Васей и объясняя ему, как заводить игрушку, Михаил Сергѣевич сказал, как что-то обыденное, между прочим, но с явным желаніем подчеркнуть сказанное именно этой обыденностью:

— А жаль... Я хотѣл... Я думал, Ольга, ты согласишься провести со мной вечер.

Ольга Васильевна не отвѣтила. Внутренне: зачѣм это? Не нужно, лишнее, невозможно.

— Ну, как же, Ольга?

Девятый час. Надо итти. Вспомнила Адріанова...

Представилось, как он высматривает ее в толпѣ своими близорукими глазами... И от этого представленія было пріятно. Хорошо бы подкрасться к нему сзади и руками прикрыть его глаза, потушить: «Угадайте, кто?»

Надо итти.

— Васенька, поздно, дѣтка. Тебѣ спать пора. Папа извинит. И мнѣ уходить...

— Погоди, мама...

Глазки умоляют:

— Дай еще поиграем...

— Так ты, Ольга не хочешь? Не можешь?

Приблизился к ней, быстрым шопотом, как вдохновенное:

— Я почему-то долго ждал этого праздника. Потянуло к тебѣ. Знал, безсмысленно. Но когда вчера наступил вечер,—я почувствовал себя одиноким. Такая тоска по семьѣ, по тебѣ, по Васѣ...

Ольга Васильевна встрѣтилась со взглядом мужа: точь-в-точь вчерашняя встрѣча с портретом. Мелькнула мысль: странно, вчера она испытала тоже. Но все это—мираж, фантазія, скверный сон. Вон она, изнанка жизни: перед ней человѣк, изолгавшійся, разбившій ея жизнь, лишившій ребенка отца. Нѣт и нѣт.

— Мамочка останься с папой...

Васѣ показалось, что в этот вечер папа не такой, как всегда. Чѣм-то новым повѣяло от него. Ему чутье подсказывало, что папѣ очень хочется, чтобы мама не ушла к чужим. В то же время он сообразил: если мама не пойдет на вечер, они еще посидят, поиграют с ним.

— Мамочка!

И потому ли, что ее тронули молящіе глазки сына, потому ли что сыграло роль фатальное совпаденіе ея настроенія с настроеніем мужа вчера вечером, или просто так,—она потеряла власть над собой, устала от внутренней борьбы, точно усталость от борьбы в теченіе двух послѣдних лѣт сказалась вся сейчас, в этот вечер,—дѣлала в этот ве-

чер все, помимо своей воли, продолжая тонуть и барахтаться в пучинѣ нежданно обступивших ее вопросов и сомнѣній,—как бы раздвоенная: одна—со своими мыслями и тревогами, другая — здѣсь, в этой комнатѣ с Васей с Михаилом... Михаилом Сергѣевичем, дѣлающая все, о чем он просит, не потому, что это надо, а потому, что поток мыслей очень важных, но неясных не дает ей остановиться на чем-либо с нужной ясностью,—она во всем уступает мужу, уступила ему и в его послѣдней просьбѣ, как и в том, что приняла его в этот вечер у себя.

— Хорошо.

Михал Сергѣевич схватил на руки Васю, поднял его над своей головой и завертѣлся с ним по комнатѣ.

— Ну, вот, спасибо, Ольга. Вот обрадовала.

И в комнатѣ стало оживленно, точно в тѣсном кругу собралась тѣсная, никогда не разлучавшаяся семья.

— Отвернись, пожалуйста, я переодѣнусь...

Михаил Сергѣевич удалился вглубь комнаты с Васей. Он знал, что за его спиной одѣвается женщина, молодая, красивая, бывшая его женой, когда-то доступная. Дразнило любопытство. Он ждал, что придет это любопытство, настроил себя еще со вчерашняго дня, когда принял внезапное рѣшеніе пойти к Ольгѣ. И это рѣшеніе уже второй день пьянит. И вот он у Ольги. Хотѣлось оглянуться. Любопытство, жажда близости жены охватило с большей силой, чѣм он ожидал. Началось с прихоти, с каприза—и вот... но старался сдержать себя: сейчас еще рано, нужна выдержка. Он анализировал себя, взвѣшивая каждое свое движеніе, слово и весь, казалось, ушел в игру с Васей. А Ольга Васильевна, одѣваясь, думала о пропущенном вечерѣ в клубѣ, об Адріаровѣ — нашла для себя выход в том, что «именно интересно вызвать в Адріановѣ чувство ожиданія... Как он ее встрѣтить завтра?... Это даже хорошо». Вмѣстѣ с тѣм она чувствовала за своей

спиной присутствіе мужа, человѣка, бывшаго нѣкогда ей близким, как никто—никогда.

III

Окунулись в праздничную шумную толпу. В фойе дзаз-банд своим шумом и треском заглушал всѣ сомнѣнія и тревоги, охватывал всемогущим легкомысліем. Барабаны, литавры, молотки бьют по сознанію и обрывают каждую зарождающуюся мысль. В толпѣ нѣт старых лиц, всѣ юныя. Так кажется. И вся жизнь кажется удивительно несложной и удивительно радостной. Толпа, подгоняемая тѣми же звуками джаз-банда, увлекала их в душный, слабо освѣщенный зал. Смотрѣли «боевик». Забылось, что это — картина; подлинная жизнь мелькала перед глазами, со своими сложными изгибами. Молодость, красота, героизм, подлость и пошлость людская, тоска, любовь — все это смѣнялось со сказочной быстротой. И именно потому, что жизнь мелькает безостановочным темпом, такая сложная, бурная, и каждый миг радости достается цѣною тяжелых мук — жить хочется, чтобы жизнь, сейчас, была простой, несложной, чтобы были легкость, радость. И именно поэтому, когда опять вышли в фойе, навстрѣчу шаловливо-легкомысленному джаз-банду, повѣрилось, что в настоящей, подлинной жизни все может быть легко и просто.

То же чувствовалось и на улицѣ, куда повалила праздничная и шумная толпа, гдѣ по-особенному, по-праздничному бѣлѣл снѣг и с трогательною преданностью выкрикивали извозчики:

— Повезу!

— Эх, с праздничком, да покатаю...

— Взгляни, лошадка. Искры полетят...

И именно потому, что звенѣли еще в ушах звуки джаз-банда, что мелькали еще перед глазами сцены тревоги и покоя, что снѣг был такой празднично-бѣлый, что люди всѣ такіе милые, а извозчи-

ки так гостепріимно зовут, — Ольга Васильевна, не задумавшись, отвѣтила на предложеніе мужа:

— Хорошо, поѣдем.

Он предложил поѣхать к ней, поужинать.

Только и всего, ничего особеннаго. Провести просто и легко вечер.

Быстро мчатся сани. Мороз острыми иглами колет лицо. Пронизывает холод. От холода, что-ли? И Ольга Васильевна не сопротивляется, когда Михаил Сергѣевич обнимает ее и слегка прижимает к себѣ, чтобы согрѣть ее немножко и удержать на узеньком сидѣньи. Она не думает ни о чем, это — не ея бывшій муж, в сущности — чужой ей человѣк, рядом с ней... Просто — пріятно, хорошо... Кто он? Не все ли равно? Скорѣе в комнату, в тепло, и уют.

Михаил Сергѣевич торопит кучера. Он рад, что все так удачно сложилось. Похвалил себя внутренне за свою догадливость, что закупил вина и закуски.

В темном подъѣздѣ и поднимаясь по ступенькам на пятый этаж, ни словом не обмѣнялись. Молчали и в комнатѣ. Наступила нѣкоторая неловкость. Не о чем друг другу сказать. Вот-вот прорвется искусственность, навязанная иллюзіей случайных впечатлѣній. Оба этого боялись, каждый по-своему. И оба молча согласились, оправдали молчаніе: надо соблюдать тишину, не разбудить бы Васю.

Вася лежал раскинувши ручонки, с застывшей на лицѣ счастливой улыбкой. В ногах — заводной аэроплан. Михаил Сергѣевич на цыпочках подошел к Васѣ и осторожно, боясь его разбудить, поцѣловал. То же сдѣлала Ольга Васильевна и заставила кроватку Васи ширмой.

Затѣм короткія фразы, шопотом;

— Ну, давай ужинать.

— Давай.

Михаил Сергѣевич раскупорил в передней вино и коньяк. Все на цыпочках. На лицѣ радостное

возбужденіе. Ольга Васильевна нарѣзала хлѣб и раскладывала закуски.

— Знаешь, Ольга, мнѣ кажется — мы и не разставались.

Молчаніе.

-- Мнѣ так хорошо, Ольга... Я давно не испытывал такого покоя... Я знаю, я так виноват.

Ольга Васильевна хотѣла сказать: к чему все это, — вѣдь у него другая жена. Она понимает его настроеніе. Принимает его. Но к чему ковыряться в прошлом и портить вечер? Сознательно промолчала. Своим молчаніем рѣшила пресѣчь ненужное в самом началѣ.

— Выпьем, Ольга, за наше короткое, былое счастье.

Ольга Васильевна давно не пила. Отказалась с неувѣренным женским жеманством.

— Ну, ничего. Выпьем. Вѣдь праздник.

Выпила рюмку коньяку. Сразу обожгло и послѣ мгновеннаго ожога — теплая волна по всѣму тѣлу. Стало свѣтлѣе и в комнатѣ, и на душѣ.

— Ну еще.

— Нѣт, больше коньяку не буду, опьянѣю.

Выпила еще.

Затѣм — шампанское.

Нѣт, это не комната на пятом этажѣ. И не Вася это громко дышит. Ее уносит в высь высоко над землею, кружит, и от быстроты круженія и полета предметы теряют свою четкость, сердце бьется учащенно и кто-то чужой, незнакомый, но странно-близкій, во снѣ все это, говорит:

— Я мѣста себѣ не нахожу. Я ее ненавижу. Отняла у меня тебя, Васю. Я попал в ловушку. Я тогда иначе не мог. Да и ты оттолкнула. Я был мерзок, отвратителен. Но два года... Это ужаснѣе лжи. Это мучительно. Я покончил навсегда. Я переродился. Простишь? Вернешь счастье..: Себѣ, Васѣ, мнѣ. Нѣт? Я уйду в свое одиночество, тоску. Только не гони совсѣм,

Ольга Васильевна слушает и не слушает.

Это джаз-банд. Это — грустная мелодія оркестра у экрана... Это — жизнь... Сон — тоска и скорбь... Это — жизнь — легкая радость. Это не жизнь — фантазія...

Она парит высоко над землей, в каком-то туманѣ, и голова кружится так, что плакать хочется...

— Оленька, родная...

Михаил Сергѣевич берет ее руки в свои, привлекает к себѣ — Ольгѣ Васильевнѣ хорошо. Плавно, спокойно падает с высоты, и от паденія замирает сердце. Что-то невѣдомое успокаивает, и она отвѣчает слезами радости и покоя.

— Михаил, Миша... Я не знаю, что это... Слушай, Михаил, я пьяна. Правда, я пьяна?..

Он цѣлует ея глаза, глотает соленую влагу ея слез и берет ее к себѣ на колѣни и цѣлует послѣ каждаго ея слова.

— Нѣт, Оля. не то. И ты, и я. Мы пьяны от счастья. Ничего не было. Был тяжелый сон. Теперь все хорошо. Навсегда.

Ольга Васильевна слабым движеніем отстраняет ласку мужа и поддается ей, сама возвращая нѣжность и ласку.

— Не надо, Михаил. Зачѣм? Не надо. Михаил. Пусти, пусти.

Они проснулись на разсвѣтѣ.

Вася еще спал. Они лежали, оба одѣтые, на постели Ольги Васильевны. Перебирая растрепанную прическу жены, Михаил Сергѣеевич шептал:

— Ольга, не надо жалѣть, что так случилось... Повѣрь... не спьяну... Я этого хотѣл. Я вѣрю — что было, ты забудешь, простишь. Начнем новую жизнь...

Ольга Васильевна лежала с закрытыми глазами, и отвѣтом на слова мужа была слеза, одна слеза, выступившая из-под опущенных рѣсниц. Казалось, эта слеза долго колебалась, показаться ли. Все же рѣшительно выкатилась, и сейчас же

вслѣд за ней—слезы обильныя, тихое, судорожное рыданіе.

Она знала, случилось значительное, роковое, что так, безслѣдно пройти не может.

— Не надо, милая. Не надо. Все хорошо будет. Успокойся. Я теперь уйду. Не надо, чтобы Вася... Приду к обѣду...

IV

Это был день даже не томительнаго ожиданія. Хорошо ли, что так случилось? Не знает. Не хочет знать. Отвернуться поздно. Надо случившееся принять. Кто знает, может быть, на самом дѣлѣ— пробужденіе послѣ тяжелаго сна. Новая жизнь. А прошлое? Не надо, не надо о нем думать. Уже хочется, чтобы скорѣе пришел Михаил. Вѣрила, что придет...

— Васютка, сегодня папа обѣдает с нами...

— Ах, мамочка, как хорошо... Правда, папа вчера был добрый?

— Да, милый, да, папа всегда добрый.

Она начинает трезво размышлять. Знала, отец возвращается навсегда. Надо подготовить Васю, внушить к отцу уваженіе и любовь.

Долго приводила себя в порядок. Вернулось праздничное настроеніе, хотѣлось легкости, веселья. Приготовив на кухнѣ обѣд, одѣлась в лучшее, хорошо идущее к ней платье, сбѣгала с Васей вниз, купила цвѣты и поставила на стол... Вечером к Иваньковым не пойдет... А Адріанов?.. Даже смѣшно, что принимала всерьез. Михаилу простила. От души простила. Была ложь? Надо умѣть отвѣчать на ложь, надо умѣть и прощать. Тяжело. Но это послѣднее, тяжелое испытаніе сулит столько хорошаго. Да, странно и хорошо сложилось. И как это фатально было с портретом... Чего же он не идет? Пора. Вначалѣ спокойное ожиданіе, затѣм нервное вздрагиваніе от каждаго стука в дверь.

В этот день Михаила Сергѣевича не дождалась.

Не пошла вечером к Иваньковым,

— Ну, Васенька, папу, вѣрно, позвали по дѣлу.

А сама едва держится на ногах... Если бы не боязнь напугать Васю, обмотала бы голову холодным полотенцем.

Как только Вася уснул и можно было сбросить маску спокойствія она стала у окна, лицом к улицѣ. Окно застлал вечерній мрак. И ей казалось, что она вся окутана таким же мраком, что теперь ничто уж этого мрака не разсѣет. Вспомнилась минувшая ночь, пьяный угар, и стыд, и боль, и укор... Опять в омутѣ лжи.

Пришел Михаил Сергѣевич спустя нѣсколько дней. Пришел нежданно, как и под праздник, вечером, но значительно познѣе, когда Вася уже спал.

Пришел преображенный. Вошел в комнату, не сняв пальто. Холодный, чужой. Ольга Васильевна встрѣтила его с болью. Боль была не столько от накопившагося чувства обиды, от новаго удара, который она сама себѣ нанесла... Спьяна — повѣрила... И к чувству раскаянія примѣшалось другое. Новая тоска, боль за мужа. Зачѣм он снова солгал? И тут же — жажда простить снова, вернуть его, вернуть во что бы то ни стало. Опять жить, как жила до этой памятной ночи, — сил нехватит. В эту ночь она всю себя разрядила.

Встрѣтила мужа без упрека, молча.

А он подошел к ней вплотную, посмотрѣл на нее жестоким, упорным взглядом, точно пронзить ее этим взглядом хотѣл, — Ольга Васильевна даже отступила, как бы защищаясь от удара, — и процѣдил яростным шопотом:

— Ты подлая. Я и не подумал, что ты такая...

Она схватила его за рукав пальто:

— Ты с ума сошел?.,

— Оставь, с.....

И бросил ей в лицо непростительно грубое слово.

Она прислонилась к столу, — вот-вот упадет, ноги подкашивались, не понимая, что с ним, что с ней.

— Ты пьян?

— Нѣт, я не пьян. А ты меня заразила тогда ночью.

— Что такое?!

— Невинная, чистая женщина... Ха-ха! Ломаешь комедію... Развратная! И ты — мать ребенка! О, не безпокойся, ребенка заберу. Завтра же в нарсуд!

Ольга Васильевна не постигает, что это: бред, помѣшательство.

— Михаил, ты с ума сошел... Слушай. Клянусь...

— Не прикасайся. Я... я теперь еще из-за тебя мою жену заразил. Она прогонит меня. Из-за тебя. Из-за такой...

Вот что, часто прерывая свой разсказ судорожным плачем, разсказала мнѣ моя больная. Она явилась на пріем на слѣдующій день послѣ второго визита мужа. Она увѣрила меня:

— Как врачу, всю правду говорю. Горе мое обнажаю, — что не могла заразить мужа, так как со времени разлуки с ним ни с кѣм не жила и никаких признаков заболѣванія у себя не замѣчала. Она — в отчаяніи. Муж до этого мог заразиться от своей сожительницы или от другой женщины, теперь заразил ее, и если судебная экспертиза установит, что и она больна, заражена, — могут повѣрить мужу, что он заболѣл именно от нея. «Какой кошмар... И постыдная болѣзнь, и лишиться ребенка»...

Она рыдала и говорила:

— Ах, доктор, и зачѣм я поддалась, как я могла повѣрить этому лживому человѣку и дать

напоить себя... Не будь я пьяной, — я рѣдко, мало пью, — ничего бы этого не было...

Я осмотрѣла ее. Никаких признаков заболѣванія у нея не нашла. В диспансерѣ, куда направила ее, также нашли ее совершенно здоровой.

Сегодня Ольга Васильевна была у меня послѣ диспансера. Поблагодарила меня, точно мнѣ обязана, тѣм, что здорова. В первый визит — блѣдная осунувшаяся, чуть сгорбленная. Сегодня — неузнаваема. Жизнерадостная, счастливая. Говорит, почти поет от радости.

— Я про эту ночь, доктор, уже забыла... заставила себя забыть. Ну, не было, не было ее совсѣм. Муж ко мнѣ больше не придет. Я сказала мальчику, что отец уѣхал надолго, может быть навсегда... Если у ребенка сохранится хорошее воспоминаніе об этом вечерѣ, — пусть. Для ребенка — греза об отцѣ — не существующем. Когда вырастет, ему разскажу.

ВО ВЛАСТИ ПРОШЛАГО.

Я привыкла к лицам «хорошеньких» женщин. Но сегодняшняя моя паціентка положительно хороша. Особенно красивы ея змѣевидныя брови — смѣлый мазок талантливаго художника. На лицѣ ясность и спокойствіе. Вмѣстѣ с тѣм что-то ограниченное, почти тупость. Точно жизнь — вихрь послѣдняго десятилѣтія — пронесся мимо этого лица, не задѣв его своими вопросами и тревогами. Когда паціентка вошла в мой кабинет, мнѣ сразу показалось, что это выходец из прошлаго, чудом сохранившійся — «до - революціонный» экспонат. Такому впечатлѣнію содѣйствовало еще и то, что паціентка, совсѣм еще молодая женщина, одѣта в дорогое шелковое платье, вся в драгоцѣнностях: брилліантовые перстни, тонко инкрустированныя серьги, на шеѣ—алмаз и, может, еще—не замѣтила. Все на ней изысканно, черезчур модно и кричаще дорого. Словом, с витрины «Le printemps». *

Нѣсколько біографических черточек — и «все ясно». Паціенткѣ 23 года. Родители на югѣ — богатые люди; отец — бывшій фабрикант, сохранившій свое состояніе. Единственная дочь: Гувернантки, бонны. Приличное воспитаніе и образованіе. Тщательное обереганіе от всего «грубаго», «вульгарнаго». Культивированіе ребяческой наивности. Сейчас — в консерваторіи, по классу пѣнія.

Переживает драму. Да и драму ли? Просто

* Один из наиболѣе модных магазинов Парижа.

непонятное что-то случилось в ея жизни и пришла к врачу за разгадкой.

Вот ея маленькая исторія.

Сама разсказала, без всякаго любопытства с моей стороны. Откровенность больной была кстати. Впрочѣм, она не была многословна и, по выслушаніи ея разсказа, мнѣ уже самой пришлось наводить ее на вопросы.

— Я бы не пришла к вам, доктор, если бы не то, что я — невѣста. С женихом познакомилась в ученическом концертѣ. Талантливый піанист. Из бѣдной, но хорошей семьи. Я, конечно, не сразу согласилась стать его невѣстой. Пріѣхал мой отец. Он был против, так как жених был бѣдный. Но я настаивала, плакала — ему пришлось согласиться. Даже рѣшил послать его за свой счет заграницу. Через нѣсколько мѣсяцев он кончает консерваторію. Тогда—свадьба, а послѣ свадьбы—в Берлин, к какому-то извѣстному профессору музыки. Меня тревожила, доктор, одна мысль: не из-за денег ли он женится на мнѣ? Я много таких случаев знаю из романов. Мнѣ хотѣлось доказательств его искренности. Я знала из книг много способов получить такія доказательства. Но вмѣсто этого случилось так, что в один вечер, послѣ концерта, он был у меня, я забылась и отдалась ему. Вы можете себѣ представить, как это меня мучило! Стыд, что не сдержала себя. Угрызенія совѣсти, что надо скрывать от родителей. До свадьбы нѣсколько мѣсяцев, а я уже по-настоящему сдѣлалась его женой. Вмѣсто, того, чтобы прекратить... мы продолжали так жить... Вот уже около мѣсяца... И вдруг...

— Что же теперь — послѣдствія? Думаете, беременность?

— Нѣт, не знаю. А может быть — и это... Нѣт, случилось совсѣм другое. Я получила хорошее доказательство, что он женится на мнѣ не из-за денег. И я не рада этому... Я очень огорчена, ничего не понимаю...

— Что же случилось?

— А вот...

Паціентка вынула из изящной маленькой сумочки маленькій клочок бумаги.

— Читайте.

И подала мнѣ записку.

Вот что было в запискѣ:

«Адель, три дня, как мы не видимся. Я не отвѣчал на твои записки, я не был эти дни дома, чтобы ты не могла меня застать, если бы пришла ко мнѣ. Я не мог рѣшиться на объясненіе с тобою, когда был у тебя в послѣдній раз. Именно объясненія мнѣ хотѣлось избѣжать. Так вот, это безповоротно: я ухожу от тебя, забудь. Не дѣлай попыток найти меня и возобновить отношенія. Не хочу и не могу имѣть ничего общаго с тобой. Почему—сама знаешь. Михаил». (Послѣднія слова подчеркнуты.) Затѣм—постскриптум:

«Это лучшее из того, что я могу тебѣ сказать». (Слово «лучшее» подчеркнуто.)

Прочла и взглянула вопросительно на паціентку.

— Ничего не понимаю...

— Ну, конечно, доктор... Но поймите, мнѣ не к кому обратится... И что мнѣ теперь дѣлать?.. Как объяснить родным?.. Я к вам пришла вот почему... Я думала, может быть, ему что-то не понравилось во мнѣ. У меня что-нибудь не так, как у женщины... Знакомых спросить не могу—стыдно.

— Позвольте, вы говорите, почти мѣсяц...

— Да, и он очень любит меня... Бывал так нѣжен, ласков—и вдруг...

— Значит, что же? А вы сами за собою ничего не замѣчали?

— Нѣт, ничего особеннаго. Видите сами, я, как женщина, недурна.

Застѣнчиво улыбнулась.

— Я его тоже очень люблю...

— Ну, да, но так ненормальностей каких-нибудь сами не замѣчали?

Паціентка не сразу отвѣтила, — и как бы в раздумьи:

— Имѣет ли это значеніе?.. Бывают изрѣдка выдѣленія. Мало замѣтныя... Бѣли... Но это вѣдь ничего... Мнѣ еще мама говорила...

«Вот оно что...»

— Дайте взгляну.

По внѣшнему осмотру — подозрѣніе на гоноррею. Надо провѣрить. Взяла мазок. Велѣла притти еще раз. Состояніе паціентки, хоть и предположительное, заинтересовало меня. Ничего ей покуда не говорю, чтобы не испугать. Возможно—я ошибаюсь.

— А скажите, пожалуйста, до того, как сошлись с вашим женихом, вы... никого не любили?..

— Конечно, увлекалась, флиртовала. Но так, как его...

— Нѣт, не это. Словом, ни с кѣм не сходились, как женщина?

Она удивилась моему вопросу.

— О нѣт... Развѣ это возможно?.. Увѣряю вас, доктор, ни с кѣм, никогда...

Я не сказала вслух: «Странно», но, очевидно, лицо мое выражало недоумѣніе. Значит—наградил ее жених? Если жених, — то какой смысл в том, что он ее оставил? Стыд? Боязнь упреков?

Обо всем этом я подумала про себя.

— Почему вы спрашиваете, доктор?

— Да так...

Осмотр и опрос паціентки кончен. Она привела себя в порядок и может уйти, но почему - то мнется на мѣстѣ. То открывает, то закрывает свою сумочку. На лицѣ — напряженіе точно хочет вспомнить что-то. Нерѣшительно поворачивается к выходу.

— До свиданія, доктор... через три...

И вдруг останавливается...

— Может быть, доктор, это не имѣет значенія. Но раз вы спрашиваете... Со мною случилась одна исторія... очень давно... Мнѣ было тогда пятнадцать лѣт... Во время гражданской войны. К нам в город

пришли казаки. Устроили еврейскій погром. Громили и нас. Схватили, хотѣли убить моего отца. Я стала кричать и плакать. Увидѣли меня. Оставили отца и бросились ко мнѣ. У них были звѣрскія лица... Пьяные. Бросились, схватили меня. Один из них большой, рыжій в веснушках. Волосы покрывали один глаз. А другой глаз — красный, налитый кровью. особенно страшно стало от красных лампасов на его широких штанах. Вокруг ломали, били, визжали. Этот рыжій схватил меня и я лишилась сознанія. Что было со мною — не помню и до сих пор не знаю. Помню только, когда пришла в себя... на полу... я была в разодранном платьѣ. По всѣму тѣлу — боль. На руках, на лицѣ — царапипы. В комнатѣ все переломано, побито. А возлѣ меня суетились родители. Меня уложили в постель... Компрессы, примочки. Когда в городѣ успокоилось, меня повели к врачу. Врач осмотрѣл меня, как вы сейчас. Послѣ этого мнѣ дѣлали операцію под хлороформом и долго, долго лѣчили. Ходила к нам фельдшерица, дѣлала вспрыскиванія. Я ничего не знала. Мнѣ ничего не говорили. Из случайно подслушанных разговоров родных между собою, я догадалась, что «больна» «от него». Чѣм больна почему «от него», не знала и до сих пор не знаю. Почти год лѣчили, потом сказали, что я здорова. Прошло много времени, я почти забыла. Не помню, чтобы еще болѣла. Вот уже год, как я в Москвѣ. Так вот, доктор. И больше ничего.

Я подумала: «Хорошенькое больше ничего».

Картина ясная — застарѣлая болѣзнь. 10 лѣт во власти этой болѣзни. Больше не сомнѣваюсь. Теперь мнѣ ясен смысл записки жениха. Очевидно, и он теперь болѣн — лѣчится. Он увѣрен, что невѣста «испорченная» женщина, обманула его. «Лучшее», что он мог сдѣлать, — это разстаться без скандала. Сказать ей о болѣзни? Он рѣшил, очевидно, не стоит, — она сама знает.

Я все же воздерживаюсь от установленія діагноза. Анализ покажет.

Говорю паціенткѣ:

— Так-таки родители ничего вам не объяснили? Хорошо. Через три дня зайдите...

Анализ показал гонорре́ю. Сегодня Адель пришла ко мнѣ. Все такая же красивая, разодѣтая. На лицѣ не скорбь, — а недоумѣніе.

— Ну, что, от жениха ничего?

— Нѣт, не пойму ничего.

Мнѣ долг врача подсказывает: тут же, в один пріем разсѣять плоды «сентиментальнаго воспитанія» заботливых родителей. Сказать больной всю правду, во всей ея жестокости. Надо, чтобы она поняла серьезность своего положенія и взялась за лѣченіе. Я ей все сказала рѣзко, прямо. Отвѣт: вытаращенные на меня в ужасѣ глаза.

Я ей говорю:

— Вот видите, вы уже впадаете в панику. Вѣдь вы взрослый человѣк. Надо взять себя в руки, опаснаго ничего. Просто незалѣченная, очевидно болѣзнь. Совершенно излѣчима. Гарантирую вам, вы будете здоровы.

Она приходит немного в себя:

— Значит, жених...

— Да, он от вас мог заразиться.

— И он про меня думает?

— Да... И не прав. Видите, нехорошо, что родители от вас скрывали. Ясно — от кого ваша болѣзнь... Если ваш жених человѣк честный и культурный, если он вас любит, он должен понять, что вы — жертва, что вы не хотѣли ему причинить зла. Я увѣрена, что, узнав правду, он вернется к вам. Не могло же ему в голову придти... Он для себя разрѣшил вопрос просто. Бывает так. Вы обязательно пойдите к нему, напишите ему письмо.

Паціентка встала:

— Я ходила к нему, доктор. Мнѣ сказали, что он выѣхал, неизвѣстно куда. В консерваторіи — тоже.

ПОПАВЬЯ.

Какіе, в сущности, мы, врачи, жестокіе люди. Я в больницѣ неоднократно наблюдала—мужа, родных, дѣтей, рыдающих за дверью у входа в больничный коридор, — когда мимо них, на носилках, проносят в операціонную близкаго им человѣка — жену, мать... А мы — для нас нѣт болѣе пріятнаго сюприза, как сложная операція. Аборт, грыжа, апендицит—все это мелочи, к которым мы привыкли. Обязательно подайте нам что-нибудь этакое сложное, связанное с риском, гдѣ требуется большое мастерство врача. В день, когда предстоит такая операція, — больница возбуждена. «Знаете?»... «Слыхали?..» Всѣ готовятся: и врачи, и «экстерны, и сестри, и штатные, и внѣштатные. И даже персонал, в этот день свободный от работы, и даже дежурные, которым полагается послѣ дежурства уйти домой,—и тѣ остаются. Трепетное, торжественное возбужденіе. Еще бы! Эти случаи — столь рѣдки. В особенности, если оперирует «сам» профессор.

В этот день, с какого начинается мой разсказ, ожидалось кесарево сѣченіе.

Но здѣсь важны детали. Из-за деталей я и вношу этот разсказ в мои записки. Об операціи, как таковой, не стоило бы разсказывать.

Больная пріѣхала в больницу на извозчикѣ. Это было в день моего дежурства, во время пріема. Средняго роста, дебѣлая женщина, с болѣзненно-блѣдным лицом. Беременна, шестой мѣсяц. Жалуется на сильное недомоганіе. От болей часто стонет.

— Садитесь...

— Ой... ой... Сил больше нѣт. Помогите, доктор, ради-Бога.

— Дѣти есть?

— Да... Ой, ой... как нехорошо. Да. Двое.

— Чѣм занимаетесь?

— Хозяйством. Ой-ой-ой. Пришел мой конец. Хозяйством. Муж — священником...

Значит—попадья. Довѣряюсь моим запискам: я первый раз вижу настоящую, живую попадью. Я наивно подумала: «Развѣ сохранились еще попы? Ну, хорошо — попы. Но попадьи откуда взялись? Что-то доисторическое». Я никак не могла отдѣлаться от мысли, что больная поставила меня у грани двух эпох. Я эту грань инстинктивно почувствовала. Мнѣ в голову не пришло, что эта грань, — в лицѣ попадьи. — выявится на дѣлѣ, на слѣдующее же утро.

Мое музейное любопытство вскорѣ прошло. Предо мною тяжело больная. Нужна, очевидно, экстренная помощь. Стала осматривать больную, и осмотр закончился консиліумом. У нее оказалась цѣлая энциклопедія болѣзней. Во-первых—и основное — токсикація беременности — нефрит. Во-вторых—на ногѣ гангренозный участок. В-третьих—воспаленіе зрительнаго нерва. Неизбѣжно кесарево сѣченіе с послѣдующей стерилизаціей (перевязка труб). Это значит—не только перерыв беременности; перевязка труб означает невозможность беременности в дальнѣйшем.

Обо всем этом было сказано больной со всей откровенностью; об этом же кто-то сообщил ее мужу, дожидавшемуся конца консиліума в коридорѣ. «Иначе за конец не ручаемся. Выбора нѣт».

Больная безропотно подчинилась.

— Ой, смерть моя...

На утро—в больницѣ суета. Операція назначена к 10-ти часам. Оперирует профессор.

С ранняго утра идут хлопоты. Дѣлаю необходимыя приготовленія. У операціонной ждет уже группа врачей, живо обсуждающих предстоящую

операцію. Незадолго до начала операціи в больницу явился муж больной. Я его увидѣла впервые в палатѣ. Маленькій, худенькій, с щуплой, точно приклеенной, рѣдкой бородкой-мочалкой. В потертой расѣ, полы которой комканным излишком ложились на пол, маленькій священник напоминал загримированнаго к спектаклю подростка. С крестом и небольшой иконой в руках он подошел к койкѣ жены, совершил над женой молитву и причастил ее. Эта церемонія была продѣлана неожиданно, без всякаго предупрежденія со стороны пастыря и больной. Палата небольшая—всего четыре койки. Тяжело больные. Неудобно. Батюшкѣ дали понять. Но он обряд закончил и принялся истово крестить жену. Я спѣшу в операціонную. Там все готово, профессор на мѣстѣ. Вокруг—ассистенты, сестры. Всѣ в бѣлом. Больная на операціонном столѣ.

Вдруг слабый голос больной:

— Нѣт, нѣт...

И силится приподнять голову.

Спрашиваю, в чем дѣло.

— Не согласна. Не хочу операціи. Отпустите домой. Гдѣ батюшка? Пришлите батюшку.

Подошел профессор, высокій статный мужчина.

— Что случилось?

Я говорю:

— Больная отказывается от операціи.

— Почему?

И обращается с вопросом к больной:

— Что за капризы? Откладывать нельзя. Вы в опасности.

Вид профессора, его авторитетный голос подѣйствовали на больную и она покорно опустила голову. Но сейчас же опять встрепенулась, набралась послѣдних сил.

— Нѣт, ни за что, это грѣх перед Богом. Господь накажет, если перестану рожать. Женщина должна рожать. Так Господом - Богом назначено.

Ой, ой, пустите меня. Помирать мнѣ. Дайте умереть по-христіански.

Уговоры не помогли. Насильно оперировать нельзя.

Профессор распоряжается:

— Унести больную.

Батюшка поджидал в коридорѣ. Маленькій, щупленькій, с узелочком — риза и прочее—в рукѣ. С непокрытой головы свисает худенькая косичка, и теперь он напоминает затеряннаго в чужой странѣ китайчонка. Когда пронесли мимо него на носилках жену, он продолжал стоять, как вкопанный, и его глаза, узенькія щелочки, тревожно бѣгали вслѣд удалявшейся процессіи. Больная махнула ему прощальным жестом.

Уложив больную, мы вышли к мужу. Он стоял в той же позѣ, молчаливый, покорный. Казалось его голова не в состояніи воспринять того сложнаго, что вокруг его происходит. Ему разсказали, в чем дѣло; объяснили, что в операціи — единственная вѣрная надежда на выздоровленіе. Он со всѣм согласился, дал легко уговорить себя. Ему предложили пройти к женѣ, повліять на нее.

— Хорошо, пойду.

Помахивая узелком, прошел дѣтскими шажками в палату.

И уговоры мужа безуспѣшны. Профессор ушел. Обѣщал притти утром, если до утра ничего катастрофическаго не случится. Поручил мнѣ, как дежурной, наблюденіе за больной. Ушел и муж, безнадежно помахивая своим узелком.

Провожая его к выходу, говорю:

— Вы священник. Я понимаю, религія вам мѣшает понять. Но из-за религіознаго предразсудка ваши дѣти могут лишиться матери...

Пробормотал, не глядя на меня:

— Господня на то воля...

Желѣзная стѣна. Не прошибешь.

В палатѣ успокоились. Затихла и попадья, лишь изрѣдка издавая стоны. Я ушла в дежурку.

Собрались врачи. Стали на всѣ лады обсуждать дикое изувѣрство, невѣжество и власть предразсудков, из-за которых человѣк жизнью рискует. Погоревали о выскользнувшей из рук операціи, столь рѣдкой и интересной. Как быть с попадьей, никто не знал. Остается ждать утра, прихода профессора. Я часто заходила в палату, слѣдила за пульсом больной, за ее общим состояніем. К вечеру все вошло в норму, успокоилось. Остались дежурные, и я в том числѣ.

В палатах кончилась вечерняя уборка и наступил час, когда больным полагается спать. Кругом тишина. Вниманіе напрягается, и реагируешь на малѣйшій шорох. Лишь изрѣдка раздается из палаты стон тяжело-больной, или звонок, призывающій к больной дежурную сестру. Я сидѣла в дежуркѣ за газетой. Увлеклась фельетоном. Тема фельетона унесла меня куда-то за тридевять земель, я потеряла представленіе о времени и пространствѣ. Над газетой я задремала и витала в каких-то фантастических видѣніях. Необычайный шум, движеніе в коридорѣ заставили меня встепенуться. Послышался быстрый, заглушенный топот войлочных туфель. Я встала, напрягла слух. Это бѣгают по коридору сестры и сидѣлки. В одно мгновеніе я — дежурный врач—опять на посту. Что за шум? Не показалось ли мнѣ? И прежде чѣм я успѣла что-либо сообразить, душераздирающій крик прорѣзал больничную тишину. Я поспѣшила в коридор. У одного из окон свалка. Над группой сестер и сидѣлок—взмахи чьих-то рук, с кѣм-то борются, кому-то сопротивляются. И все это без единого звука,—и опять из центра группы—крик дикаго ужаса:

— Пустите, пустите, гоните его...

И из группы вырывается попадья, бѣжит к другому ближайшему окну, рвется на подоконник—характерное движеніе, когда больной, в припадкѣ безумія, хочет броситься из окна.

Я очутилась рядом. Схватила больную за талію. Ко мнѣ поспѣшили на помощь служащіе. С

трудом удалось больную унять и уложить в постель. Ночной покой в палатах нарушен, больные нервничают.

Я сѣла у постели попадьи. Дала ей успокоиться. Пыталась тут же опредѣлить характер припадка. Спрашиваю нѣжным, ласковым голосом, положив ей руку на лоб, — на лбу холодный пот.

— Что с вами, чего испугались?

Она отвѣчает прерывающимся шопотом:

— Я видѣла чорта... Он в ад меня тащит... Вот здѣсь, рядом, он стоял... Глаза красные... Я... я на грѣх не пойду, не пойду...

Очевидно, манія преслѣдованія. Для общаго состоянія больной характерно. И мнѣ жутко стало, не столько от факта психоза, сколько от того, в какую форму припадок вылился. Стало жутко от призрака вчерашней эпохи, от религіознаго гнета, повергающаго человѣка в безуміе и ведущаго к явной гибели. Вѣдь я — прежде всего врач, и как врачу — всѣми силами хочется спасти больную. Когда видишь воочію человѣческія страданія, — в тебѣ и профессіональный интерес, и просто человѣческое сочувствіе — одинаково сильны. Но в данном случаѣ я чувствовала полное безсиліе что-либо сдѣлать. Я могу помочь, как врач. К моим услугам опыт, наука. Но как я преодолѣю эту темноту, против которой сейчас, на моих глазах, пасует и наука, и мой опыт, и мое самое сильное желаніе помочь?..

С больной нехорошо. Это ясно. Нужно что-то предпринять. Об операціи и говорить не приходится. Я не надолго оставляю больную, второпях обхожу другія палаты, возвращаюсь к попадьѣ. Припадки психоза повторяются, но — слабѣе. Больная с постели больше не соскакивала. Силы истощились. На разсвѣтѣ она вздремнула. Я спускаюсь вниз — к телефону, вызвать профессора. Ждать установленнаго часа не рѣшаюсь. Я спускаюсь быстро в утренней сырости по каменным ступенькам. На нижней ступенькѣ споткнулась. Что-то живое

завертѣлось у моих ног и выпрямилось. Это был — маленькій пастырь, муж больной. Рядом на ступенькѣ — узелок с ризой.

— Вы что здѣсь дѣлаете?

Лишній вопрос. Сама вижу. Он всю ночь провел здѣсь в ожиданіи. Замигали узкія щелочки на худом лицѣ, затряслась бородка. Он смущен, не отвѣчает, почему-то стрѣмительным движеніем нахлобучивает на глаза потертую барашковую шапку.

Я спѣшу к телефону и бросаю ему на ходу:

— Поднимитесь наверх. Вы понадобитесь.

Позвонила к профессору. Он скоро явился. Не потревожив больную, посовѣщались. Приняли рѣшеніе. Позвали попа.

Он поспѣшил к нам мелкими шажками, помахивая узелочком. Профессор говорит ему:

— Вы знаете, какому риску подвергает себя ваша жена?

Священнослужитель тоненьким тенорком:

— Господи Боже мой. Да я что ж... Да я благословил. Да она грѣха боится. А грѣх большой. Большой грѣх. А я благословил. Бог простит. Ребятишек жалко. И мнѣ без матушки тяжело придется. Грѣх простит Бог. Боится матушка грѣха.

Безнадежно. Профессор прерывает жалостливое бормотанье:

— Ну вот что, милый человѣк. Дѣло ваше. Мы вас предупредили. Против вашей воли итти не можем. Мы сдѣлали, что в наших силах.

Дошло ли до сознанія маленькаго существа наше предложеніе, — не знаю. Выслушав нас, он замотал бородкой-мочалькой:

— Ну, что же... Я-то что. Дай Бог. Дай Бог.

Больная выслушала наше рѣшеніе в полном сознаніи. Согласилась. Муж перекрестил ее, и через нѣсколько минут больная опять—на операціонном столѣ.

Зашевелился больничный улей...

Операція сошла благополучно. Когда дѣйствіе

наркоза прекратилось и больная пришла в себя, ея первый, слабым, едва слышным голосом, вопрос — был:

— А рожать буду?

Послѣ операціи больная пролежала нѣсколько дней.

При нормальном теченіи болѣзни и при общем нормальном состояніи больных, в таких случаях, в установленный приблизительно срок, выписывают. Но в данном случаѣ было еще мало основаній для увѣренности в благополучном исходѣ. Нефрит продолжался. Даже усилился. Теперь лишь предстояло лѣченіе под строгим наблюденіем врача. Больная еще в опасности.

Канун праздника Рождества. Я на обходѣ. Попадья — с провалившимися глазами. Цвѣт лица — землистый.

Спрашивает слабым, едва слышным голосом:

— Когда выписываться?

Я вызываю на лицѣ улыбку и говорю:

— Что вы, что вы... Вы на пути к выздоровленію... Но надо еще у нас полежать... Мы вас не гоним...

Больная порывается встать и сейчас же падает, обезсиленная, на подушку:

— Ни за что... Опять на грѣх? Нѣт! Гдѣ поп?— И—откуда-то взялась сила—повысила голос: — Гдѣ поп? Давайте его сюда. И что это он оставил меня здѣсь одну? Нѣт, ни за что! К празднику Христову — хочу домой. Зовите попа. К празднику — домой.

Ее пришлось выписать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.